

СОДЕРЖАНИЕ

Слово — сибирякам. От составителей.	2
ОБЫДЕННЫЙ ПОДВИГ	
Михаил ЩУКИН. Военный город.	4
Владимир ШАМОВ. Хроника горя и мужества.	27
ОТЗВУКИ ФРОНТА	
«Эту ненависть я завещаю своим детям...» <i>Письма Н. Шешенина С. Кожевникову.</i>	42
Александр ПОКРЫШКИН. Небо войны. <i>Повесть фронтовых лет. Отрывок.</i>	57
Николай МЕЙСАК. 62 дня.	68
ПОБЕДА ЗА НАМИ	
Юлий МОСТКОВ. Без справки о ранении.	82
Лоллий БАЛАНДИН. Светлели лица.	85
Геннадий ПАДЕРИН. «За тех, кто не дошагал!»	87
Россия под мирным небом. Валентин НОВИКОВ, Евгений БЕВЗ, Рианна ЧАПАЕВА, Елена ТКАЧ. <i>Произведения участников областного литературного конкурса.</i>	89

СЛОВО – СИБИРЯКАМ

От составителей

Дорогие читатели!

Этот специальный выпуск посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Излишне говорить, что Победу в равной мере приближали и те, кто сражался на передовой, и те, кто изо дня в день трудился в глубоком и, казалось бы, безопасном тылу. С материалов, рассказывающих о жизни тылового города — причем не рядового тылового города, а города особенного, — и начинается наш выпуск. Новосибирск, принявший множество крупных предприятий, эвакуированных с запада страны, развернувший десятки госпиталей, встретивший коллективы московских, ленинградских и прочих театров, приютивший кадры научно-исследовательских институтов, проектных организаций, сохранивший коллекции знаменитых российских музеев, был в те годы, можно сказать, настоящей промышленной, культурной и научной столицей.

Конечно, не только продукцию оборонных заводов регулярно отправлял на фронт Новосибирск, но и мужественных и стойких бойцов. Сибиряки в Великой Отечественной — тема необъятная. Чтобы поведать о подвигах их, о том, как сражались они в различных воинских соединениях Советской армии, какой неоценимый вклад в Победу внесли сибирские дивизии, не хватит и тысячи страниц. Поэтому во втором разделе специального выпуска мы решили предоставить слово самим фронтовикам и ограничиться тремя материалами. Прославленный на весь мир, не нуждающийся в представлении Александр Покрышкин. Бывший в свое время знаковой фигурой в Новосибирске, но едва ли многим теперь знакомый Николай Мейсак. И уж точно мало кому известный Николай Шешенин. Три совершенно разных человека, три судьбы. И три совершенно разных и по содержанию, и по жанру текста — отрывок из повести, написанный «по горячим следам» очерк, эпистолярный. Три вспышки. Три голоса из миллионов других голосов...

Девятое мая — День Победы. Всеобщее ликование. Но для тех, кто находится на Восточном фронте, война еще не окончена. И снова — в третьем разделе выпуска — мы в первую очередь даем слово самим фронтовикам. Как они встретили день 9 мая? Что чувствовали, о чем думали?.. А далее — предоставляем страницы для тех, кто родился в войну или родился уже много позже, но кто продолжает хранить память о том времени, о родственниках, участвовавших в боях, или же просто интересуется историей страны, желает быть к ней причастным. Это жители Новосибирской области — финалисты литературного конкурса «Россия под мирным небом».

Авторы всех без исключения текстов этого выпуска, будь то большой очерк или стихотворение в рубрике «Рифмы войны», — сибиряки. Причем многие из них были или являются еще и постоянными авторами журнала «Сибирские огни». Фрагменты воспоминаний, представленные в рубрике «Живые голоса», тоже принадлежат нашим землякам, новосибирцам. Все они, кроме воспоминаний ветеранов завода № 677 (Научно-производственного объединения «Луч»), были записаны сотрудниками Музея Новосибирска.

В выпуске использован иллюстративный материал из фондов Государственного архива Новосибирской области, Новосибирского государственного художественного музея, из собрания Городского Центра истории Новосибирской книги имени Н. П. Литвинова и из цифровой коллекции Новосибирской государственной областной научной библиотеки. Также использованы иллюстрации из свободных интернет-источников и авторские снимки, сделанные Ольгой Вялковой и фотохудожником Евгением Ивановым.

Редакция искренне благодарит всех, кто помог с созданием этого специального выпуска.

ОБЫДЕННЫЙ ПОДВИГ

ВОЕННЫЙ ГОРОД

Кончилось мирное время

И было Новосибирску грозное предзнаменование — с неба.
В черный день двадцать второго июня 1941 года.

Но утро этого дня занималось над Обью обычное — мирное. Скользили по медленно текущей воде отблески летней зари, город медленно и неторопливо просыпался — воскресенье, выходной день. Металлические репродукторы на столбах и черные тарелки радиоточек в квартирах и общежитиях радовали своих слушателей бодрыми маршами, сообщениями о трудовых успехах, звонкими рапортами из заводских цехов и с колхозных полей.

Многие новосибирцы собирались за город, на природу. Складывали в кошелки нехитрую снедь, прихватывали с собой патефоны и пластинки, баян или гармошку — у кого что имелось. Петь и танцевать в те годы очень любили.

И вдруг вздыбилась на чистом небе в считанные минуты набрякшая темная туча. На город, причем полосами, только на отдельные районы, внезапно обрушился невиданный град. Ледяная картечь хлестала по домам и деревянным тротуарам, по деревьям, по цветочным клумбам, по людям, которые пытались найти хоть какое-нибудь укрытие, по окнам домов, со звоном выбивая стекла. Град падал столь плотно, что улицы мгновенно перекрасились в белый цвет. Ледяное крошево хрустело под ногами.

Так же внезапно, словно его срезали, град прекратился. Снова выглянуло и засияло солнце, туча исчезла и небо над городом, как и прежде, стояло высокое и чистое.

Новосибирцы еще не знали, что этот внезапный град упал на город как предвестник уже наступившей великой бури и жестко рассек время — на мирное и на военное.

Вскоре из репродукторов выплеснулось:

«Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

Оглушительная весть невидимым черным крылом накрыла город. И оказалось, что людям в эти минуты просто необходимо быть вместе. Многие, не дожидаясь каких-либо распоряжений или приказов, бежали к проходным своих предприятий, в свои учреждения и организации, где возникали стихийные митинги. Громкие речи перемежались со слезами и женским безутешным плачем...

За несколько дней город разительно переменялся. На улицах появились военные патрули, возле военкоматов выстроились длинные очереди мужчин призывного возраста, и вот уже первые колонны пошли к железнодорожному вокзалу, где стояли готовые к отправке эшелоны.

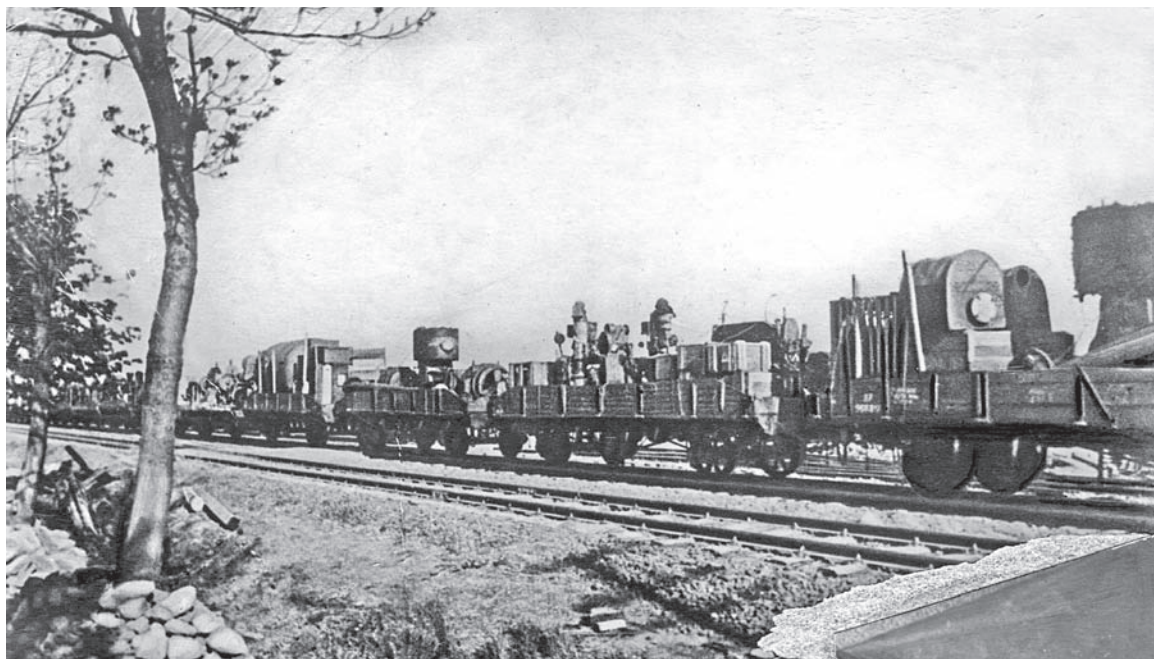
В центре Новосибирска были установлены «Окна ТАСС», где размещались сводки с фронтов и рисунки, стихи местных художников и литераторов. Рисунки и стихи отличались бодростью, а вот сводки с фронтов были неутешительными. Немецкие танковые клинья неумолимо распарывали западную часть Советской страны. Становилось все очевидней, что угроза — смертельная.

Тридцатого июня 1941 года был создан Государственный комитет обороны СССР. Ему передавалась вся полнота власти в стране. Председателем ГКО стал И. В. Сталин. В Новосибирской области уполномоченным ГКО был назначен первый секретарь обкома партии Михаил Васильевич Кулагин. С именем этого человека неразрывно связана вся военная история Новосибирска и Новосибирской области. Сейчас, по прошествии времени, когда читаешь документы и знакомишься со свидетельствами очевидцев тех грозных лет, невольно поражаешься: как удалось все это выдержать и не сломаться под невероятной тяжестью, которая легла на народные плечи?!

Новосибирск сразу был выделен среди других сибирских городов как наиболее удобный для приема эвакуированных с запада предприятий. Исходили из чисто прагматического расчета: город стоял на Транссибирской магистрали, имелся водный путь — река Обь, это был административный центр обширной Новосибирской области, поблизости находился столь нужный кузбасский уголь. Учитывалось и следующее обстоятельство — в Новосибирске заканчивалось строительство двух крупных заводов: авиационного завода имени В. П. Чкалова и комбината № 179, подчиненного Наркомату боеприпасов (нынешний завод «Сибсельмаш»). Оба завода имели обширные производственные площади, на которых и приступили к монтажу оборудования прибывших заводов. Завод имени Чкалова принял оборудование и людей пяти предприятий, комбинат № 179 — семи. И это лишь малая часть из длинного перечня предприятий, организаций и учреждений, которые прибыли в Новосибирск.

Отечественная история не знала ничего подобного. За короткие сроки огромное количество людей, оборудования, самых различных материалов было переброшено на большие расстояния в условиях военного времени. Более тридцати тысяч вагонов с оборудованием и людьми перевезла из западных районов страны железная дорога.

И все это нужно было разгрузить, принять, установить заново, запустить в работу и выдать продукцию. А еще — расселить людей. Документальный факт: на каждого жителя в предвоенном Новосибирске приходилось по три с половиной квадратных метра

Перевозка промышленности на восток, 1941 г.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

Начало

Я помню самое начало —
июньский день и тишина,
и даже радио молчало...
И вдруг — война.
И все в ее тяжелой власти,
и ей одной подчинено,
и все на свете на две части
июньским днем разделено:
что было до него и после.
И горизонт горел в крови,
и далеко во чистом поле
кипели первые бои.
И как удары ножевые,
каким до сердца путь прямой,
врывались в глубину России
бумаги с черною каймой.
И город наш под летним небом
стоял суров и небогат.
Стояла очередь за хлебом
и очередь в военкомат.

(Публикуется по: Юдалевич М. Избранное:
стихи и поэмы. — Барнаул, 1991.)

жилой площади. Скромнее, кажется, некуда. Но требовалось именно на этих скромных площадях расселить сотни тысяч (!) человек. Началось уплотнение, когда к коренным новосибирцам на постоянной основе определяли эвакуированных, срочно освобождались подвалы и чердаки, в авральном порядке строили каркасно-засыпные бараки, или, как их называли в народе, засыпухи. Вкапывались столбы, на них нашивались доски изнутри и снаружи так, чтобы между ними оставалось расстояние в десять-двадцать сантиметров, пустоты засыпались землей — барак готов.

А людей еще требовалось накормить.

С 1 сентября 1941 года в Новосибирске вводится карточная система распределения продуктов. Карточки — это слово прочно и надолго войдет в быт горожан, и с этим словом будет связано множество человеческих трагедий. Все получатели карточек были разделены на две категории. Первая — те, кто работал в оборонной промышленности, на транспорте и так далее, существовал целый список, вторая — все остальные. Следует особо подчеркнуть, что карточки выдавались только работающим и их иждивенцам. Дневная норма хлеба рабочим первой категории устанавливалась в 800 граммов, второй категории — в 600 граммов, иждивенцам и детям до двенадцати лет в 400 граммов. Теперь представьте этот черный хлеб, испеченный из муки грубого помола, длинную рабочую смену в 10 — 12 часов, хо-

лодный барак или землянку, плохонькую, негреющую одежду — и вам многое станет понятным.

Так заканчивалось первое военное лето и начиналась первая военная осень.

В условиях войны

До войны левый и правый берег Новосибирска связывала паромная переправа. Ходили катера, моторные лодки, дежурный пароход. Когда Обь замерзала, перебирались по льду. В создавшихся условиях это было совершенно неприемлемо. В самые кратчайшие сроки принято было решение о строительстве понтонного моста через Обь. И он был построен — всего за один месяц! Для целого поколения новосибирцев мост стал своего рода памятным местом. Днем по нему ехали машины и шли пешеходы, на ночь мост разводили, чтобы могли пройти катера, пароходы и баржи. Понтонный мост для Новосибирска являлся своеобразной «дорогой жизни», потому что обстановка требовала превращения города в единый узел, если угодно, в единый крепко сжатый кулак. С запада, словно волны, один за другим накатывали эшелоны.

Пошли дожди, следом за ними выпал снег и ударили морозы — очень ранние в 1941 году. Уже в начале ноября температура доходила до минус сорока градусов. И именно к этому времени стала подходить основная масса эвакуированных заводов. Иногда в сутки становились для разгрузки до десятка эшелонов: на открытых платформах станки и оборудование, в теплушках — люди, измученные дальней дорогой и бомбежками. Дело в том, что некоторые заводы и предприятия эвакуировались буквально под огнем, оказавшись практически в районах боевых действий. Завод № 69 (теперь это Новосибирский приборостроительный завод), находившийся в Подмоскowie, неоднократно подвергался налетам вражеских самолетов. Выпуск продукции шел в самом прямом смысле под бомбежками. В ночь на пятое августа была особенно сильная бом-

Палатки, в которых размещались рабочие, прибывшие с эвакуированными предприятиями

бардировка. Двадцать один человек погиб, семнадцать были тяжело ранены. И в таких условиях нужно было демонтировать оборудование, погрузить его и отправить вместе с людьми на новое место — в Сибирь.

Поистине гигантская работа!

Но и она была лишь началом многотрудной эпопеи. Восьмого ноября первый эшелон завода № 69 подошел к станции Новосибирск-Главный. Мороз — ниже тридцати градусов, ветер. И при такой погоде на подъездных путях мяскокомбината началась разгрузка. Станки ставили на два заостренных

бревна, человек сорок впрягались в лямки и тащили эти «салазки» к нужному месту. Горели костры, чтобы можно было обогреться. Нынешней улицы Дуси Ковальчук и нынешней площади Калинина еще не было. На этом месте стоял лес, проходило несколько грунтовых дорог. Вот по ним и тащили оборудование.

Давалось это величайшим напряжением сил и воли.

На заводе № 386 Наркомата боеприпасов (Новосибирский механический завод «Искра») практически вручную в страшно холодную зиму 1941/1942 годов проложили водопровод длиной в шесть километров от Оби до заводской территории.

Город Умань, где мы жили, находился в 250 километрах от границы. Немцы наступали очень быстро. И вот отец говорит: «У нас в Новосибирске живет родственница — моя сестра Марфа. Поедем к ней». Но папу не отпускали из института, где он работал, и он лишь отпросился, чтобы проводить семью. Билеты он купил на поезд Умань — Киев — Москва — Новосибирск на 8 июля 1941 года. Когда мы стали уезжать, подали телеги, на которые грузились по несколько семей. Нас задержала одна семья, они очень долго собирались, а времени до отхода поезда оставалось чуть-чуть. В итоге, когда мы приехали на вокзал, увидели лишь огни уходящего поезда. Это был последний пассажирский, который ушел из Умани.

Мы переночевали на вокзале, а утром родители решили ехать на пригородном до станции Христиановка. Там люди бежали в любой эшелон, не спрашивая, куда он отправляется, лишь бы на восток. Нам удалось сесть в товарный вагон, в котором везли известь. Поезд то разогнался, то замедлял ход, когда немцы бомбили. Едва отъехали от Христиановки, как увидели догорающие вдали остатки пассажирского поезда, на который мы опоздали.

Дальше ехали на чем попало: на открытых платформах с кирпичами, в товарных вагонах с железными прутьями... Всего пришлось сделать 13 пересадок.

29 июля 1941 года приехали в Новосибирск и остановились у тети Марфы, в маленьком бараке в «Шанхае». Рядом был глубокий лог, по дну которого текла 1-я Ельцовка, а по бокам в хаотичном порядке налеплены были бараки (ныне современная улица Плановая).

Лето 1941 года — самое страшное время. С фронта шли только плохие новости. В город пришло много эвакуированных. Вся площадь Сталина (нынешняя площадь Ленина) была усеяна людьми. У них ничего не было: ни жилья, ни денег, ни еды. В кратчайшие сроки их расселяли по городу, но жилого фонда не хватало. Приходилось рыть землянки. Особенно много таких землянок было в Заельцовском районе, рядом с нашими бараками.

Ю. И. Бородин

В нашей квартире вместе с эвакуированными жили три семьи. И вот одни из них потеряли хлебные карточки. Моя мама и соседи поделились с ними последним куском хлеба. Целый месяц мы все вместе, три семьи, питались на две карточки. Вот так и поддерживали друг друга, иначе бы не выжили.

Самая вкусная еда, которую я люблю до сих пор, — это черный хлеб, посыпанный сахаром. А еще мы топили прямо в квартире печку-буржуйку, а труба от нее выходила в окно. Для топки рубили дровишки маленькие. Вот у меня на руке три шрама, это с тех пор, когда я топором дрова рубила.

И. Т. Ложкина

зически начинаешь ощущать невероятное напряжение первых военных месяцев. Вот лишь несколько выписок из протоколов и решений Новосибирского обкома партии, которые нет необходимости подробно комментировать — столь они красноречивы.

Из протокола заседания Новосибирского обкома ВКП(б) от 3 сентября 1941 года:

«Бюро обкома ВКП(б) устанавливает, что директор завода № 153 (авиационный завод имени Чкалова. — *М. Ш.*) т. Маланьин не учел предупреждение товарища СТАЛИНА и не обеспечил выполнение мобилизационного задания по выпуску самолетов ЛАГГ-3 в августе месяце (план выполнен на 54 процента). Вследствие нераспорядительности и безответственного отношения к делу допустил обезличку, совершенно неудовлетворительное использование оборудования и большие простои рабочих. <...>

Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Снять с работы директора т. Маланьина как не способного обеспечить выполнение мобилизационного плана. За проявленное благодушие, нераспорядительность и совершенно неудовлетворительное использование рабочей силы, инженерно-технических кадров и оборудования объявить т. Маланьину строгий выговор.

<...>

5. Предупредить руководство завода, начальников цехов, что они несут личную ответственность за выполнение суточного графика сдачи продукции, за правильное, производительное использование каждого работника в цехе, каждого станка и приспособления.

Обком ВКП(б) не потерпит в дальнейшем срыва мобилизационного плана и графика сдачи продукции и за невыполнение сентябрьского задания виновных будет привлекать к строжайшей партийной и судебной ответственности».

Из протокола заседания бюро Новосибирского обкома ВКП(б) о мерах по быстрейшему окончанию строительства комбината № 179 от 31 октября 1941 года:

«В целях ускорения ввода в действие строящихся предприятий комбината № 179 и форсирования строительно-монтажных работ по восстановлению производства боеприпасов эвакуированных заводов бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Объединить в руках директора комбината № 179 руководство эксплуатацией и строительством комбината.

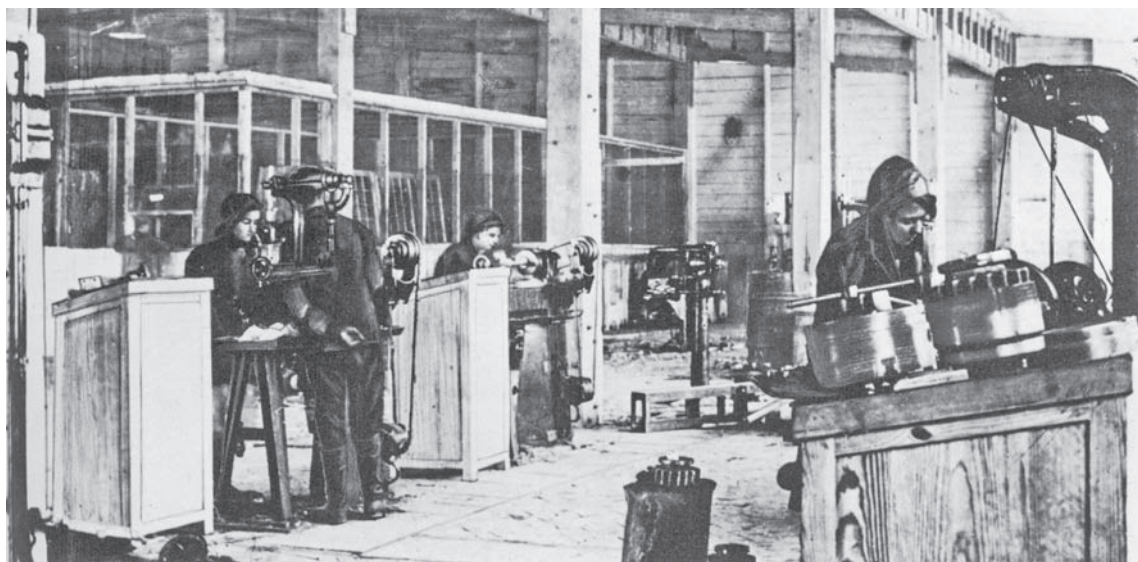
<...>

4. Обязать начальника строительного управления НКБ (Наркомата боеприпасов. — *М. Ш.*) передать с 1 ноября 1941 года директору комбината № 179 аппарат управления строительства заводов НКБ, конторы, учреждения и предприятия, жилой фонд и коммунально-бытовые предприятия, транспорт, все наличие материалов, оборудования и имущества, фонды на материалы и оборудование, рабочую силу и специалистов.

<...>

Ломали лед и опускали в реку бетонные кольца, обогревались у костров. Чтобы обеспечить завод лесоматериалами, проложили прямо в бор узкоколейку и начали лесозаготовки. Все понимали, что словам «нельзя», «не могу», «невозможно» верить никто не будет. Более того, слова эти могут быть истолкованы как паника, как бегство с передовой. И бывало, что именно так их и истолковывали.

Тяжелое положение сложилось на авиационном заводе и комбинате № 179. Еще окончательно не наладив весь производственный цикл, принимая на свои площади эвакуированные заводы, они на первых порах никак не могли выйти на заданные объемы производства. Читая документы того времени, порою чисто физически начинаешь ощущать невероятное напряжение первых военных месяцев. Вот лишь несколько выписок из протоколов и решений Новосибирского обкома партии, которые нет необходимости подробно комментировать — столь они красноречивы.

Установка эвакуированного оборудования на заводе им. В. П. Чкалова

6. За преступную практику ведения строительства, направленную на срыв выдачи готового выстрела, за затяжку строительно-монтажных работ, срывающих использование мощностей комбината № 179, начальника управления строек НКБ т. Полушина с работы снять, из партии исключить и предать суду военного трибунала».

Два документа, которые приведены выше, взяты мной из объемного научного издания «Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны» (Новосибирск, 2005). В эту книгу вошло большое количество документов из так называемой «Особой папки», которые раньше не публиковались. За сухими казенными строками постановлений и решений явственно вырисовывается масштаб той огромной работы, которая совершалась в нашем городе в военное время. Жесткость (а порою и жестокость) применяемых мер кажется из сегодняшнего дня иногда уж слишком суровой, но таковы были условия, в которых приходилось жить и работать нашим землякам, — условия войны. Еще одна особенность этих документов — предельная конкретность. Абсолютно никакой риторики, призывов и лозунгов — только дело. Видимо, риторика и призывы оставались для митингов и для газетных статей.

К новому, 1942 году практически все эвакуированные заводы начали выдавать продукцию для фронта. Завод № 556 («Сибтекстильмаш»), завод № 564 («Точмаш»), завод № 386 (Новосибирский механический завод «Искра»), завод № 677 (завод «Луч»), артиллерийский полигон — список этот далеко не полный, но важно другое: все они упорно работали на Победу. Новосибирск к 1942 году стал настоящим «опорным краем державы». Оборудование иногда устанавливали под открытым небом, и можно было наблюдать такую картину: станки уже работают, а рядом возводятся стены. К слову сказать, бетон, уложенный в тридцати- и сорокаградусные морозы, как выяснилось позднее, отличался особой прочностью...

В Кировском районе расселили очень много эвакуированных из Харькова, в основном еврейские семьи. И новосибирцы отнеслись к ним с большим сочувствием. В нашей квартире уже две семьи жили, пришлось уплотняться. Женщины нашли где-то две железные кровати, столик из досок, чайник вскипятили... И вот заходит эта семья: муж, жена, маленький ребенок и глухонемая бабушка. Встретили, угостили чаем, дали одеяла. Они так были растроганы, что глухонемая бабушка встала перед моей мамой на колени и руки вверх возвела. Ее родственники сказали: «Тетя Циля благодарит Бога и вас». Они не ожидали, что их так встретят в далекой и холодной Сибири.

Ю. А. Шадрин

Гвардейцы тыла

На фотографиях военной поры, запечатлевших новосибирцев, очень мало мужских лиц. Женщины, девушки, подростки, почти дети. Вот кто был основной силой и двигателем оборонной промышленности. И это тоже была жестокая реальность. Мобилизация оставляла заводы без профессиональных кадров. Им требовалась срочная замена. А заменить могли только женщины и подростки. На один лишь комбинат № 179 облисполком и горисполком должны были направить в 1941 году 5 800 человек — в июле, 11 000 — в августе, 9 100 человек — в сентябре. На слабые женские плечи и на плечи подростков ложилась тяжкая работа. Но прежде требовалось обучить их хотя бы азам профессии. Учить в классах было некогда, учили на ходу, на практике. Иные из токарей из-за малого роста не доставали до станка, поэтому перед станками стояли ящики или скамейки. А в сельские районы области все шли и шли новые планы по мобилизации рабочей силы.

Это было суровое испытание для тех, кого вырывали из привычной семейной среды, ставили к станку и требовали работы по всем строгим законам военного времени. Работа по 10 — 12 часов, со скудным пайком, с ночевками в холодных бараках... Вот строки из воспоминаний М. Украинского, работника комбината № 179:

«Очень тяжело работается людям в предутренние часы ночной смены. Эти муки я испытал сам, когда работал станочником. Поэтому, будучи уже мастером, часто поднимался на площадку, что высилась в правом углу цеха, и следил за поведением станочниц. Им очень трудно. Утомляются глаза, тяжелеют и незаметно опускаются веки. С вышки мне видно, как некоторые работницы, качаясь, все чаще наклоняются к станку, затем, инстинктивно почувствовав в горячем дыхании вращающегося корпуса грозную опасность, вдруг отшатываются, взмахивая при этом руками. Жуткая картина пронизывает меня страхом. Хватаюсь за оправку резца и сильно ударяю в подвешенный кусок металла. Резкий звук сквозь шум работающих станков тут же разносится по участку... Женщины, вздрогнув, выпрямляются, оглядываются по сторонам. Но проходит какое-то время, и усталость снова берет свое. И снова звучит гонг мастера...»

Травматизм был настоящим бичом. Из-за усталости, из-за низкой квалификации люди часто калечились, а порою и гибли. И это тоже был счет войны, военных потерь.

Но проходило время — и вчерашние неумелые мальчишки и девчонки становились настоящими мастерами, перевыполняли нормы, зачастую оставаясь ночевать в цехах, чтобы не тратить время на переходы к баракам и от них — к проходным заводов.

Справого на левый берег ходила только одна электричка, называлась «передача». Я жила на правом берегу, а работала на левом. Отходила «передача» в семь ноль-ноль. Если не успеешь, тогда бежишь бегом на понтонный мост и через него и дальше, до места, тоже бегом. За опоздание на работу могли не только хлебную карточку отобрать, но и срок дать.

Мы тогда на улице Демьяна Бедного жили, городской парк недалеко, музыку слышно. Домой придешь часов в девять вечера, как-то поужинаешь, кажется, спать надо, а подруга, которая снизу жила, явится, и мы — на танцы. Музыка из парка, как магнит, тянула, мы ведь совсем молодые были и нам веселья хотелось.

К. И. Окишева

Широкое распространение получили комсомольско-молодежные бригады, так называемые «фронтовые» бригады, движение «пятисотников» и «тысячников», то есть тех, кто выполнял сменные задания на пятьсот и на тысячу процентов. Этих ребят называли «гвардейцами тыла». А было «гвардейцам» по 14 — 16 лет. По сегодняшним меркам — совершенные дети. Но они терпеливо несли на своих плечах тяжкий крест общего испытания.

12 марта 1943 года в оперном театре (еще недостроенном, снаружи он стоял в лесах) проходил Первый съезд молодых рабочих Новосибирской области. Весь театр заполнили юные ребята и девушки. Для иных ораторов, которые поднимались на сцену, возле трибуны ставили специальную подставку, как у станков, иначе бы

выступающего не было видно из зала. Многим запомнилось выступление Коли Губайдулина, 14-летнего работника обувной фабрики имени Кирова. Маленького росточка паренек стоял на подставке, но и она не помогала: из-за трибуны виднелась только мальчишеская макушка. Но голос звучал звонко:

— Мне четырнадцать лет, но я вместе со взрослыми выпускаю большие крепкие сапоги!

И он под дружные аплодисменты всего зала поднял над головой новенький кирзовый сапог. По прошествии времени, когда в краткий отпуск в родной Новосибирск приедет трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин, многие газеты обойдет снимок: прославленный летчик и Коля Губайдулин, на груди которого тоже была заслуженная награда — медаль «За трудовую доблесть».

К сожалению, мало сейчас сохранилось личных воспоминаний о том времени. И поэтому порою за обилием цифр и фактов, постановлений и резолюций теряются живые люди. Каждый со своей судьбой, со своим характером и своим вкладом в Победу. Мне кажется, вполне уместно привести здесь воспоминания новосибирского писателя Бориса Новосельцева о своей матери. Они многое помогают понять и почувствовать.

«Мы жили в соцгородке в брусчатых домах на шестом объекте (потом это стала улица Жданова, а ныне — Авиастроитель).»

Через лог от нас — седьмой, восьмой и девятый объекты.

Все объекты, за исключением нашего, шестого, были зонами. Эков называли сибулонцами. А что это слово означало, мы не знали. И лишь позднее меня «просветили»: сибулонцы, оказывается, это производное от СИБУЛОН — сибирское управление лагерей особого назначения.

Вот так и жили в окружении зон. И сами мало чем отличались от тех, кто был за колючей проволокой, — матери, изнуренные работой, на заводе, мы, пацаны, голодные и неприкаянные.

Шла как-то мать с работы. Подходит к дому и видит такую картину: к нам в комнату через форточку (мы жили на первом этаже) лезет соседский пацан. Мать замедлила шаг, давая ему возможность проникнуть в комнату, чтобы потом взять с полочным. Но когда она подошла к окну и увидела сквозь занавески, чем он занимается, то у нее на глазах навернулись слезы: соседский мальчишка стоял у печки и с жадностью ел из чугуна овсяную кашу, недоеденную нами с братом.

Коля Губайдулин и Александр Покрышкин

В начале войны мне было девятнадцать лет. В августе сорок первого пришла на завод № 677, в тринадцатый цех, фрезеровщицей. Нарезала резьбу на детали к специзделиям, то есть к боеприпасам. Уже осенью ударили морозы, в цехе — холодно, руки-ноги мерзнут, многие простужались. Смена — двенадцать часов. А жила я на правом берегу и на работу ездила на «передаче». Изматывались мы, конечно, до края, недосыпали, и поэтому всегда спали в «передаче» по дороге на работу и с работы. И вот однажды ехали с подругами со смены вечером и заснули. Да так крепко, что проспали до самого утра. А утром в этом же вагоне «передачи» отправились обратно на завод.

Е. П. Новгородская

Юрий МАГАЛИФ

* * *

В марте сорок второго
Мы строили аэродром.
Вот была работенка!
Общественная притом!
В будние дни — вечером,
По воскресеньям — с утра.
Костры разводили.

Не помню —

Грелся ли кто у костра?..
За пазухой отогревали
Хлеб, от мороза твердый;
И в «четезе» щеголяли —
В онучах из серого корда.
Мы делали планировку,
Возили в тачках бетон.
А ветры, как псы, кидались
Со всех четырех сторон...
И секретарь обкома
Михал Васильич Кулагин
Кричал:

«Молодцы, ленинградцы,
Товарищи-работяги!..»
А работяги-то: школьники,
Философы, математики,
Актеры да живописцы,
И даже кормящие матери...
Сине-багровые лица.
Простуженные голоса.
Но с каждым днем удлинялась
Взлетная полоса.
...А по утрам над заводом
Небо дрожало от грома
Моторов.
И самолеты
Жаждали аэродрома.
Рядом — железнодорожный
Великий бессонный путь.
Теплушки — на запад, на запад —
В бой, не куда-нибудь!
А солнце все выше и выше.
И вот уже — вот она! —
Первая новосибирская
Военная наша весна.
.....
Лопаты давно проржавели,
Тачки давно сожжены,
И «четезе» из корда
Сто раз позабыться должны.

А ничего не забылось!
Я вечно на поле твоём,
Старенький испытательный
Маленький аэродром.
Знаю, как там бывает
В мартовский гололед!
...Земля моя дорогая —
Первый далекий взлет!

(Публикуется по: Магалиф Ю.
Дальняя дистанция: кн. стихов, поэма. —
Новосибирск, 1988.)

Мать развернулась и пошла подалее от дома, чтобы не мешать “воришке”. И только когда он вылез обратно через форточку, она вернулась. Об этом случае я узнал через много лет, а тогда мать не обмолвилась ни словом.

А однажды у нас в доме появился пленный немец. Их тогда много работало на станции Ельцовка (теперь Новосибирск-Восточный). Они выгружали из вагонов уголь, грузили на телеги возчикам.

Немцы были расконвоированными, и это давало им возможность отлучаться с места работы, заходить в наши дома. Но заходили они не с пустыми руками. В полах шинелей у них был уголь. Они выменивали его на хлеб и картошку. В комнате их никто не приглашал. Сделают обмен — и будь здоров. А мать возьми да пригласи такого вот “коробейника” в комнату. Усадила его у печки погреться, накормила картошкой в мундире. Немец был высоким, костистым, а из носа у него без конца капало, как из неисправного крана. Видимо, был хронический насморк. “Данке шен! Данке шен!” — говорил он, растроганный таким гостеприимством.

...До войны и после войны Левобережье еще долго называли Кривошековым. В один из майских дней посадили мы там картошку. Пололи, окучивали. А в сентябре стали копать. Урожай оказался щедрым. Целых девять мешков! А машин в ту пору — раз, два и обчелся. На следующий день мать попросила у соседа тележку. И вот мы с ней на своих двоих — из одного конца города да в другой. Через Обь — по понтонному мосту. Добрались до поля. Погрузили три мешка. Мать впряглась в тележку. “Господи, благослови!” — вздохнула тяжело — и мы тронулись в обратный путь. Я сзади толкал тележку. Пот ручьем, ноги трясутся. А мать тянет и тянет тележку без передыху — ведь нужно еще две ходки сделать. Было мне тогда восемь лет.

Вторая ходка оказалась еще тяжелей. Несколькими раз отдышали, пока доехали до дома. И все из-за меня: я уже не мог не то что толкать тележку, а даже просто идти рядом. Третья ходка, уже под вечер, оказалась для меня счастливой. Сил мне хватило только до понтонного моста. Дальше ноги не шли. Мать остановилась, подошла ко мне, прижала к груди. “Работничек ты мой”, — сказала она. Потом подхватила меня под мышки, усадила в тележку поверх мешков с картошкой — и повезла. И так до самой “Трикотажки”. Она везет, а я сижу. На “Трикотажке”, отдохнув, я спрыгнул с тележки и снова стал помогать матери. Домой приехали поздно. Утром проснулся — ни рук, ни ног не чувствую. Хотел даже не пойти в школу, да совесть не позволила: мать чуть свет ушла на работу.

В 1942 году меня направили из Татарска по комсомольской путевке в Новосибирск, на оборонный завод. Нас, подростков, собрали со всей области. Я попала на 677-й завод, в отряд молодых рабочих, и стала работать фрезеровщицей. Горького хлебнула в первое время до слез. Я фрезеровала паз на головке минного взрывателя. Дело поначалу никак не ладилось. Наладчики вроде станок отрегулируют, а фреза опять раз за разом летит. Но после меня поставили на другой станок. И тут уж я работала хорошо. Станок был отрегулированный, и он меня «принял», и я — его. А труда я не боялась с малолетства. Меня часто хвалили, иногда в качестве поощрения даже давали дополнительную пайку хлеба. К пяти часам я уже обычно выполняла свою норму, а к восьми — и «боевое задание». В этом случае на станок мне ставили флажок.

Мы, девчонки, жили в войну в заводском общежитии. Как тогда говорили — «на голубятнике», в чердачном помещении. Нас в комнате человек десять жило. И одна девочка, Шура ее звали, взяла у кого-то тайком пайку хлеба. Ее поймали, били, и она убежала куда-то, скрылась.

М. Ф. Следевская

Мать никогда не плакала и не любила слезливых. И лишь когда слышала по радио песню “Вставай, страна огромная...”, по ее щекам сами собой катились слезы».

Какая духовная сила видится во всем этом облике простой новосибирской женщины!

Милость сердца

Город продолжал жить по законам военного времени.

С запада теперь уже не прибывали эшелоны с оборудованием и людьми эвакуированных заводов, но продолжали идти и идти санитарные поезда. Их курсировало между фронтом и Сибирью более восьмидесяти. Только в Новосибирске находилось пятьдесят пять военных госпиталей, в которых удалось вылечить и поставить на ноги более двухсот тысяч раненых солдат и офицеров. Все они, как правило, были тяжело ранеными. И это тоже весомый вклад нашего города в общую Победу.

Для госпиталей отводились лучшие здания, в первую очередь школы, потому что именно они больше всего подходили для того, чтобы обустроить в них палаты, операционные и столовые. Госпитальный быт, где человек еще находится на зыбкой грани между жизнью и смертью, — это особый быт. Здесь и требуется старинное русское слово — милосердие, то есть — милость сердца.

И новосибирцы щедро делились с ранеными фронтовиками милостью своих сердец. Конечно, многое зависело от искусства врачей, от медицины, но многое зависело и от душевного участия. Все госпитали были охвачены шефской помощью. В гости к раненым приходили студенты и школьники, комсомольцы с заводов и предприятий, выступали самодеятельные и профессиональные артисты, все это позволяло раненым не замыкаться в своей боли и в своем горе, если ты стал инвалидом.

Нинель Малиновская, которая пятнадцатилетней девочкой работала санитаркой в одном из новосибирских госпиталей, вспоминала:

«Эшелоны приходили обычно ночью. Ставили их на запасном пути. Работа шла споро: раненых распределяли, в зависимости от ранения, еще в поезде, передавали вместе с документами по спискам, развозили по госпиталям. Мы, младшие санитарки, работали в приемном покое, где раненых стригли, мыли, передевали в госпитальное белье. После врачебного осмотра, необходимой перевязки раненых размещали по палатам.

Самой физически тяжелой была работа в прачечной, где стоял терпкий запах грязного белья, соды и хлорки. Или когда останавливался лифт. Мы хватались вчетвером за носилки и тащили раненого на следующий этаж. Это было серьезное испытание: тяжело раненые, потеряв от боли контроль над собой, нещадно матерились, мы мучились от сострадания и стыда, но несли... <...>

Днем все были включены в лечебный госпитальный ритм, хорохорились, бодрились. Но ночью, после вечернего обхода, отбоя, “последней сигарки”, в палату бесшумно входила другая жизнь — с бредовыми снами, кошмарами, взрывами, от которых просыпались в ужасе, в холодном поту, со стонами и матом.

Именно поэтому “старички”, как дети, просили:

— Ну пожалуйста, милая, посиди с нами! Расскажи что-нибудь или почитай.

Смешно вспоминать, как в десятой, двадцатый раз я в темноте госпитальной палаты, среди восемнадцати лежащих, замерших в своих болях мужчин, присев на тумбочку, негромко наизусть читала им “Арина — мать солдатская”, “Мужичок с ноготок” или “Крестьянские дети”. Если спотыкалась, забыв слово, кто-то тут же подсказывал...

В палатах пахло тревогой, усталостью, плохо сдерживаемой болью. И если скажут, что такого запаха нет, не верьте. Он есть. Совсем особенный. Это кислотатый запах потного тела, натруженных ног, запах кожи, пропитанной порохом, жженым металлом, махоркой, запах крови, гнойных ран. И надо всем этим — изящно-легкомысленный запах “Шипра”, наимоднейшего мужского одеколona военных лет, которым госпитальные цирюльники щедро орошали стриженные головы и плохо выбритые щеки своих пациентов.

На операции в эвакогоспитале № 3609

Работницы завода № 350 помогают ухаживать за ранеными в госпитале

Очень жалею, что не вела дневниковых записей. Сколько судеб прошло через мою жизнь! Какие откровения доверяли мне раненые солдаты, особенно те, которые не надеялись выкарабкаться».

Да, выздороветь, встать на ноги, было суждено не всем. Для многих, кто не смог «выкарабкаться», новосибирская земля на Заельцовском кладбище стала последним приютом.

Кроме заводов и предприятий, работавших на оборону, кроме воинских соединений, которые формировались и отправлялись на фронт, были еще сотни самых разных школ, учреждений, организаций, которые также являлись необходимыми составляющими огромной войны. Сегодня уже мало кто помнит, что на месте нынешнего ЦУМа, в костеле, который здесь стоял, располагался пищеблок, а в школах № 11, 25 и 29 — учебные классы ВШРС — военной школы радиоспециалистов. Эвакуированная из Воронежа и прибывшая в Новосибирск школа уже через два (!) дня приступила к занятиям: фронту нужны были специалисты связи.

В Бердске располагалось Сталинградское военное училище летчиков. В Новосибирске — военное пехотное училище.

А в здании пожарной части на улице Советской день и ночь не смыкая глаз трудился личный состав ВПСР-24. Что означает эта аббревиатура? Теперь уже мало кто вспомнит. Военно-почтовый сортировочный пункт. Сколько песен, стихов, сколько солдатских воспоминаний связано с фронтовыми письмами и с письмами на фронт! Как ждал солдат на передовой заветный треугольник, потому что именно письма доносили до него новости из родных мест, приветы близких людей, признания в любви от любимых. Читая немудреные строки, солдат слышал голоса матери, жены, своих детей, он как бы выпадал из грозного течения войны и хотя бы на короткие мгновения навещал дом, где его ждали и будут ждать несмотря ни на что, даже на черную похоронку, потому что в любящем сердце всегда остается надежда — а вдруг...

И все эти человеческие чувства, надежды, тревоги, горести и радости, проходили через руки молоденьких девушек, которые и были личным составом ВПСР-24. Смены, долгая вахта у сортировочных столов с ящиками, по которым раскладывались письма, длились по 12 — 14 часов. А если учесть, что войска постоянно передвигались, меняя дислокацию, номера полевой почты изменялись, то нетрудно представить, что это была за мучительная, изнуряющая работа. Но девушки с ней справлялись. И точно в назначенное время мешки с письмами отправлялись на машине с улицы Советской на железнодорожный вокзал для погрузки в почтовые вагоны. Если машины не было, девушки вваливали мешки на плечи и тащили их до вокзала, что называется, своим ходом.

В приказе командующего войсками СибВО, в котором отличившимся девушкам объявлялась благодарность, говорилось: «Личный состав ВПСР-24 в 1943 году проделал большую работу по обработке и отправке на фронт до ста миллионов писем при высоком качестве обработки и в установленные сроки». Только вдумайтесь, СТО МИЛЛИОНОВ в год!

Мне почему-то кажется, что на тех письмах сохранялся незримо след нежных девичьих ладоней. И сохраняется до сих пор. Потому что военные письма — это великие документы истории.

На первый съезд молодых новосибирских рабочих нас, делегатов от завода № 677, подготовили основательно: сшили ситцевые платья, телогрейки с плечиками подкладными и карманами соорудили. В день открытия съезда директор завода Г. Н. Брук пригласил нас в свой кабинет и каждую делегатку собственноручно довоенными духами подушил — жена для этой цели выделила.

Собрались мы, сотни ребят, со всей области и говорили не только о том, как работаем да сколько даем изделий, но и о помощи колхозам и совхозам, о шефстве над ранеными, о сборе средств на военную технику, о том, как проводим редкие часы досуга. Война войной, а жизнь-то продолжалась: и песни пели, и в спектаклях играли, и на танцы ходили...

В. И. Полежаева

Вот лишь несколько из них...

«Дорогая мама! Не так давно я попал под сильную бомбежку. Бомба взорвалась метрах в сорока от меня. Разрушило дом, около которого я был всего несколько минут назад. Меня же подбросило и крепко оглушило, да еще лбом пробороздил огород... Были жаркие бои. Попал в госпиталь. Я очень изменился. В поезде меня считали пожилым человеком, а медсестра в госпитале дала мне больше 30 лет. А мне через четыре дня исполнится 21 год». (Из письма новосибирца Ю. К. Третьякова.)

«25 сентября 1942 г.

Здравствуй, милая Марочка! Сегодня у меня настоящий праздник, получил от тебя сразу два письма, одно из Новосибирска и одно из Дуленки... Получил письмо от всех моих милых и родных. Сегодня исполняется год, как я от вас уехал... Ах, посмотрел бы я теперь на вас, да поцеловал, да прижал бы к своей груди... Придет же, наконец, тот час, когда мы снова будем вместе...» (Из письма новосибирца И. И. Полякова.)

«2 октября 1944 года.

Война есть война. Может случиться, что меня не будет. Я не раз смотрел смерти в глаза, и счастье мое, что “подлая смерть отступила”. Но война, к сожалению, продолжается, и я не знаю, что ждет меня завтра...

Лева и Лена! У вас есть мама, редкая, талантливая русская женщина, которую вы — я знаю — любите. Любите и уважайте свою маму, которая умеет быть и еще будет для вас верным помощником и чутким неизменным другом. Помните, что именно за эти качества я полюбил ее и никогда не перестану любить...

Лева и Лена! У вас есть город, в котором вы родились и жили, в городе есть дом и школа, в которых вы жили и учились. Помните, что эта школа — ваша родная школа, этот город — ваш родной город, процветанию которых нужно способствовать, о благе которых нужно неустанно заботиться...

У вас есть родные русские отец и мать, у вас есть родной советский народ. Помните, что это входит в священное понятие Родины, процветанию которой вы должны содействовать всеми силами, о благе которой беспокоиться всю жизнь...

Вот все то, что я, простой русский солдат, на всякий случай, хотел и успел сказать вам, своим детям...» (Из письма новосибирца Н. Н. Яновского.)

А еще надо было просто жить...

Уже в 1942 году Новосибирск только за одни сутки производил в среднем 33 тысячи артиллерийских и ракетных снарядов, двадцать истребителей, 125 — 130 радиостанций и еще много иной военной продукции. Только за одни сутки город шил столько комплектов летнего обмундирования, что его хватало на два полка, шинелей — на полтора батальона, валенок — почти на батальон.

Еще раз повторимся — только за одни сутки.

И вот еще одна цифра. К концу войны женщины и подростки от 13 до 17 лет составляли на оборонных предприятиях почти 80 процентов от числа работающих.

Сопоставьте эти цифры, и станет понятно, чьими руками выковывалась Победа здесь, в далеком от фронта Новосибирске.

Но они, женщины и подростки, должны были не только работать, они должны были еще и жить. Просто жить — питаться, одеваться, где-то спать...

Быт военных лет. За громоздкими перечислениями трудовых героических свершений новосибирцев в военную пору теряется иногда эта не менее горькая страница войны.

По воспоминаниям Сальмы Андреевны Торф, которая в годы войны была комсоргом на авиационном заводе, главными испытаниями были два изматывающих чувства: чувство голода и холода. Особенно в страшную зиму 1941/1942 годов. Скучный хлебный паек, баланда из кислой капусты и дрожь тела, скованного холодом. Спасаясь от холода, спали, как правило, не снимая верхней одежды. А просыпаясь в бараках и землянках, иногда с ужасом обнаруживали, что волосы примерзли к стене.

Мы жили в Буграх, на улице Тульской. Мама работала главным врачом в десятой больнице и была бессменным депутатом горсовета. В Буграх ее все знали от мала до велика и любили.

В сорок втором году, если не ошибаюсь, директором завода № 179 («Сибсельмаш») был назначен генерал Саханицкий. И пришел он на сессию горсовета, а там как раз моя мама выступает и говорит, что очень плохое положение на комбинате № 179. Силикоз сразу в двух цехах. Саханицкий ее послушал, поворачивается к Кулагину, первому секретарю обкома, и говорит: «Чтобы эта мадам завтра у меня начальником медсанчасти была». На следующий день — приказ. И не поспоришь. И мама взвалила на себя эту ношу. На двух работах трудилась. Мы ее иногда по трое-четверо суток не видели. Однажды был такой случай. Мама поздно вечером возвращается с работы, уже темно, и вдруг ее останавливают два мужика и говорят: «Снимай шубу!» Мама испугалась и, конечно, сняла. А они пригляделись и говорят: «Анна Ивановна, это ты?! Чего ночью-то одна ходишь?! Ну-ка иди домой быстрее, пока мы тут стоим».

Мама всегда чутко относилась к людям. Между Башней и Буграми в землянках жили депортированные латыши, эстонцы и немцы. И не раз было так, что мама придет туда, как врач к больным, а затем вернется домой и скамандует нам: «Ну-ка, ребята, ведро картошки отвезите в семнадцатую землянку, у них совсем ничего нет». Мы лезем в погреб, набираем картошки, а после на саночках везем в семнадцатую землянку.

Много мы так картошки развезли, а когда весна пришла, сунулись в погреб — на посадку-то ничего не осталось. Бабы бугринские узнали и давай нам тащить! Как это так — Анна Ивановна без картошки! И столько нам натащили, что и на посадку, и на еду хватило.

Н. П. Беневоленская

В том же научном труде «Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны», о котором уже говорилось выше, впервые опубликованы документы, которые и сейчас, по прошествии многих лет, невозможно читать без душевного содрогания.

«Из справки инструктора отдела промышленности боеприпасов П. Н. Горлова о некоторых недостатках на комбинате № 179», 1944 год:

Комсомольско-молодежная бригада Лизы Ронжиной, завод им. В. П. Чкалова

Лучшие качества людей в военное время проявлялись не на словах, а в поступках. В 1942 году в наш цех на заводе № 677 был назначен новый начальник — Петр Иванович Никеенко. Человек суровый, требовательный, жесткий. У такого, как говорится, не забалуешь. Но как он заботился о молодых рабочих! Как отец родной. Один из парнишек-станочников пришел на работу, а ноги у него тряпками обмотаны. Оказывается, накануне был в бане и у него украли валенки. А мороз на улице — сорок градусов. Не знаю, где и как, но раздобыл Петр Иванович для мальчишки ботинки на деревянном ходу, а еще списанное одеяло, которое пошло на обмотки. Можно сказать, обул мальчишку и спас.

А. Р. Захаркин

«Основное большинство работающих размещено в общежитиях. В общежитиях грязно, много клопов, есть случаи завшивленности, часто не бывает света. В течение зимы многие общежития очень плохо отапливались. В течение марта, апреля и мая месяца кипятком рабочих почти не обеспечивали. <...> Постельных принадлежностей у многих нет, а имеющиеся — безобразно грязные. Прачечные не работают из-за отсутствия мыла. Дрова для приготовления пищи не подвозятся. Для того чтобы избавиться от клопов, рабочие вынуждены спать где попало — в коридорах, на лестницах и в других местах. <...>

Рабочие цеха № 40 Яфаев, Маньков, Шимановский работают босые, нет ни обуви, ни одежды. <...> Работница цеха № 20 т. Смирнова раздета и разута,

не выходит в течение 4 месяцев из цеха. Начальник цеха решил ей “помочь” и вместо того, чтобы одеть ее и обуть, решил отправить совершенно голую в отдел найма. Рабочие цеха № 17 Бурзулиева, Жадушкина, Шумилова, Аржанова (все эвакуированы) ни обуви, ни одежды не имеют. <...>

Рабочие часто по разным причинам остаются без карточек (потери, воровство и другие), после такого случая вынуждены совершенно голодать или питаться разными отходами. Так, например, работница цеха № 18 освобождена из Сиблага и 18 февраля 1944 года поступила на работу. Проработав два месяца, износила обувь, с 18 по 28 апреля 1944 года не работала из-за отсутствия обуви. Вместо оказания помощи начальнику цеха лишил ее продуктовых карточек, в результате чего она в течение месяца собирала гнилой картофель и им питалась. <...>

Азаров А. Т., 1928 года рождения, комсомолец, бригадир комсомольско-молодежной бригады. Эвакуирован из Брянска. Делегат 1-го съезда молодых рабочих. Работая в 59-м цехе токарем на метчиках, норму выполнял на 500 и 1 000 процентов. Три раза приказом премирован, но премий до сих пор не получил. Оказался совершенно голым и в течение недели на работу не выходил. Начальник юнгородка достал ему фуфайку, он начал работать. Затем порвались брюки. Он неоднократно обращался к т. Метлину, но последний его изругал и чуть ли не выгнал от себя. Не получил даже ласкового слова. Обидевшись, он прогулял полтора месяца, занялся воровством, в настоящее время взят под стражу как дезертир».

Нетрудно подсчитать, что «дезертиру Азарову А. Т.» было на тот момент 16 лет. Казенные справки просто пестрят такими фактами, а за каждым из них — конкретная судьба и совершенно конкретная человеческая трагедия. Сколько их было, сколько их разыгралось на новосибирской земле и сколько невидимых миру слез, отчаянных и горьких, было пролито!

Увы, никакой статистикой и никакой цифирью этой трагедии никогда не измерить.

Линия духовной обороны

В новосибирском областном архиве хранится среди тысяч других документов военной поры и этот, очень краткий:

«Письмо Новосибирского облизполкома местным органам. 31 декабря 1941 г. Секретно.

Для сведения сообщается, что Главным политическим управлением РККА предложено на всех знаменах частей заменить лозунг “Пролетарии всех стран, соединяй-

ть!» лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» Учтите при изготовлении и вручении знамен формируемым частям.

Зам. председателя облисполкома В. Хайновский».

Очень знаменательный документ. Он свидетельствует о том, что уже в первые месяцы войны Советское руководство, пусть и запоздало, но все-таки пришло к важному выводу: с лозунгами мировой революции в годину величайшей опасности, которая нависла над страной, не выстоять. Требовалась более прочная духовная основа, на которой смог бы объединиться весь народ. И тогда прозвучали имена великих русских полководцев, слова гордости за русскую нацию, из небытия вернулись в армию погоны, и оказалось, что великое историческое наследие России, которое прежде объявлялось «царским» и «отжившим», совсем не имеет сословных разграничений и отнюдь не отжило. Более того, великое прошлое страны превращалось в грозное оружие.

К чести руководства страны, об это нужно сказать прямо, оно смогло осознать важность духовного начала в смертельном противостоянии и сделать необходимые выводы. «Братья и сестры» в знаменитом выступлении Сталина 3 июля 41-го прозвучали, конечно, не случайно. В таких выступлениях и в такие исторические моменты случайностей не бывает. В другой своей речи на историческом параде 7 ноября 1941 года Сталин говорил, обращаясь к войскам, которые должны были прямо с парада уйти на передовую: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Конечно, не могло быть и речи о смене коммунистической идеологии. Но признавалось, что исторические корни России — это как еще одна линия обороны, прочная, проверенная веками и потому надежная.

Духовные, культурные ценности страны имели, как и во все времена, стратегическое значение. И спасали их, когда это было возможно, наравне с материальными ценностями.

Репетиция знаменитой Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. На сцене автор, дирижер Евгений Мравинский и музыканты Ленинградской филармонии. Новосибирск, клуб им. Сталина, 1942 г.

Филиал Центрального хранилища Ленинградских пригородных дворцов-музеев в Новосибирском театре оперы и балета

Горит, как и в 1812 году, Смоленск. Фашистские самолеты, армада за армадой, заходят для бомбардировки города. В одно из зданий Смоленского краеведческого музея попадает бомба, есть жертвы. А сотрудники музея вместе с директором Е. В. Буркиной в спешке и суете, падая с ног от усталости, готовят экспонаты к эвакуации. А экспонаты — старинный фарфор и хрусталь, серебряные монеты XVI — XVII веков, старинное вооружение, картины — Врубель, Репин, Серов, Крамской... Четыре женщины, в круговерти и суматохе отсут-

пления, под бомбами, смогли погрузить в один из последних поездов свой драгоценный груз. Вагон был так забит экспонатами, что они сами могли только сидеть — больше свободного места не было. По дороге эшелон несколько раз бомбили. И все-таки вырвались, добрались до Горького. Там с помощью местных музейщиков сколотили ящики, упаковали экспонаты, переписали их, а затем погрузились в специальный поезд, который шел на восток и «увозил» ленинградские музеи.

Примерно в это же время и, наверное, тем же самым путем шел другой эшелон, под усиленной охраной, со спаренными пулеметами на платформах. Что за груз он вез? От одного только простого перечисления захватывает дух. В деревянных ящиках везли сокровища Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Музея искусств народов Востока, Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов, усадеб Кусково и Архангельское...

Конечный пункт назначения — Новосибирск.

Про эвакуацию в наш город культурных ценностей можно снимать многосерийные фильмы.

Знаменитая панорама Франца Рубо «Оборона Севастополя 1854 — 1855 гг.». На ней, как известно, изображены и адмирал Нахимов, и Даша Севастопольская, и матрос Петр Кошка, и артиллеристы батареи Сенявина. И вот уже в 1942 году эти герои прошлой севастопольской обороны вновь оказались под огнем. На здание, где располагалась панорама, обрушились немецкие бомбардировщики. Загорелся купол. На спасение исторического полотна бросились матросы, курсанты военно-морского училища береговой обороны. Они обливались водой и бросались в горящее здание, ножами, топорами резали, рубили холсты панорамы и выносили из огня. Спасали до тех пор, пока не обрушился каркас. Многие получили ожоги, были ранены, но 86 кусков панорамы удалось спасти.

Реставрация панорамы Ф. Рубо «Оборона Севастополя» сотрудниками Третьяковской галереи в здании Новосибирского театра оперы и балета

Когда «Севастопольскую панораму» после долгого и смертельно опасного пути доставили в Новосибирск, когда развернули уцелевшие куски, то невольно ахнули: рваные, обгоревшие, в грязи, они были еще и пробиты осколками — пробоин этих было несколько тысяч.

Есть что-то глубоко символичное в том, что еще недостроенный Новосибирский театр оперы и балета, еще ни разу не открывший занавеса своей сцены, принимал в своих стенах Высокое Искусство, давая ему надежный приют и оказывая помощь.

Самые лучшие реставраторы Третьяковской галереи приступили к спасению «Севастопольской панорамы». За помощью обратились в обком партии, отправив туда длинный список необходимых материалов. Свидетельств не сохранилось, но можно с полной уверенностью представить, что были работники обкома немало удивлены: не хлеба просили, не крупы, не валенок, а значилось в длинном списке следующее: папиросная бумага, скипидар, мед, кедровое масло, осетровый клей... Когда разобрались, для чего это требуется, всё смогли найти. И уцелевшие части панорамы были спасены. По ним и по сохранившимся эскизам Франца Рубо позднее изготовят копию панорамы, которая и займет свое прежнее место в городе русской славы Севастополе.

А в Новосибирске в холодном и снежном ноябре 1942 года, все в том же недостроенном оперном театре, произойдет событие, которое навсегда останется в истории города: откроется выставка шедевров Третьяковской галереи. Великое русское искусство предстанет перед сибиряками во всей своей красоте и мощи. За полгода на выставке побывает более ста тысяч человек.

Надо отдать должное руководителям города и области, которые прекрасно понимали важность и значимость пребывания на нашей земле прославленных коллективов. Для актеров и музыкантов старались создать все условия, конечно, в тех пределах, какие были возможны. И деятели культуры отдавали свой талант зрителям и слушателям щедро, искренне и с любовью. А какие имена значились на афишах! Е. П. Корчагина-Александровская, Ю. М. Юрьев, К. В. Скоробогатов, Н. К. Черкасов, Е. В. Толубеев... Без усталости выступал перед новосибирцами легендарный Иван Ива-

В детстве я ходил в Дом Ленина, где находился Дом художественного воспитания детей — ДХВД. Там был драматический кружок. Руководила этим кружком старая русская актриса Нина Алексеевна Казбич. Она приехала в Новосибирск из города Белого еще накануне войны. Мы ставили пьесы, скетчи, я занимался декламацией и думал, что стану артистом.

Когда окончил восемь классов, а это уже был сорок первый год, у нас весь класс пошел работать. В это время в Новосибирск эвакуируется Ленинградский театр имени А. С. Пушкина, в котором я и начал трудиться. Отработал ровно год, до сентября 1942-го, и мне повезло быть рядом с выдающимися артистами того времени.

Юрий Михайлович Юрьев, великий русский артист, приехал в театр позже, зимой. Мы как раз играли в спектакле «Лгун» Гольдони, где главную роль исполнял Н. К. Черкасов. Спектакль закончился, мы еще были на сцене и разбирали декорации. Вдруг заходит большая группа людей, во главе Ю. М. Юрьев, а рядом с ним секретарь обкома М. В. Кулагин. Юрьев вышел на середину сцены и сказал: «Вот здесь, на этой сцене, я выступал двадцать шесть лет назад». Ему в то время было 69 лет. Он играл в «Маскараде» Лермонтова, в пьесе «Лес» Островского. «Лес» — потрясающий спектакль! Еще он играл генерала Мамонтова, была такая пьеса «Бронепоезд 14-69».

Он каждое утро приходил в театр, независимо от того, были репетиции или нет. Слева от сцены в коридоре была доска объявлений, он там садился на диван и сидел. Всегда приносил разные вещицы и давал их всем посмотреть, рассказывая при этом удивительные истории.

Там, где сейчас Станиславский жилмассив, было болото, где добывали торф. И все артисты ездили на добычу торфа, и народные, и заслуженные. Получаешь резак, спускаешься в траншею, где хлюпает под ногами вода, нарезаешь торф и отдаешь его на брусья. Работа нехитрая, но очень тяжелая...

М. Н. Дементьев

нович Соллертинский, который умер в нашем городе и упокоен в нашей новосибирской земле.

Радио для новосибирцев той поры было неотъемлемой частью жизни. Притихнув, люди слушали сводки Совинформбюро, радовались победам. Но была у новосибирского радио и одна особенность: когда раздавались позывные радиопередачи «Огонь по врагу!», город в буквальном смысле прикичал к репродукторам — вот какой популярностью пользовались бойцы Кузьма Шмельков и Илья Ветерков, ставшие по-настоящему народными героями. Они приходили, словно наяву, в квартиры и госпитали, в заводские цеха, на строительные площадки, два веселых бойца-фронтовика, и рассказывали, что воинственный «барон фон дер Пшик», мечтавший о варениках и сметане, «попал на русский штык и остался от барона только пшик!»

Очевидцы рассказывают, что артисты Ленинградского драматического театра имени А. С. Пушкина, придумавшие эту передачу, К. Адашевский и А. Борисов, так вжились в свои роли, что перед выходом к микрофону в студии всегда надевали солдатскую форму. Третьим неизменным участником этой поистине легендарной и народной радиопередачи был слепой баянист Иван Маланин.

Радиопередача «Огонь по врагу!» выходила в эфир до самого конца войны. И она была нужна людям, измученным работой и тяжелым бытом, прежде всего потому, что невольно внушала: грозный враг может быть не только посрамлен, но и побит.

Об этом же говорили и выпуски военных киножурналов, которые демонстрировались прямо на стене нынешнего краеведческого музея. Проектор устанавливался на здании на улице Горького, и через улицу, через сквер луч падал на стену, и замирало сердце, особенно у мальчишек, когда смотрели они военную хронику или самый знаменитый фильм советской поры «Чапаев». Не было предела восторгу, когда оказывалось, что Чапаев выплыл — был в военное время такой вариант — и снова на коне, с шашкой наголо, скачет вперед, а его встречают пехотинцы, артиллеристы и танкисты...

Были у нас Леонид Утесов и Лидия Русланова.

С Лидией Руслановой связан один эпизод, который ярко характеризует атмосферу того времени в Новосибирске, когда искусство не только принадлежало народу, но и было востребовано им, как хлеб.

По приглашению руководства комбината № 179 решено было организовать для рабочих бесплатный концерт с участием Лидии Руслановой. Все вопросы быстро решили, для концерта выбрали самое большое помещение — кинотеатр «Металлист». К назначенному часу в зале яблоку некуда было упасть, да что там — яблоку! Пол был усеян оторванными в давке пуговицами. А за стенами зала в это время...

Впрочем, все по порядку. За Руслановой и за артистами, участвующими в концерте, послали легковые машины и представителя комбината А. Яцкевич. Но пока артисты собирались, понтонный мост развели. И вот ситуация: на левом берегу — полный зал зрителей, на правом — легковые машины с артистами и Руслановой. Кинулись звонить по начальству и в конце концов добились: мост свели. Поехали. Но тут новая беда —

Артисты передачи «Огонь по врагу!»
Борисов А. Ф., Адашевский К. И., Маланин И. И.

ветер, большая волна, мост заливаает, машины глохнут. Что делать? «Там же полный зал! — в отчаянии закричала А. Яцкевич. — Лучшие наши рабочие и инженеры! Они ждут! Это же праздник для них!» Дверца машины решительно распахнулась, и великая русская певица, подобрав полы пальто, пошла по ледяной воде, коротко бросив своим артистам: «За мной!» Брела, пересекая Обь, и не оглядывалась, знала, что послушаться ее никто не посмеет.

Ноги ей потом оттирали спиртом, но концерт, хоть и с опозданием, состоялся. Как же она пела! «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки...» И как ей рукоплескал зал!

«Замечательный у вас народ!» — говорила Русланова, когда ее провожали в гостиницу.

Так и хочется добавить: у такого замечательного народа и певицы были великие.

«Этот день мы приближали как могли...»

Город продолжал жить в условиях и по законам войны. Ее дыхание ощущалось в самом воздухе, ее черная тень маячила везде. И в резких, вскрикивающих гудках паровозов, которые тащили на запад, казалось, бесконечные эшелоны с солдатскими теплушками и с платформами, закрытыми брезентом, и в серых людских потоках, тянувшихся к проходным заводом, и в стуке деревянных костылей по асфальту, и в не совсем трезвых голосах безногих инвалидов, которые «причаливали» на своих катаалках в людных местах Ипподромского базара, разворачивали гармошки — руки-то целые! — и пели самозабвенно про «синенький скромный платочек», про двадцать второе июня, «ровно в четыре часа», и про то, как в городском саду, когда-то, играл духовой оркестр; пели, не столько надеясь на скудное подавание, сколько на понимание — непроходящая душевная боль не вмещалась в груди и требовала выхода, хотя бы в песне...

Но через тяжкий быт, через голод, через изматывающую работу и бесконечную тревогу прорывались солнечные лучи надежды и озаряли людей, вселяя в них уверенность.

Люди верили в Победу. И это не просто слова. Когда знакомишься с некоторыми фактами из истории Новосибирска военных лет, когда серьезно задумываешься над ними, начинаешь ловить себя на тревожной мысли: понимаем ли мы, осознаем ли мы, родившиеся после войны, в полной мере, какой величайший подвиг совершили наши отцы и матери, через какое невиданное горнило испытаний они прошли и не сломались, сохранив душу живую...

Так уж устроен человек, что любит он многие слабости своего характера списывать на тяжесть времени — мол, это не моя слабость, а время такое... И какой же резкий контраст с такой удобной точкой зрения представляют события, которые происходили в военном Новосибирске. Абсолютно не будет преувеличением фраза, казалось бы, уже порядком потерявшая свою эмоциональность от частого употребления, но она остается истинной по сути — люди верили в Победу. И эта вера творила чудеса. Она жила не только в душах, она принимала вполне конкретные формы.

В тяжелейший период войны принимается решение о достройке оперного

Была у нас в семье книжка, а в ней цветная картинка, на которой нарисован арбуз. И я все приставал к маме, спрашивал:

— А что такое арбуз?

Она мне рассказывала, а я снова спрашивал:

— А когда ты арбуз принесешь? Когда мы его есть будем?

— Подожди, сынок, — отвечала мама. — Вот закончится война, и будут у нас арбузы, обязательно попробуешь.

И вот бегу я однажды вечером встречать маму с работы и вижу, что она несет арбуз. Настоящий! Точно такой же, как на картинке. Сердечко мое зашло от восторга, и я закричал что есть мочи, все соседи услышали:

— Война кончилась!

Я ведь как думал: раз арбуз появился, значит, и война закончилась.

На календаре был еще только сорок четвертый год...

Ю. А. Рогаткин

Из Воронежа в Новосибирск мы эвакуировались под бомбежкой. Ехали двадцать один день. Ехали в «леднике», в таких вагонах в мирное время перевозили мясные туши. Там, где останавливались, нам выдавали что-то из продуктов. Однажды принесли только соль. И вот — Новосибирск. Поселились мы на улице Обской, в частном домике.

Я помню, как учителя водили нас в общественную баню. Завшивленность была невероятная. Вшей в Новосибирске в военное время было немерено. Идешь по улице, а на каждом крыльце сидят, ищут вшей. Ножом почему-то разгребали волосы и этим же ножом вшей давили, а они щелкали. Так вот, приведут нас в баню, она рядом со школой находилась, на улице Декабристов, снимут с нас одежду, а потом ее всю прожаривают. А головы заставляли мыть мылом. К — вонючее оно было до ужаса. Малышей обычно учителя мыли.

Учителя для нас как родители были. Помогали своим ученикам как могли. Осенью они в лес ездили и собирали калину. А школьный повар эту калину парила. Запах еще тот благоухал, но каждый день каждый ученик бесплатно получал стакан этой пареной калины.

Ходили мы и в госпиталь, обязательно с концертом. Мне запомнилось, что палаты с ранеными отличались друг от друга: танкисты были все обгорелые, а летчики — переломанные. Обычно мы ходили к ним после «мертвого часа», так раньше сон-час назывался. Раненые нас всегда ждали, а мы уж как старались, заливаясь на все голоса: «Полюбила я танкиста за красивые глаза, а еще за то сильнее, что для немца он гроза!» Раненые, если они могли сидеть, обнимали нас и плакали.

К этому времени, к нашему приходу, в госпитале уже заканчивался полдник и раненые для нас оставляли кто компот, кто булочку, кто сахар. Сначала нам не разрешали брать у них еду, но позже уже не запрещали, потому что один раненый так расстроился и расписовался, когда девочка отказалась взять его гостинец, что начал кричать на весь госпиталь: «Кто запретил?!» И тогда врач махнула рукой: «Берите, берите, не расстраивайте их...»

Очень детей жалели, везде жалели. Беспризорных детей вообще не было.

В. А. Брандт

театра. А в середине войны Новосибирский горисполком объявляет конкурс на лучшее архитектурное решение по застройке центра Новосибирска. В 1943 году в недостроенном еще оперном театре состоялось специальное заседание горисполкома, посвященное 50-летию Ново-Николаевска — Новосибирска. В фойе — огромная выставка, рассказывающая об истории родного города. Именно в военные годы Новосибирский горисполком принимает решение о строительстве в городе Дома пионеров и октябрят имени Кирова. И Дом этот был построен. Сегодня его наследник и преемник — Дворец «Юниор» — является одним из лучших в России.

Все эти факты, перечисленные выше, можно было бы множить и множить. Но важен не перечень, а важна суть: о будущем могли думать только люди, уверенные в Победе. Иным это было бы не по плечу.

А думать о будущем — это, в первую очередь, думать о детях. Город, несмотря на все тяжести военных лет, никогда не забывал о маленьких новосибирцах. Даже в самые тяжелые дни находилась, пусть и скудная, возможность поддержать школьников обедами в школе, найти для них одежду и обувь. Документы той поры свидетельствуют, что вопросы учебы и питания детей рассматривались наряду с вопросами о производстве военной техники.

Вера. Надежда. Любовь. Три этих старинных русских слова, пусть их не часто произносили в то время, снова засияли в первозданности своего смысла в военные годы. Лишения, тяготы, голодный быт, потери родных не озлобили людей, не сделали их волками по отношению друг к другу, наоборот, люди поддерживали друг друга, помогали ближним, оставались людьми в самом высоком и достойном смысле этого слова.

Об этом тоже не следует забывать. Может быть, даже в первую очередь об этом.

И вот здесь, именно в этом месте, где идет речь о вере, надежде и любви, мне и хочется хотя бы вкратце рассказать о человеке, чья фамилия уже упоминалась в очерке.

Михаил Васильевич Кулагин.

В оставшихся документах о нем общается немного — официальные анкетные данные не передают масштаб личности, они лишь сообщают даты и факты: родился Михаил Васильевич в крестьянской семье в Подмоскowie, работал по найму в Москве, там же во время Гражданской войны вступил в рабочий полк и воевал под Петроградом, под Нарвой, под Варшавой. Затем, как и многие его ровесники, учился недолгое время в комвузе, работал на различных должностях в советских и партийных органах. В 1941 году назначен первым секретарем Новосибирского обкома ВКП(б).

Кажется, что вся предыдущая судьба Михаила Васильевича была подготовкой к этому периоду его жизни — самому яркому и значимому. Без всякого преувеличения можно сказать, что он являлся центральной фигурой в жизни города и области на протяжении самых тяжелых лет в истории нашего государства — с 1941 по 1949 год.

Взвалив на себя воз неимоверной тяжести, он тащил его, не жалея ни себя, ни своего здоровья. Бывал крут в принятии решений, но и человечен, когда видел, что необходимо участие в судьбе людей, которые обращались к нему в последней надежде.

Очень интересное свидетельство оставил о М. В. Кулагине американский журналист Харрисон Солсбери, который был аккредитован в Москве во время войны как корреспондент «Нью-Йорк Таймс». В своей книге «В Москву и дальше» он описывает свои впечатления о поездке в Сибирь и о встречах с М. В. Кулагиным.

«Первый раз я увидел Сибирь во время войны. Я сопровождал Эрика Джонстона, бывшего тогда главой Торговой палаты США, во время поездки во внутренние области России. Нашим хозяином был Михаил Кулагин, губернатор Западной Сибири, самый стойкий коммунист, какого я когда-либо встречал. В годы Гражданской войны он служил в кавалерии Буденного. Сопровождавший Э. Джонстона республиканский деятель Вильям Вайт заметил, что “партийная дисциплина — это единственное, что Кулагин понимает и уважает”.

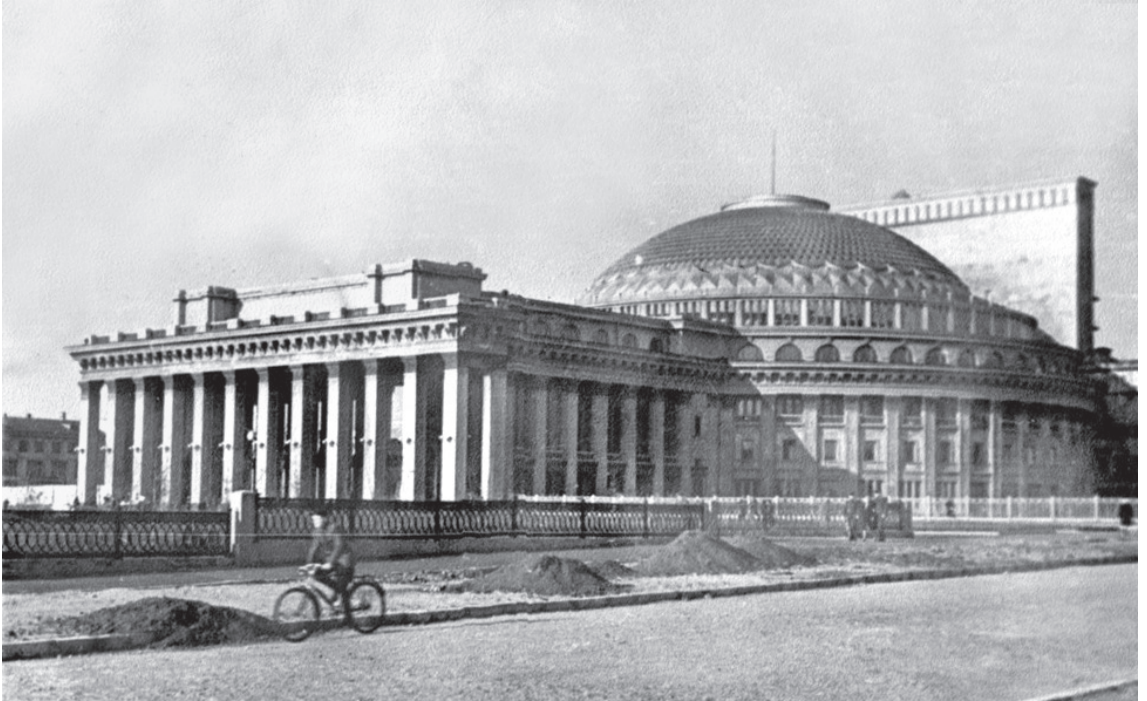
Оперный театр был высшей его славой.

Новосибирск, который я увидел в 1944 году, был военным городом, городом эвакуированной промышленности, эвакуированных рабочих. В цехах заводов, которые мы посетили, кипела работа. Кулагин, показывая нам свое предприятие, иногда останавливался, чтобы поздороваться с подростком-крановщиком или протянуть руку курносой Наташе, занятой обтачиванием снарядов на токарном станке. Казалось, он знал всех рабочих по именам.

Я думаю, что Михаил Кулагин жил, чтобы увидеть свою Сибирь стоящей на пороге прорыва в новую эру. Это было то, чему Кулагин посвятил свою жизнь. Он не был сибиряком. Но большого энтузиаста Сибири никогда не существовало. Он бросил всю свою невероятную энергию и всю силу своей горячей и неудержимой мощи на общее дело Сибири. В те несколько дней, которые мы провели с ним в 1944 году, он почти непрерывно говорил о том, какой будет Сибирь, когда закончится война. Он собирался сделать все от него зависящее, чтобы сохранить в Сибири промышленные предприятия, которые были эвакуированы из Москвы и Ленинграда. “Они будут развиваться по-

М. В. Кулагин на митинге в Новосибирске 9 мая 1945 г.

Новосибирский театр оперы и балета, 1945 г. <https://novat.nsk.ru/theatre/theatre/history/>

новому, — говорил Кулагин, — они нужны нам здесь”. Он хотел сохранить оркестры, хоровые группы и театры, которые были отправлены в надежный тыл.

“Этот край — это российское будущее, — сказал он. — Конечно, жизнь здесь тяжелая. Мы нуждаемся в культуре так же сильно, как и в промышленности. Скоро придет день, когда люди будут бороться за шанс приехать в Сибирь. Сибирь — это будущее России”».

Вот такая красноречивая характеристика дана была американским журналистом Михаилу Васильевичу Кулагину, имя которого должно навсегда остаться в новосибирской истории.

Мы помним

Весна 1945 года пришла в Новосибирск как предошущение близкой уже и такой долгожданной Победы. Город словно выпрямлялся, вырастал. Светлели лица людей, а глаза их сияли.

И снова был знак с неба.

Девятого мая 1945 года с утра над городом прошел короткий, тихий и теплый дождь. Он словно для того и упал на Новосибирск, чтобы заботливо умыть его, осветить и подготовить к тому великому известию, которого все столь долго ждали.

Мы не знаем, кто первым из новосибирцев пал в сорок первом, не знаем, кто пал последним в сорок пятом, но мы помним...

Мы ничего не забыли: ни горе матерей, которым некого было встречать, ни сына, который не мог обнять своей матери, потому что рукава гимнастерки были пусты, ни слезы радости, слезы победы, бегущие по щекам, ни наши салюты — словно отсветы огней минувших сражений...

Мы помним и с теплой любовью чтим светлую память всех, кто отстаивал наше родное Отечество.

ХРОНИКА ГОРЯ И МУЖЕСТВА

Год 1941

22 июня. Война. День, который изменил все: заботы, привычки, уклад. Всем от мала до велика запомнился этот день.

В 12 часов ночи состоялось общегородское совещание секретарей партийных организаций. Они обсуждали поставленные перед ними войной задачи.

3 150 митингов, 1 364 партийных и 1 152 комсомольских собрания состоялись в первые пять дней войны. В военкоматы города за первые 10 дней было подано 6 078 заявлений от добровольцев, в том числе 2 491 заявление от девушек и женщин. Присились на фронт целыми семьями: четыре брата Жарковых, в полном составе семья Легаковых, шесть братьев Игнатовых, шесть братьев Шумовых — все они ушли на фронт в первые же дни войны.

24 июня творческая бригада в составе: художников — Г. Ликмана, М. Мочалова, В. Титкова, А. Иванова, писателей — А. Смердова, Н. Алексева, И. Мухачёва, С. Кожевникова выставила «Окна ТАСС».

8 июля горисполком принял решение о мобилизации жилого фонда для эвакуированных, о дополнительном строительстве землянок и барачков.

19 июля создан совет по мобилизации ресурсов для нужд обороны, который возглавил председатель облисполкома И. Г. Гришин.

Патриотический митинг трудящихся Новосибирска
в саду им. Сталина вечером 22 июня 1941 г.

Первый день войны. Воскресенье. Мы, молодежь, в этот день ушли в Заельцовский парк. Расположились на травке, музыка играла — все как положено. Народу — море. И вдруг — война! В считанные минуты парк опустел, все толпой бежали в город. На следующее утро я пришла на свою обувную фабрику, в цех, где работала, а цех полупустой, потому что все мужчины ушли в военкомат. Это было ужасно, но мы надеялись, что через несколько месяцев война закончится. Ошиблись.

Мы шили кирзовые сапоги, и когда был срочный фронтовой заказ, то мы даже не выходили за территорию фабрики. Поспим прямо в цехе — и снова работать. Бывало, что неделями там ночевали.

Постоянно слушали радио. Особенно передачу «Огонь по врагу!» с баянистом Иваном Малайным. И Левитана любили слушать. Как только зазвучит его голос, значит, будут передавать последние известия. Всегда верили, всегда надеялись, даже в самое тяжелое время.

Хорошо помню, как пришел эшелон с оборудованием и рабочими из блокадного Ленинграда. Люди так были измучены и истощены, что не все могли самостоятельно выйти из вагонов. Их выносили на носилках. Расселяли куда только можно, лишь бы койку или топчан впихнуть. Мы за такими людьми ухаживали. И работали, и ухаживали.

Во время войны нам давали клочок земли, и мы там садили картошку — наше спасение. Бывало, придут гости, а мама картошку сварит. Это было самое шикарное угощение!

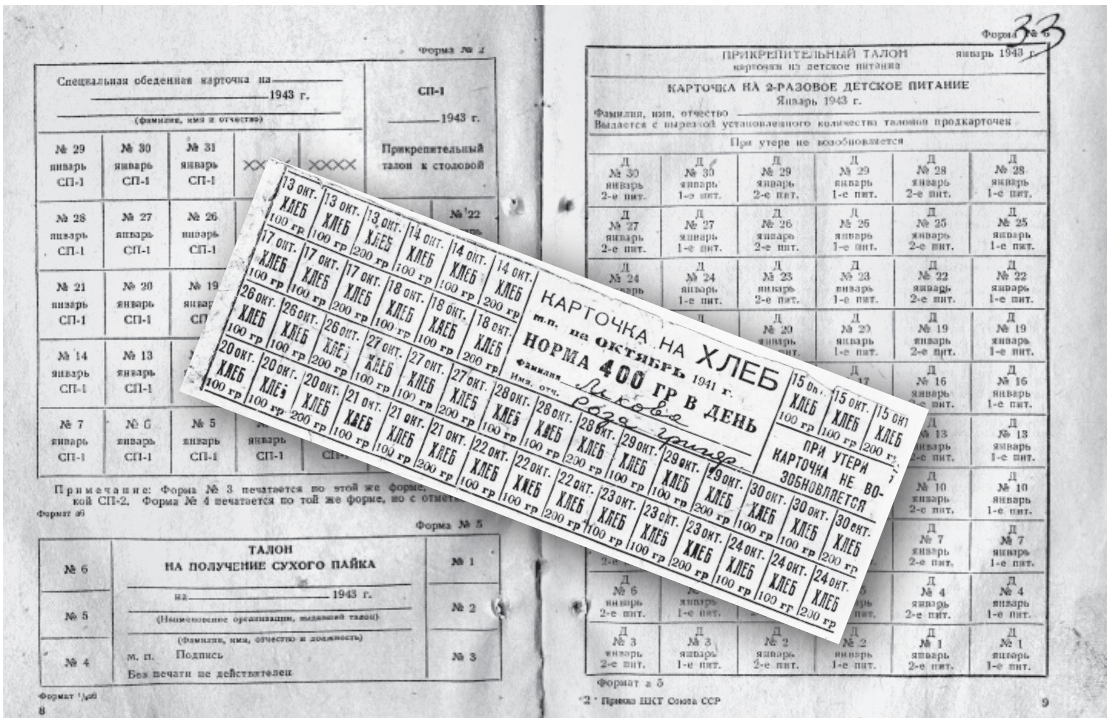
В. В. Корсакова

С июля по ноябрь Новосибирск принял 50 (!) крупных предприятий, эвакуированных из западных районов страны, в том числе Ленинградский электровакуумный завод «Светлана», инструментальный завод из Сестрорецка, приборостроительный завод им. Ленина, обувную фабрику «Пролетарская победа».

9 августа завод им. Чкалова принял четыре эшелона эвакуированных женщин и детей из Ленинграда.

17 и 18 августа состоялись субботники, в том числе комсомольско-молодежный, заработанные средства были отправлены в фонд обороны.

Август — вводится карточная система выдачи хлеба.

Карточка на хлеб 1941 года. Обеденная карточка, талон на получение сухого пайка и карточка на детское питание 1943 года

3 сентября машинисты Инского паровозного депо Шолкин, Галюк, Ширяев выступили с новой инициативой: готовить паровозы, инвентарь и спецодежду за свой собственный счет.

В этот же день в город эвакуировался Ленинградский драматический театр им. А. С. Пушкина и уже 24 сентября дал первый спектакль — «Суворов».

18 сентября. Всего за один месяц построен наплавной (понтонный) мост через Обь протяженностью 895 метров (по проекту инженера Ф. П. Сивочкина), так как паромная переправа уже не справлялась с резко увеличившимся количеством грузов.

В сентябре введена карточная система на все продукты питания, во всех районах города были созданы карточные бюро.

10 октября новосибирцы принесли на Ипподромский пункт сбора теплых вещей 8 370 единиц одежды различных видов.

Ноябрь — декабрь — 34 детских дома эвакуированы в наш город.

18 декабря начался сбор новогодних подарков для воинов. Их собрали семь тысяч, причем каждый включал в себя 400 г. сливочного масла, 500 г. колбасы, 300 г. сыра, 500 г. сухарей, 500 г. кондитерских изделий, 1 банку консервов, 1 кг баранок, 2 пачки махорки, 2 коробки спичек, курительную бумагу.

30 декабря 187 студентов Новосибирского института военных инженеров транспорта (НИВИТ) досрочно окончили институт и ушли в армию.

В **декабре** пришло известие о гибели на фронте Федора Ивачёва — первого новосибирского мастера спорта. Его именем назвали улицу в Железнодорожном районе. Теперь ежегодно проводятся лыжные соревнования, посвященные его памяти.

Так за один год поменялась жизнь города.

Спектакль «Суворов» в постановке Ленинградского драматического театра им. А. С. Пушкина

Ф. Н. Ивачёв

Мой муж ушел на фронт в первые дни войны. Осталась одна с сыном на руках. Пошла на завод, стала контролером. Бывало, укладываю изделие в ящик, а сама думаю: может, оно мужа моего от смерти спасет. Чтобы легче было жить и переносить тяготы военного лихолетья, решили мы, солдатские жены, объединиться. Так и появился совет жен фронтовиков.

Старались помогать друг другу, делились детскими вещами, подкармливали особо нуждающихся, больным лекарства доставали, дрова запасали сообща. Надо сказать, хорошо заботились о нас руководители завода. Помню, приобрели в одном из совхозов несколько коров. Пришли мы туда, посмотрели и ахнули: не коровы — одры ходячие! Но что делать, отправились в город своим ходом. Сами полуголодные, обессиленные, и коров почти на руках тащить приходилось. Довели все-таки. Откормили. И стали наши дети молоко получать.

Горе не обошло мою дверь — принес почтальон извещение о гибели мужа. Да разве мне одной? Над сколькими похоронками мы вместе с подругами рыдали! А потом работали еще злее: пусть хоть у других близкие живыми останутся.

Е. К. Дьяконова

Год 1942

События шли одно за другим, будто привычный стук метронома отсчитывал их... Герой Социалистического Труда академик С. А. Чаплыгин возглавил комитет ученых для решения важнейших задач обороны.

909 387 рублей заработала молодежь на комсомольском субботнике и перечислила эти деньги в фонд танковой колонны им. Комсомола.

Из новосибирского депо ушел на фронт бронепоезд «Советская Сибирь».

Наши земляки создали зообазу, на которой приютили животных из западных цирков страны.

В блокадный Ленинград с новосибирского жиркомбината доставили эшелон с кокосовым маслом.

Трудно, невыносимо тяжело на заводах, но еще туже затянули ремни рабочие и выделили из своих рядов 68 ремонтных бригад для помощи селянам в подготовке техники для посевной. Вместе с ними отправились 34 агитбригады и 18 врачей.

6 тысяч первомайских подарков для действующей армии собрали горожане.

Началась подписка на первый военный государственный заем.

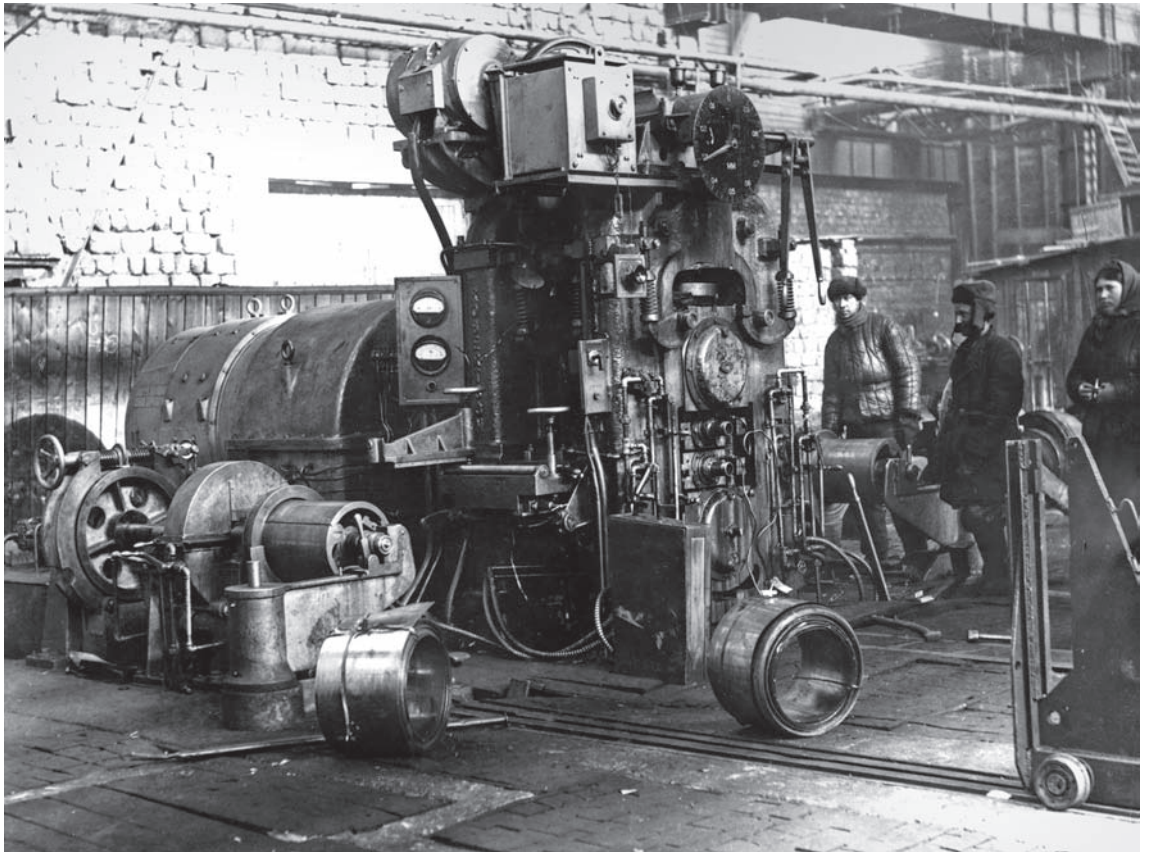
14 мая в Новосибирске собрались партизаны Гражданской войны. Они направили из своих рядов 110 человек в партизанские отряды; всего же за годы войны 285 наших земляков ушли в партизаны.

Эскадрилью «Новосибирский комсомолец», десять истребителей, отправили на фронт молодые рабочие. Для этого они заработали на субботниках 2 787 796 рублей.

Снова новосибирцы собирали вещи, но теперь уже для партизан Белоруссии.

Идет жесточайшая в мире война, но **29 июня** Совет народных комиссаров СССР выделил 1 миллион рублей на завершение строительства театра оперы и балета.

Начиная с первых сражений Великой Отечественной сибирские воины заслужили славу сильных, смелых бойцов: где сибиряки — там победа. Сибирские дивизии от-

стояли Москву. **3 июля** ЦК ВКП(б) поддержал инициативу новосибирских коммунистов по формированию Сибирских добровольческих соединений. И уже 10 августа в военкоматах лежало 42 307 заявлений, из них свыше восьми тысяч от членов ВКП(б) и почти восемь с половиной тысяч — от комсомольцев.

К празднику по сложившейся традиции новосибирцы отправляли подарки тем, кто воюет. К годовщине Великого

Октября из нашего города на фронт ушло 20 тонн сливочного масла и сыра, 12 тонн колбасы, 14 тонн шоколада, 10 тонн пряников, 4 тонны мыла, 4 тонны табака. При этом по продуктовой карточке новосибирские рабочие получали 800 граммов хлеба в день, а служащие, иждивенцы и дети — 400 граммов. Остальные продукты выдавались на месяц. Хочешь — ешь сразу, хочешь — растягивай: мяса и рыбы — 1 800 граммов рабочему, 1 200 граммов служащему, 400 граммов ребенку; крупы и макарон — 1 200 граммов рабочему, 800 граммов служащему и ребенку; сахара и кондитерских изделий — по 400 граммов на месяц рабочему, по 300 остальным, такая же норма была по жирам. Если бы не картошка, родившаяся как по божьему благословию в годы войны, совсем бы туго пришлось землякам.

Чудеса героизма проявляли новосибирцы, стоя у станка и на строительных площадках. Недостроенным начал выплавлять необходимый фронту металл оловозавод. По три самолета Як-9 в сутки выпускали в начале года чкаловцы, а к концу года девять «ястребков» сходило с заводского конвейера каждый день.

Научные силы, работающие на оборону, также концентрировались в Новосибирске. В сентябре 1942 года к нам в город прибыла группа членов комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Сибири и Казахстана на нужды обороны во главе с вице-президентом АН СССР академиком И. П. Бардиным.

Год 1943

Морозный день **2 января** не остановил новосибирцев: 175 тысяч человек вышли на митинг и решили создать Фонд Победы: «Все, что дадим сверх плана, вложим в этот фонд».

12 января пришло радостное известие: прорвана блокада Ленинграда. Новосибирск ликовал вместе с тысячами ленинградцев, которых город приютил и обогрел. Сразу же объявили, что проведут неделю особой помощи жителям города на Неве. Рабочие трикотажной фабрики отправили ленинградцам 14 200 изделий сверхплановой продукции, трудящиеся жиркомбината сварили для них 40 тысяч кусков мыла.

Истребители Як-9 на заводе им. В. П. Чкалова

Иван КРАСНОВ

Благодарность

Бывало на войне такое,
Что не поверишь налегке.
Однажды вечером из боя
Принес я пулю в вещмешке.

Я пулей той искромсан не был:
Видать, тому не вышел срок.
Она прошла сквозь пайку хлеба
И угодила в котелок.

Спасибо женщинам России
За хлеб, что густо замесили,
И фэзэушникам России
За котелок, что жизнь мне спас.

Они пахали и косили —
Себе поблажек не просили.
Они, выходит, и кормили,
И — часто — заслоняли нас.

(Публикуется по: Краснов И. Рукопожатье: стихи разных лет. — Новосибирск, 1993.)

Появилась у нас новая девочка во дворе, из эвакуированных, и увидела однажды кошку. Как закричит: «Мама, мама, кошка, кошка, лови скорей!» А сама побежала, схватила эту кошку и держит. Я так удивилась, а после маме рассказала. Спрашиваю: «Зачем она ее поймала?» А мама мне говорит: «Никогда и никому об этом не рассказывай, забудь». А после мне растолковала, что девочка эта вместе с матерью пережила в Ленинграде блокаду, когда приходилось есть кошек.

Я никому не рассказала о том, что во дворе видела, но забыть так и не смогла.

Р. М. Малянина

Ремесленное училище № 8, цех точки mortир

16 февраля новая радость: Красная армия освободила Ростов и Воронеж. Наши земляки встали на двухнедельную трудовую вахту. Спустя шесть месяцев бюро обкома ВКП(б) и облисполком приняли постановление о шефстве области над городом Воронежем с целью восстановления народного хозяйства, и уже в августе Николай Лунин провел свой тяжеловесный состав со станками, стройматериалами, продуктами, собранными сибиряками, в Воронеж.

1 марта прошел первый областной слет женщин-стахановок, они объявили 8 марта рабочим днем и на дневной заработок решили построить авиаэскадрилью «Сибирячка — фронту».

21—22 марта состоялся первый областной съезд молодых рабочих, он проходил в оперном театре.

В апреле в город вернулся театр «Красный факел». Он отдал свою сцену Ленинградскому драматическому театру имени А. С. Пушкина и сезон 1943 года начал на сцене ДК имени Клары Цеткин спектаклем «Олеко Дундич» в постановке заслуженного артиста РСФСР А. Д. Дикого. Предыдущие сезоны театр провел в Кузбассе и дал свыше тысячи шефских концертов.

19 апреля приказом Верховного главнокомандующего за боевые отличия Сибирскому добровольческому корпусу было присвоено звание гвардейского. Отныне он стал именоваться 19-м гвардейским стрелковым корпусом, а 150-я добровольческая дивизия — 22-й гвардейской стрелковой дивизией. Город воспринял известие об этом с гордостью.

10 августа город передал Северному флоту подводную лодку «Новосибирский комсомолец», построенную на средства, заработанные и собранные молодыми новосибирцами. Уже в октябре командир лодки капитан 1 ранга, Герой Советского Союза Коньшкин рапортовал, что потоплено первое немецкое транспортное судно водоизмещением 7 000 тонн — открыт боевой счет.

Печальное известие. **11 августа** в Спас-Деменском районе Калужской области у деревни Гнездилово во время штурма высоты 233,3 (Гнездиловские высоты) героически погиб гвардии старший сержант поэт Борис Богатков. Это его именем названа улица в Октябрьском районе, это ему в 1977 году комсомольцы города установили памятник.

14 сентября совершен легендарный подвиг на Безымянной высоте. Песню В. Баснера и М. Матусовского о героях Безымянной высоты до сих пор поет народ: «У незнакомого поселка на безымянной высоте...» 18 воинов 139-й Рославльской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, сформированной в Новосибирске, уничтожили более сотни немецких солдат и офицеров и обеспечили продвижение своей дивизии к реке Десне. Смертью храбрых пали А. Артамонов, Е. Белоконов, Г. Воробьев, Н. Галенкин, Н. Даниленко, Д. Денисов, Р. Закомолдин, Т. Касабиев, Б. Кисель, И. Куликов, Э. Липовецкер, П. Панин, Е. Прошин, П. Романов, Д. Шляхов, Д. Ярута. Контуженному взрывной волной Г. Лапину удалось пробиться к своим, а вот раненого К. Власова немцы взяли в плен. Сибиряк в лагере возглавил побег группы воинов и пришел с ними в партизанский отряд «Мститель». Тот «незнакомый поселок» — деревня Рубежанка Куйбышевского района Калужской области.

С **1 октября** жить стало еще тяжелее: в городе введена обязательная продажа картофеля взамен хлеба для жителей, получающих по карточкам 800 и больше граммов хлеба, из расчета ежедневной замены 100 граммов хлеба 400 граммами картофеля.

«Все для фронта! Все для победы!» — эти слова были не просто лозунгом для новосибирцев, они были сутью их жизни. Учащиеся школы № 67 внесли 2 500 рублей на строительство танка «Юный сибиряк»; городской слет стахановцев принял предложение инициатора движения тысячников П. Е. Ширинова провести ударный месячник в честь 25-й годовщины Красной армии, медики-октябрыцы передали для строительства санитарных самолетов 50 тысяч рублей, а преподаватели и студенты мединститута, врачи, сестры, нянечки Первой клинической больницы и Института усовершенствования врачей — еще 96 131 рубль! Свой вклад в размере 20 тысяч рублей

Б. А. Богатков

Борис БОГАТКОВ

Повестка

Все с утра идет чередой обычной.
Будничный, осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Шум троллейбусов, звонки трамваев,
Зов гудков доносится с окраин,
Торопливы толпы, как всегда.
Но сегодня и прохожим в лица,
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской —
Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу.

1941, Москва

(Публикуется по: Помнит мир спасенный: стихи поэтов-сибиряков о Великой Отеч. войне и Совет. Армии. — Новосибирск, 1970.)

внес профессор В. М. Мыш. Николай Лунин, знаменитый машинист, купил 1 000 тонн кузбасского угля, и нарком путей сообщения разрешил ему самому привезти этот уголь в Сталинград.

Церковный совет Успенской церкви подписался на заем на сумму 50 тысяч рублей, из которых 20 тысяч внес наличными; областная библиотека собрала 10 163 книги для освобожденных районов страны.

Каким бы тяжелым, голодным, холодным ни был 1943 год, новосибирцы не забыли о юбилее своего города. Городская комиссия по подготовке к юбилею собрала всех старожилов, чтобы издать книгу о Новосибирске, в последний день года,

31 декабря, в оперном театре состоялось торжественное заседание юбилейной сессии горсовета с приглашением городского актива. В фойе театра была развернута большая выставка с материалами об истории города, с ней познакомились тысячи людей.

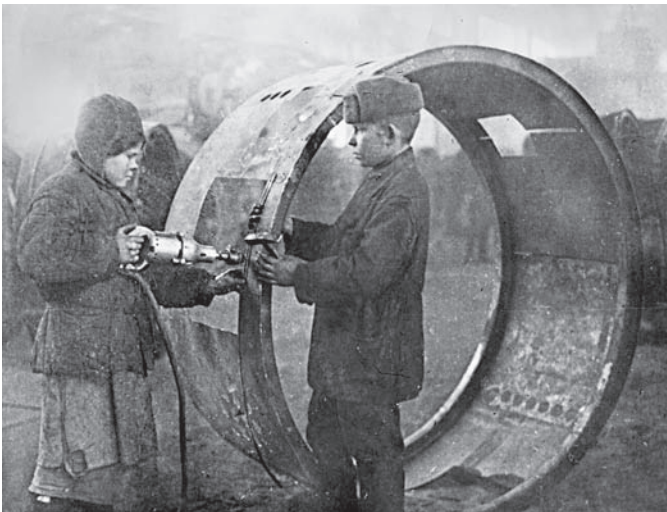
Н. А. Лунин

Год 1944

В Новосибирске 7 126 доноров. Александра Прокопьевна Зимина за годы войны сдала 23 литра крови! Они — люди, отдающие свою кровь, — собрали 72 тысячи рублей для постройки самолета «Донор Сибири». Низкий поклон вам от потомков, земляки!

Жены фронтовиков, личный состав Ипподромского военкомата, собрали 12 487 рублей наличными и 8 805 рублей облигациями на строительство самолетов и 25 тысяч рублей в фонд помощи детям и многодетным. 180 тысяч рублей для этих же целей собрали повара, официантки, раздатчицы новосибирских столовых; учащиеся 26-й школы — 20 тысяч рублей.

5 мая объявили о выпуске облигаций третьего Государственного военного займа, уже к 10 мая новосибирцы подписались на 180 миллионов рублей.

Подростки работают на прожекторном заводе

Радость в городе. Новосибирцы узнали, что **19 августа** первым трижды Героем Советского Союза стал воздушный ас, наш земляк, гвардии полковник Александр Покрышкин. **21 августа** состоялся общегородской митинг. Выпускник фабрично-заводского училища при заводе «Сибкомбайн», став летчиком-истребителем, совершил более 650 боевых вылетов, в 156 воздушных боях сбил лично 59 и в группе — 6 самолетов противника.

Горе и радость всегда идут вместе, а в годы войны они тесно прижимаются друг к другу. **8 октября** погибла на латвийской земле героическая женщина — Ольга Васильевна Жилина. Восемь раз была ранена, награждена боевыми орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени (посмертно) эта тридцатилетняя медицинская сестра. Ее именем названа улица в нашем городе.

19 ноября состоялся салют. Город торжественно отмечал День артиллерии.

Новосибирск осознавал приближение победы. На сессии горсовета в июле был заслушан доклад о санитарном состоянии города, а в сентябре был объявлен конкурс на лучшую застройку центра, хотя в то же время приходилось объявлять конкурс на лучшую выпечку хлеба из картофеля без примеси муки.

Трамвайный трест начал работы по соединению 6-й и 7-й трамвайных линий, из центра города теперь можно было попасть на улицу Дуси Ковальчук, и дальше трамвай шел за речку Ельцовку.

От года к году оживала культурная жизнь города. Деятели культуры и искусства тоже работали на победу: за 32 дня пребывания на Северном флоте агитбригада клуба имени Клары Цеткин дала 86 концертов. Североморцы наградили ее художка А. Емельянова значком «Почетный подводник». **16 января** открылась городская художественная выставка «Сибирь — фронту». На ней было представлено 150 работ художников Ликмана, Смолина, Якубовского, Самохвалова, Фокина, Титкова, Левина и других; **16 марта** в Доме науки и техники открылась архитектурная выставка проектов застройки города; вернулся после двухлетнего отсутствия из Анжеро-Судженска к себе домой ТЮЗ. **22 июня** он дал спектакль по пьесе Шекспира «Комедия ошибок» в постановке П. В. Цетнеровича. На гастроли к нам прибыл Ленинградский

О. В. Жилина

Сборочный цех завода им. В. П. Чкалова, 1944 г.

фронтовой цирк. Прощальный концерт Ленинградской филармонии под руководством Е. Мравинского состоялся **3 августа** в клубе имени Клары Цеткин. 5 220 концертов дали артисты филармонии за время пребывания в Новосибирске, в том числе симфонический оркестр — 538. Уехал на родину и Ленинградский ТЮЗ, 952 спектакля сыграли артисты в Сибири, 549 000 зрителей побывало на них. Попрощался с городом и филиал Третьяковки. Ее сотрудники организовали 20 выставок, на которых побывало около 500 тысяч человек, прочитали 1 500 лекций для 80 000 слушателей.

Несмотря на военное время, в городе осуществлялась школьная реформа. Дети начинали теперь учиться с семи лет, введено было обязательное воинское обучение, установлены экзамены на аттестат зрелости, утверждены золотые и серебряные медали, увеличена заработная плата учителям. Для тех, кто ушел в начале войны на производство, были созданы первые четыре школы, в которых обучение велось без отрыва от производства. При заводе «Тяжстанкогидропресс» открыли первый в городе вечерний техникум. Он набрал 100 учащихся, которые могли стать либо техниками-технологами, либо техниками-механиками. **13 марта** открылся электротехникум в школе № 52 по улице Добролюбова на 300 учащихся. 250 стипендий по 100 рублей учредил обком комсомола для детей фронтовиков.

31 августа в Новосибирске создали Институт мер и измерительных приборов, теперь это Сибирский государственный научно-исследовательский институт метрологии.

В середине года в городе побывал необычный гость — вице-президент США Генри Уоллес. Он встречался с интеллигенцией, говорил на русском языке и восторгался трудовым героизмом новосибирцев.

Сибиряки действительно приближали победу.

Год 1945

Победа витала в воздухе, наполняя силами изможденных людей. Но для того, чтобы она состоялась, еще требовались жертвы, героизм, воля, и не только на полях сражений. Это понимали сибиряки.

10 тысяч пар армейских ботинок и сапог сверх плана выпустила в подарок фронтовикам к 27-й годовщине Красной армии обувная фабрика имени Кирова.

5 731 книгу отправили новосибирцы в освобожденные районы страны.

В январе состоялась первая конференция молодых ученых; повестка дня: «Задачи ученых в развитии производительных сил Сибири».

Одна из комсомольско-молодежных бригад завода им. В. П. Чкалова

В клубе имени Сталина при переполненном зале состоялся концерт оркестра театра оперы и балета под управлением дирижера Л. Гинзбурга.

Первый междугородний хоккейный матч на катке стадиона «Динамо» прошел между командами Новосибирска и Омска, боролись за кубок СССР. Наши победили уверенно — 3:0.

Новосибирцам стало известно, что **11 апреля** в лагере смерти Бухенвальде узники подняли восстание и освободили лагерь. Восстанием руководил международный антифашистский комитет, членом которого, а также руководителем русского подполья был новосибирец — сержант-пограничник Н. С. Симаков. (После войны он вернулся в родной город, где жил и работал.)

9 мая — День Победы! Всеобщее ликование. Столько народа никогда не было на Красном проспекте. Митинг на площади у здания облисполкома. На балконе выходит первый секретарь обкома партии Михаил Васильевич Кулагин. Он обращается к землякам с короткой речью, в которой каждое слово западает в душу:

«Дорогие товарищи, друзья, деды, отцы, матери, сестры, жены, дети, героические труженики, славные сибиряки!..

Нельзя словами выразить переживаемые чувства. Этот день войдет в историю многих веков, многих поколений.

Сибиряки с честью вынесли на своих плечах тяжесть Отечественной войны.

Никогда наша мать-Родина, наш народ не забудут своих славных сынов, героев, отдавших жизнь за Отчизну. Слава воинам-сибирякам!

Сегодня на нашей улице праздник. Торжествуем и славу Победу, народ-победитель!..»

И торжествовали и славил. Радовались, плакали и снова радовались. Перед собравшимися на улице впервые выступил Сибирский русский народный хор под руководством собирателя фольклора Сибири Н. П. Королькова.

10 мая эстафету Дня Победы приняла первая сессия Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, в которой участвовало более 300 ученых. Символично. За наукой будущее.

12 мая. Надо только себе представить: на третий день после победы в жесточайшей, изнуряющей войне торжественно открывается Новосибирский театр оперы и балета. Первым спектаклем была опера М. И. Глинки «Иван Сусанин». До конца победного года новосибирцы увидят еще четыре премьеры: «Евгений Онегин» Чайковского, «Кармен» Бизе, «Травиата» Верди и «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского.

За творческое служение Отчизне в годы войны звания заслуженных артистов РСФСР были присвоены главному дирижеру театра оперы и балета И. А. Заку, артистам В. П. Арканову, А. Ф. Кривчене, В. И. Макарову, главному режиссеру театра «Красный факел» В. П. Редлих, артистам Е. Г. Агароновой, К. Г. Гончаровой, М. Ф. Кирикову, Н. Ф. Михайлову, М. М. Халатовой.

Торжественным пленумом горкома комсомола закончился победный май. Бархатное Красное знамя в награду от ЦК ВЛКСМ получило молодое поколение новосибирцев. Они **10—11 июня** собрались на третий съезд молодых рабочих и рапортовали о своих трудовых достижениях.

70 вагонов отправляют новосибирцы в подшефный разрушенный войной Воронеж. В них — строительные материалы, оборудование. Председатель Воронежского горсовета В. Нестеров специально приехал в Новосибирск, чтобы передать братский привет новосибирцам, благодарность от воронежцев.

Радиоприемников у нас не было, а были громкоговорители, как большие тарелки, черного цвета, назывались они «Рекорд». И вот эта тарелка то говорила, то не говорила. Но второго мая, когда у меня день рождения, она работала, сообщили, что пал Берлин. Мы с друзьями поехали в Первомайский скверик, недалеко от улицы Ленина. А там только-только появились киоски с мороженым, больше их в городе еще нигде не было. Идем по улице Ленина, а на почтамте развешивают большое красное полотнище, на нем написано: «2-го мая 1945 года пал Берлин!»

Утром девятого мая громкоговоритель не работал. Я, ничего еще не зная, пошел в школу. Я учился в 73-й, которая рядом с садом Кирова. Иду, а в сквере машина стоит, бочка какая-то и люди, люди ликуют. Тут я и узнал, что война закончилась. Мы с ребятами быстро сели в электричку, тогда она называлась «передача», поехали на площадь Ленина и там, в ликующей толпе, пробыли до самого позднего вечера.

Ю. А. Шадрин

В День Победы нас всех в школе собрали в актовом зале, поздравили и отпустили по домам, чтобы мы смогли этот великий праздник встретить в семьях. Я побежала к маме в медсанчасть, где она работала. Бегу по мосту через пути, солнышко светит, и, знаете, мне показалось, что даже деревья радостные. И вдруг дождик. А навстречу мне инвалид идет на костылях и говорит: «Доченька, даже солнышко от радости плачет! Ты видишь?»

Прибежала я к маме, побыла там какое-то время, бегу назад. Смотрю, в Кривощеве стоит состав воинский и солдаты из теплушек выпрыгивают. Их в Японию отправляли. И девушка стоит, просит: «Найдите мне его, может быть, он среди вас!» У нее, оказывается, любимый пропал без вести. И тут я поразила солдат — кто ложечку ей дарит, кто бантик... Каждый хотел ее порадовать, один даже побежал искать ее любимого по вагонам...

Я это все так ярко помню, как будто вчера было. И яркий день, и дождик, и слова: «Даже солнце от радости плачет!»

Н. П. Беневоленская

Июль 1945 года. Наконец-то эшелоны с армиями не уходят из Новосибирска, а приходят в него. Снова праздник и ликование. Духовые оркестры, нарядные женщины, крепкие объятия, радость, смех, песни, пляски, звуки гармони и... слезы. Такова уж суть Победы: «радость со слезами на глазах».

Победа во всем. В том светлом июле в Новосибирск прибыла комплексная экспедиция Ленинградского отделения всесоюзного треста «Гидроэнергопроект» и в районе села Нижние Чёмы начала изыскания для строительства Новосибирской ГЭС. Обь будет работать на город.

15 августа Совнарком СССР принял решение о сооружении в Новосибирске картинной галереи и на проектные работы выделил 200 тысяч рублей. Молочный завод восстановил производство эскимо, сэндвичей и брикетов — 3,5 тонны мороженого в сутки. Появились на прилавках магазинов сладкие и соленые сырки с цукатами.

Снова тревога в душах людей: идут эшелоны на восток, проходят митинги на

Премьера спектакля «Иван Сусанин» в Новосибирском театре оперы и балета 12 мая 1945 г.

заводах — война с Японией. Но уже **5 сентября** город празднует победу над врагом. Как людям хотелось, чтобы это была последняя война!

В Кировском районе создается детский дом для 240 детей, эвакуированных из Ленинграда, детей инвалидов войны и погибших фронтовиков. Открывается педагогический класс в 50-й женской школе.

Город учится жить мирными заботами.

В качестве послесловия

Под городом Белым, у села Клемятино Тверской области, есть братская могила, в ней лежат тринадцать с половиной тысяч наших земляков. Когда в 1982 году мы вместе с художником-монументалистом Александром Сергеевичем Чернобровцевым и зампредом горисполкома Али Халиловичем Алиджановым первый раз побывали в этих местах, нашим поводырем был местный руководитель, мальчишкой партизанивший в этих краях. Вышли на поле, через которое шел в первую свою атаку Сибирский добровольческий корпус, шел против отборных немецких дивизий, чтобы создать видимость генерального наступления наших войск и не дать немцам увести свои силы под Сталинград. Секретарь райкома обратился к нам: «Возьмите каждый в обе ладони землю с поля». Мы наклонились к свежей пашне и зачерпнули по горсточке русской земли, которую отстаивали от врага отцы и деды. И у каждого в ладонях, когда осыпалась земля, остался ржавый металл. «Можете сделать это в любом месте — результат будет одинаковый, — сказал он, и его слова отозвались горьким эхом в нашем ошеломленном сознании. — Вот через такой плотности огонь шли ваши земляки».

Война выковала невиданной силы и крепости патриотизм. Души подростков, стоявших у станков, часто на ящиках из-под снарядов, были неприступными крепостями, которые так и не удалось взять врагу. Снарядов в нашем городе было изготовлено в

Открытие памятника Александру Покрышкину на площади им. Сталина, 1949 г.

Елизавета СТЮАРТ

1941 год

Мы в этот год изведали до дна
Любовь, тревогу, горечь расставанья,
Борьбу и гнев, надежды и страданья
И боль утрат... Так началась война.

И цену мы узнали в этот год
Простым рукопожатьям у порога
И ласковым словам перед дорогой,
Что, может быть, назад не приведет.

Впервые мы постигли близость звезд
Над городом глухим и затемненным,
И был конверт в руках у почтальона
Желанен и тревожен, и не прост.

Мы поняли впервые в этот год,
Как тосковать о близких и любимых
И как вести часам неутомимый
И сердцем отмечаемый подсчет.

Мы знали — не стереть и не забыть
Тех дней, что нас, как пламя, опалили,
И с каждым днем сильнее жизнь любили,
Как любит тот, кто должен победить.

(Публикуется по: Огневые дни, 1942, кн. 1.)

два раза больше, чем выпустила вся промышленность дореволюционной России в Первую мировую войну — с 1914 по 1917 год. 15 797 самолетов взлетело с аэродрома Чкаловского завода. Четыре миллиона комплектов обмундирования сшили новосибирские женщины. Шорно-седельная фабрика обеспечила амуницией один миллион бойцов и 30 кавалерийских полков. Шесть бронепоездов отправили на фронт наши железнодорожники, 80 военно-санитарных поездов, укомплектованных нашими медиками, курсировали между фронтом и тылом. 26 военных госпиталей разместились в зданиях школ, институтов и предприятий, в них вылечили 218 611 раненых солдат и офицеров, 55 000 хирургических операций сделали наши врачи, 17 500 переливаний крови.

Я был знаком, и горжусь этим, со многими земляками, совершившими подвиг во имя Родины. Полковник Андрей Сергеевич Ширяев, комиссар 22-й гвардейской. Это и его усилиями формировались все сибирские добровольческие дивизии, это по его инициативе строились в городе и на местах боев многие мемориалы, на последнем из них, воинском кладбище, он выбрал место и для себя, между двух высоких берез.

При открытии мемориального кладбища, во время торжественного митинга,

когда в тишине военный оркестр заиграл гимн Родины, все услышали, как упали костыли. Это вышел из своей инвалидной машины «сибирский Маресьев» — писатель, публицист Николай Мейсак. Он не мог сидеть в машине, когда звучит гимн, а вот с костылями не справился, так и стоял, ухватившись за дверцу автомобиля. Когда же сам подошел к микрофону, то произнес такие слова (кажется, помню дословно): «Слеза катилась по остывающей щеке молодого солдата, это душа прощалась с телом воина-богатыря». И снова непредвиденное сценарием торжества происшествие: не выдержал напряжения высокой минуты и упал в обморок курсант военного училища, стоявший в почетном карауле.

Нина Ивановна Никулькова, в прошлом директор двух наших театров — «Красного факела» и ТЮЗа, — невысокая, умная, с добрыми глазами женщина. Это она и тысячи ее сверстниц вытаскивали снаряды, еле дотягиваясь до станков с подставленных ящиков...

Война оставила Новосибирску десятки заводов и высокую культуру лучших творческих коллективов страны — и унесла жизни тысяч людей.

Символом Победы в нашем городе стал театр оперы и балета. Его грандиозное здание говорит о величии народного подвига. Трудно поверить, что всего через три дня после капитуляции фашистской Германии здесь, у нас, в далекой Сибири, открылся свой Большой театр. Он стал и символом новой жизни для народа-победителя. Символичными кажутся в звуках победного гимна и первая сессия Западно-Сибирского филиала АН СССР, и решения о строительстве таких объектов, как картинная галерея, ГЭС, ботанический сад, и многое, многое другое: новое, первое, устремленное в будущее.

ОТЗВУКИ ФРОНТА

«ЭТУ НЕНАВИСТЬ Я ЗАВЕЩАЮ СВОИМ ДЕТЯМ...»

Письма Н. Шешенина С. Кожевникову

В личном архиве Саввы Кожевникова, находящемся в ГЦИНК им. Н. П. Литвинова, собраны письма журналиста и драматурга Н. Л. Шешенина. Все они адресованы непосредственно С. Е. Кожевникову — известному очеркисту, руководителю Новосибирской писательской организации, главному редактору «Сибирских огней» в предвоенные и послевоенные годы.

Шешенин и Кожевников были хорошо знакомы, дружили, с 1931 по 1936 год работали вместе в редакции газеты «Советская Сибирь». Незадолго до Великой Отечественной Николай Шешенин покинул родные места (родился он в с. Усть-Каменогорск в 1907 г., занимался журналистской и партийной деятельностью в с. Ребриха, в Алейске, в Новосибирске и других сибирских селах и городах) и переехал вместе с семьей в Москву. В первые же дни войны записался добровольцем.

Сохранилось семь писем Н. Шешенина, посланных С. Кожевникову с передовой. Написанные в краткие минуты тишины, эмоциональные и откровенные (ведь адресованы они близкому другу), письма эти являются, без сомнения, ценным и любопытным документом военных лет.

Николай Шешенин героически погиб 14 марта 1942 года, пытаясь вместе с группой бойцов, которую он и возглавлял, восстановить оборванную линию телефонной связи.

Письма публикуются впервые. Авторская орфография и пунктуация по преимуществу сохранены.

Редакция выражает искреннюю благодарность Городскому Центру истории Новосибирской книги имени Н. П. Литвинова за предоставленные материалы.

Здравствуй Савва!¹

Вот уже месяц как я нахожусь на фронте — уже совсем освоился в новой обстановке. Боялся что не смогу делать больших переходов. Оказалось что могу. На днях прошел свыше 150 км.

Самочувствие хорошее. Первое время не было аппетита не мог сразу переключиться на новую пищу. Сейчас аппетит прекрасный — ем как лошадь. Прибыл в весе к<ило>гр<аммов> на 5.

Передай привет знакомым. Рае и всему твоему семейству. Из дома я ни одного письма не получал. Не знаю где они и что с ними.

2/VIII

Николай

¹ Почтовая карточка. Адрес получателя: «г. Новосибирск. Редакция журнала «Сибирские огни». Савве Кожевникову». Написано карандашом. В верхнем левом углу синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) продублирована дата: «2 авг. 41 г.».

Здравствуй Савва!²

Послал тебе открытку. Не знаю получил ли ты ее от тебя, во всяком случае, ответа я не получал. Вообще нахожусь в полном неведении, что делается за линией фронта³. Семье написал несколько писем — ответа нет. Писал в учреждения с просьбой сообщить о семье тоже в ответ ничего не получил. Ребята очевидно эвакуированы, но куда именно не знаю. Хорошо бы к Вам в Сибирь. Надеюсь там они не остались бы без помощи. Варя тоже почему-то не отвечает. Неужели и она куда-нибудь уехала. Эта неизвестность очень угнетает. На фронте нахожусь уже более месяца. Привык. Свист снарядов и разрывы шрапнелей слушаю уже не приседаю. Даже могу крепко спать под грохот артиллерийской канонады. Вот сейчас расположились в лесу. Где-то совсем рядом начал работать пулемет и это не производит никакого впечатления. 5 дней я был в окружении у немцев. С боями пробилась к своим частям. Остался цел и невредим. Впечатлений масса. Если буду жив напишу книгу «Заметки о войне».

Как живете вы, сибиряки? У вас глубокий тыл. Я очень жалею, что семья уехала из Сибири. Если бы они были в Сибири я был бы спокоен за них. А сейчас мысль о семье, о том в каком положении они находятся не дает покоя.

На фронте я политбоец, парторг роты, чл. партбюро части.

Ну пока все. Жду от тебя письмо. Привет Рае и всему твоему семейству.

Николай

Мой адрес

Полевая почтовая станция № 14.

415 О.Б.С. к/шестовая рота⁴

и мне.

12/VIII-41 г.

Действующая

армия.

Здравствуй дорогой дружище!⁵

Вчера получил от тебя сразу два письма и был несказанно рад. Ты даже представить не можешь каким праздником являются для нас письма из дома и от друзей, особенно для меня и от такого друга как ты. На днях я получил первые письма от Вари и посылку от работников издательства⁶, т<ак> ч<то> теперь спокоен за семью, зная что она далеко от линии фронта и близко от моих друзей⁷.

Пошел третий месяц, как я на фронте. По богатству впечатлений эти два месяца равны годам. На фронт я пошел добровольцем по призыву ЦК (отказался от брони, которую мне вручили в первый день войны). Уверен, что ты поступил бы точно так же, если бы не твои легкие. С таким здоровьем как твое здесь долго не протянешь. Сейчас идут почти непрерывные дожди и стоят холодные, свойственные для Ленинградской

² Письмо в конверте. Адрес на конверте: «г. Новосибирск. Редакция журнала “Сибирские огни”, тов. Кожевникову С. Е.». Письмо на тетрадном листке, написано карандашом. В верхнем левом углу синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) продублирована дата: «12 авг. 41 г.».

³ Здесь и далее в этом письме подчеркивания сделаны синими чернилами, вероятно, С. Кожевниковым.

⁴ Кабельно-шестовая рота — формирование войск связи, занимающееся созданием и поддержанием в рабочем состоянии временных воздушных кабельно-шестовых линий связи.

⁵ Письмо в конверте. Адрес на конверте: «г. Новосибирск. Красный проспект № 22, кв. 26. Кожевникову С. Е.». Письмо на тетрадном листке, написано карандашом. Вверху синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) подписано: «п/л 9 сент. 41 г.» и «Получил 23 сент. 41 г.».

⁶ Очевидно, речь об издательстве «Сельхозгиз», которым руководил Н. Шешенин.

⁷ Жена Шешенина, Варвара, в июле 1941 г. отправила детей из Москвы в Омск. Саму ее вместе с Министерством (тогда — Народным комиссариатом) путей сообщения, где она работала, эвакуировали в сентябре 1941 г. в Куйбышев. Она добилась разрешения перенаправить ее в Омск, к семье.

области, туманы. Я уже приспособился к этой погоде. Хорошие траншеи и хорошая плащ-палатка предохраняют от простуды (но только здоровый организм, а не такой как твой).

За два месяца я многое видел, многое испытал и несмотря ни на что остаюсь жив и здоров. Обо мне говорят, что я должно-быть «родился в рубашке».

Выполняя одно боевое задание я оказался во вражеском окружении. (В этом бою я командовал взводом.) Было два выхода — сдаться в плен или же с боями прорываться к своим частям. Ты, конечно, понимаешь что о сдаче в плен у меня не могло быть и мысли и если она возникала у кого-либо из бойцов мы ее клеймили как проявление позорной трусости.

Было принято решение биться до последнего и сохранить по одной гранате, чтобы в случае безвыходного положения взорвать эти последние гранаты, не снимая их с пояса. Пять дней мы находились в немецких тылах и только к концу шестого дня прорвались к своим. Три дня ни я ни бойцы не имели во рту ни крошки хлеба или еще чего либо кроме травы и ягод. Пробирались лесами и болотами. Если останусь жив я обязательно напишу об этом походе книгу.

Собственными глазами я видел села и города, которые выжжены немцами до тла, я видел женщин и стариков поседевших от горя. Трудно подобрать слова, которыми можно было бы выразить всю ненависть к варварам которые вторглись в нашу страну, жгут наши села и города, калечат наших женщин. Я видел этих женщин. Хотелось сказать им тысячу самых ласковых, самых задушевных слов. Думаю что в тылу вы встретите их как самых родных и близких.

Два месяца я на войне. Фронтовая жизнь полна суровых неожиданностей. Она нелегкая. Опасность здесь подстерегает всюду. Но не было ни одной такой минуты, когда бы я пожалел о том, что ушел на фронт добровольцем. Свой долг коммуниста, долг гражданина своей страны я выполняю до конца — или вернусь после окончательной победы над врагом или не вернусь совсем.

Пока до свидания. Писать много не позволяет обстановка. Привет Рае и всему моему семейству. Пиши мне если можно чаще. Николай.

8/9-41. Д. А. Полевая почта № 14
415 ОБС.

Здравствуй Савва!⁸

После долгого перерыва получил от тебя письмо, чему очень рад. Мысленно я на минуту перенесся в Ново-сибирск (так в тексте. — Ред.) пошел с тобой в театр, затем пришли выпили, поздравили Раю с дочкой и, как обычно, говорили до утра. Но это только в мыслях. Суровая действительность ежеминутно напоминает о себе. Правда я уже привык к фронтовой обстановке и то, что в начале казалось трудным сейчас не замечаешь. На днях я выезжал в городок, который находится к<и>л<о>м<етрах> в 60 от фронта. Провел там двое суток. Спал в теплой постели и даже разутым. Ночью был налет немецких самолетов и хозяева были удивлены, что я даже не встал с постели. А первое время я вздрагивал от каждого взрыва. Был такой случай: на второй же день нашего прибытия на фронт, вернее по пути к передовым позициям нас — группу коммунистов человек 100—120 встретили прорвавшиеся фашистские танки. Я лежал на кладбище между могильных холмов под проливным пулеметным огнем и мне казалось, что все пули летят именно в меня. А потом пошли в атаку на танки с одними винтовками и выгнали их из села. Это можно объяснить только тем, что фашисты растерялись и, вероятно, решили что это регулярная часть вооруженная гранатами и пулеметами. У нас же

⁸ Письмо в конверте. Адрес на конверте: «г. Новосибирск. Кр. проспект, 22, кв. 26. Кожевникову С. Е.». Письмо на тетрадном листке, написано карандашом. В верхнем левом углу синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) продублирована дата: «7 окт. 41 г.».

кроме винтовок ничего не было. Это было первое мое боевое крещение. Вскоре после этого я попал под минометный огонь. Немцы часто стреляют минами, которые рвутся в воздухе и при этом очень оглушительно, хотя вреда большого не приносят. Вместо того чтобы спрятаться в складках местности я залег вместе с другими необстрелянными бойцами в рожь, которая никаким укрытием не может быть. Вот так проходил я науку войны, самую суровую из всех наук.

Сейчас я нахожусь на другом, более спокойном участке фронта. Занимаем оборону у исторической реки. Иногда кажется, что вот-вот, перекрывая залпы орудий, из-за реки донесется призывный гул вечного колокола. Но город в руках врага, который надругался над историческими памятниками. Не раз противник пытался форсировать реку, но всякий раз был вынужден отойти — наш клин держится уже более месяца⁹. На острие этого клина находится наша часть. Думаю, что скоро от обороны перейдем к наступлению.

Я назначен начальником полевого клуба части. Это очень оригинальный «клуб» помещается он под землей в блиндажах. По вечерам играют патефоны, боянисты, гитаристы и даже певцы выступают — проводятся беседы. Газеты нам доставляют на самолете на второй день после их выхода в Москве. Посетители клуба ни на минуту не оставляют оружия. Команда — «В ружье» — и все в том числе и нач. клуба — в окопах. Но даже наши скромные развлечения доставляют огромное удовольствие и я принимаю все меры к тому, чтобы бойцам доставить это развлечение. Вот сейчас рядом со мной сидит быв. секретарь парткома Мариинского театра оперы и балета и просит сообщить тебе, что он сегодня такую арию закатит перед которой побледнеет спектакль «Александринки». Но это он «сочиняет», голосишка у него паршивый. Единственно, что он умеет хорошо делать так это материться. Даже немцы падают в обморок от его мата. (Прочитал ему это, а он обиделся). Ребята здесь замечательные, живем дружно, и в случае опасности друг друга не подведем. А материться и я научился. Да и как не научиться: недавно мы сидели за обедом (столовая в лесу, стол из фанерки) и вдруг он начал поливать из пулемета, мы под стол и опрокинули все котелки. Как тут не материться. Но грубость эта только внешняя. Мне пришлось видеть человека заслуженного и очень волевого, который плакал, когда оставляли город, обычный советский город в котором до того он никогда не бывал. Плакал не от слабости а от большого и святого чувства — ненависти¹⁰ к врагу. Каждая такая слеза — это больше чем капля крови.

Внешне мы чуть-чуть огрубели, но за этой внешней грубоватостью легко увидеть и почувствовать настоящее человеческое благородство, готовность к самопожертвованию

Николай ПЕРЕВАЛОВ

Перед боем

Ждем. Не спим. Окопы роем
от реки в пяти шагах.
Тихо-тихо перед боем
на обоих берегах.

И налево, и направо
незаметная возня,
а луна у переправы —
свет ничейного огня.

За ракетой ракета
загорается, дрожа.
Осторожный немец где-то
смотрит в ночь из блиндажа.

Он стволом поводит, немец,
впившись в тонкое цевье,
на прицеле держит немец
сердце гневное мое.

Но привычно другом верным
мой приклад пристыл к плечу —
нынче я ударю первым,
я ведь жить еще хочу.

Ах, затишье перед боем,
не баюкай, не морочь.
Нынче криком, свистом, воем
разразится эта ночь.

И клочущую лавой,
все круша перед собой,
с лету бросится на правый
левый берег огневой.

(Публикуется по: Сибирские огни, 1966, № 5.)

⁹ Подчеркнуто синими чернилами; вероятно, С. Кожевниковым.

¹⁰ Подчеркнуто самим Н. Шешениным.

нию во имя родины. Родина для нас не абстрактное понятие — это каждый город, каждое село, каждая рощица и пригорок за которые приходится драться. На одном из участков наши части выбили врага из сел которые были заняты немцами. Нужно было видеть как встретили нас колхозницы, чтобы получить такое живое представление о родине, которое никогда не забудется. Когда мы были в окружении колхозницы приносили нам кринку молока или огурцы рискуя собственной жизнью. Одна картина надолго останется в памяти. Мы отступали и проходили через одну маленькую но очень уютную деревеньку. Прочные домики с крыльчками под навесом, полисадники, огороды и во всей деревне ни души, только на одном крыльце жалобно мяукал котенок. Один связист сошел с коня бережно взял котенка и увез его с собой (говорят что этот котенок долго жил при части).

Теперь несколько слов о своем житье-бытье. Помещаюсь я в блиндаже при «клубе», смастерил себе койку из осиновых жердочек, вырыл печку и, как говорят устроился на славу. Стоит холодная осень, но в блиндажах тепло. Если бы зимой можно было жить в таких землянках, то никакого холода не почувствовал бы. Но на это мы не рассчитываем. Зимой будем наступать и наступать, согреваясь только чувством удовлетворенной мести.

Ты пишешь о возможности моей смерти. Эта возможность не исключена. Но я почему-то уверен в том, что мы еще увидимся и отпразднуем победу. Так что, как говорится в песенке — «в бокалах вино приготовь: мы выпьем за встречу, мы выпьем за радость, мы выпьем, мой друг, за любовь».

Горячо, горячо поздравь от моего имени Раю с наследницей или наследником. А так как это событие подготовлено не без твоего участия то и ты прими от меня дружеское поздравление. Если будет дочь назовите ее самым мирным и ласковым именем и пусть в жизни ей сопутствует мое горячее пожелание прочного счастья. А если сын? Пусть он тоже получит нежное имя, и пусть так же любит свою страну, как любили его предшественники. Передай привет сыновьям, воспитай в них органическую ненависть к фашизму. Эту ненависть я завещаю своим детям, как самое важное наследство. Я очень много пишу о ненависти. Это объясняется тем, что я собственными глазами видел дело рук гитлеровских молодчиков. Если я встречу с кем-нибудь из них один — придушу как пса. Я никогда не был кровожадным, а по отношению к ним даже к раненым у меня нет чувства жалости.

Ну пока все.

7.10-41. Крепко, крепко жму твою руку.

Жду от тебя писем.

Адрес у меня изменился. Надо писать так: Действ. Армия
полевая почта № 790
415 ОБС

Николай

9/11-41.

Здравствуй, Савва!¹¹

Встретил 24-ю годовщину октября и свой 4-хмесячный юбилей фронтовой жизни. 7 ноября собралось нас несколько человек в одной из землянок вспоминали, как мы отмечали этот день в прошлом, вспоминали друзей, родных и знакомых.

Прошел уже месяц, как я получил от тебя последнее письмо. От Вари тоже не получаю писем более месяца. Почта работает отвратительно. Я сейчас нахожусь в части где много моих земляков, некоторые из них знают тебя. На днях в приказе по части мне объявлена благодарность.

Ну пока все. Жду твоих писем.

Здравствуй Савва!¹²

Более двух месяцев не получаю от тебя писем. Не знаю, чем это объяснить. А очень бы хотелось получить от тебя хоть пару строк.

Владимир МАМАЕВ

* * *

Писать бы нынче о весне,
Да вот беда, не пишется.
Опять я там, на той войне,
Под деревенькой Лышица.
Живой ли, мертвый —

не понять,

Накрыло миной-шанежкой.
И чудится мне, будто мать
Тихонько кличет:

«Ванюшка...»

И голос трепетный, грудной
Журчит, как заклинание:
«Вставай, Иванушка, родной!
Вставай, ты только раненый».
Но мне не сдвинуться,

не встать,

Земля сырая, липкая...
И надо мной Россия-мать
Качает дымку зыбкую.

(Публикуется по: Мамаев В. Осенний свет:
стихи. — Кемерово, 1985.)

¹¹ Почтовая карточка. Адрес получателя: «г. Новосибирск. "Совсибирь". Областное отделение ТАСС. Кожевникову С. Е.». Написано карандашом. В верхнем левом углу, рядом с датой, указанной самим Шешениным, синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) продублировано: «9 нояб. 41 г.».

¹² Почтовая карточка. Адрес получателя: «г. Новосибирск. Обл. ТАСС. Кожевникову С. Е.». Написано карандашом. В верхнем левом углу синими чернилами (вероятно, С. Кожевниковым) указана дата отправления письма (по штемпельному оттиску): «15 XII».

Я скоро отпраздную полугодичный юбилей пребывания на фронте. Полгода в обычной обстановке проходят незаметно. Но эти полгода так богаты событиями, что равны многим годам.

Воспользовался некоторой передышкой в отряде и написал одноактную пьесу «Связисты», которая уже шла в нашей части в клубе-блиндаже. Настроение у нас сейчас приподнятое бьем немцев и уже выбили их из нескольких населенных пунктов. Выглядят они сейчас скверно. Грязные, вшивые у некоторых даже нижнего белья нет.

Ну пока все. Жду письмо. Ник.

Здравствуй Савва!¹³

Сегодня получил от тебя письмо и спешу ответить. На днях от тебя была получена открытка, над которой я от души посмеялся. Ты просишь бросить от твоего имени в немцев самую смертоносную «бомбу». Дело в том, что бросают только гранаты, а бомбы это совсем другое. Если их и бросают, то только с самолетов. А я не летчик, а связист. Трехлинейной винтовки у меня нет, а есть наган, гранаты, автомат-пистолет. Я сейчас уже не политбоец, а командир. По-прежнему жив, здоров и жизнерадостен. Ни на минуту не сомневался и не сомневаюсь в нашей победе. Живем в блиндажах (утепленных), одеты великолепно. Вот сейчас на дворе мороз 38 гр<адусов> и это нас ничуть не пугает. Часть наша располагается в лесу. Лес сказочно красив. Ветви елей и сосен покрыты шапками снега. Блиндажи, окопы и ходы сообщений тоже покрыты снегом. Сейчас на нашем участке тихо. Но тишина эта особенная, не обычная, по-военному строгая и напряженная. Достаточно короткой команды и здесь начнется оглушительный грохот. Все звуки войны сольются в один сплошной гул. На нашем участке, как и на других, сейчас инициатива полностью находится в наших руках. За это время заняли несколько населенных пунктов. Особенно быстро вперед не двигаемся, потому что мы и так глубоко вклинились в районы занятые противником.

Уверен, что будущий Новый год мы встретим вместе и поднимем наш тост за свершившийся полный разгром немецких захватчиков. Ты пишешь что настроение в тылах боевое. Мы в этом уверены и ощущаем это каждодневно. Если бы ты видел, как хорошо и тепло одела страна своих бойцов! Мы ни в чем не нуждаемся — ни в одежде, ни в пище.

От Вари последние дни я получаю много писем. В один день получил сразу 16 писем, а до этого целых два м<еся>ца не имел ни строчки.

Общих наших знакомых со мною здесь нет, хотя земляков очень много. Некоторые из них знали раньше меня и тебя (читали и даже видели), но я их не знал.

За это время я написал одноактную пьесу «Связисты». Она уже шла в нашей части в клубе-землянке, а также была показана командованию армии. На днях я ее смогу послать тебе. В день своего рождения я пошлю тебе большое письмо. Ведь мне скоро стукнет 35 лет.

А пока до свидания (надеюсь до скорого)

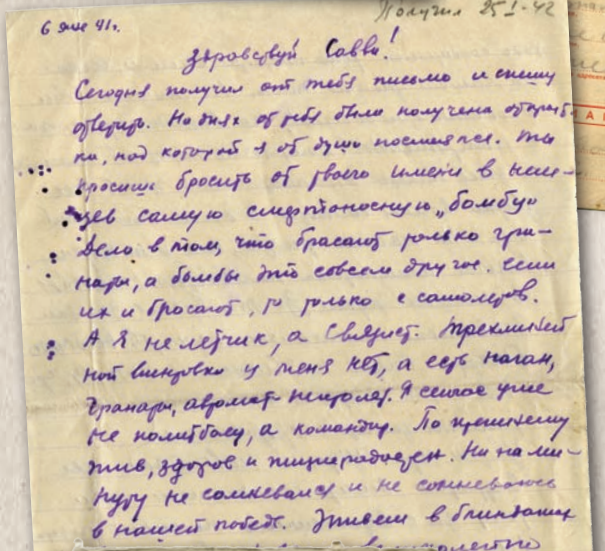
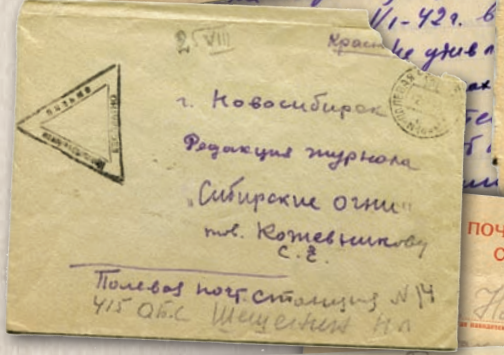
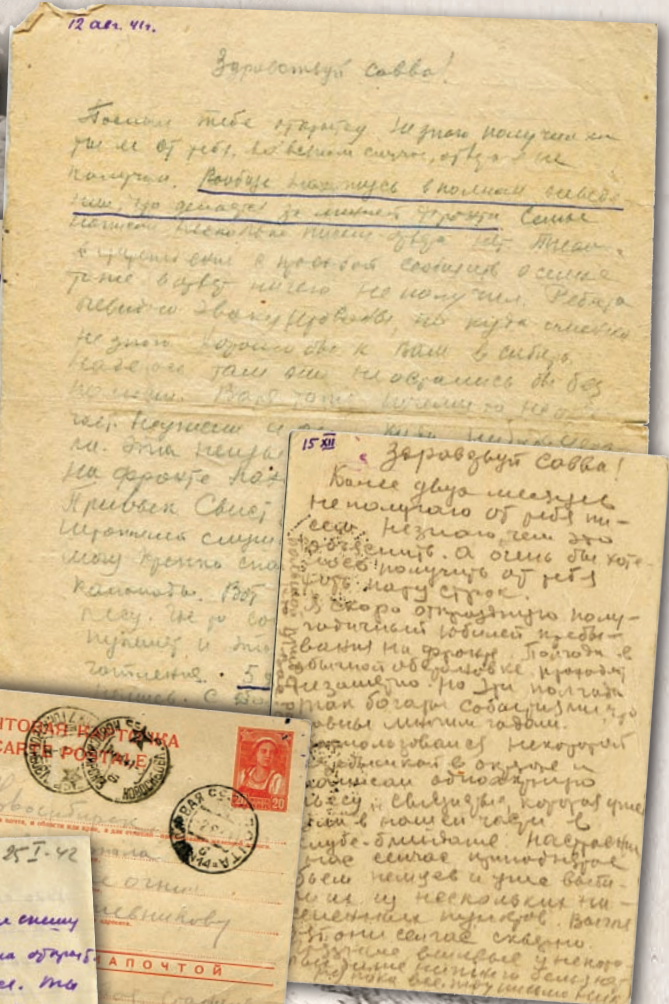
большой, большой и горячий привет Рае и сыновьям. <...>

6/1. 42

Посылаю тебе свою фотокарточку. Снимал наш фотолобитель политрук Лунин (?). Вместе со мною снят москвич тоже доброволец ст. политрук Ефремов. Снимались 1/1-42 г. в лесу около своего блиндажа. Не удивляйся, что мы в одних гимнастерках. Под гимнастерками меховые жилеты и теплое байковое белье. Только кудри вот больше уж не вьются и седин прибавилось. Николай.

¹³ Письмо в конверте. Заказное. Адрес на конверте: «г. Новосибирск. Обл. отд. ТАСС. Кожевникову С. Е.». Письмо на тетрадном листке, написано синими чернилами. Вверху (вероятно, С. Кожевниковым) подписано: «6 янв. 41 г.» и «Получил 25 I-42 г.». В первой дате ошибка: письмо отправлено 6 января 1942 года.

«О письма фронтовые грозных лет – Бесценной документов в мире нет!..»

Письма Н. Шешенина С. Кожевникову.
Архив Саввы Кожевникова. Городской Центр истории
Новосибирской книги им. Н. П. Литвинова

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

СИБИРСКИЕ ОГНИ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ СИБИРЯКОВ-ФРОНТОВИКОВ. ЯНВАРЬ 1944 г.

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Воинам-сибирякам

От лесов и гор и пашен
На передний край
Наш привет гвардейцам нашим,
Песни, передай.
Земляки, друзья, мы с вами,
Душами с вас.
С вами сердцем и делами
Нам свой день и час.
В сибирских долинах, над камнем,
Мои листы и слезы —
Песни грозные, сверкающие
Стану боевые.
Звонит снова боевая,
Вперед на стволы...
Ваша доблесть оживает
В молодых полях.
Из тайги, с алтайских склонов
Вдоль стальных дорог
Земляки, земляки —
Грозный поток.
В бой решительный и правый
Шлет Сибирь полки,
Чтоб на маршах вечной славы,
Ваша, земляки!
Над Кузбассом черной вышкой
С раннего утра
Из забоев — уголь, уголь
Левой из-гора.
Над Кузнецким зори встали
Лето и опок.
Глыбы стали, струи стали —
Огненный поток.
Горняком и сталелетарем
Фронтовой заваз.
Говорит у домен с жаром,
Земляки, о нас...
А еще — леса и горы,
Пальцы рудой.
Уральскими просторами —
А еще — озор соевых
Золотые дни,
А еще — стада на склонах
Уральских руд.
А еще — обская слава
Дев патристических —
Архипелаг ласки-ласки.
Серебра пугин.
— Все, чем край богат и славы
Добыто трудом.
Земляки, мы с вами, с вами,
На врага идем!
Под шатром тьмы, в полесье
Под мочной звездой
И сам пятит пышовой песней
Горло выскочит.
На песках, в росистых травах,
У костров в ночи —
Всегда ходит ваша слава,
Песенка звучит.
В бой идет за вами следом
Наш горный труд.
Зори сталинской победы
Над землей вставят.

«Возвращайтесь с любовью» Картина Перезина

Наш город

Над городом нашим не гаснут зарницы,
И хвойные ветры летят вьюжики.
На запад плут позолоты веревки,
На север дымлют по Оби корабки.
Наш город высокий, он крепко и молод,
Сибирская ширь и лес и снег и вода.
Ночью вьюхой и дурманом горю,
Где нежность сурова и дружба ширя.
На фронт за ухватом, в дорогу за
далашино,
Но верит его вьюхолое саму,
Что вечером шумом на вьюху Сталова
Должны гни встретиться после войны,
Чтоб вспомнить, как в амуле,
бурьяны и стужу
В суровых глубинах и в горной шале
Мы строгим город, ковалы оружье
И с городом вместе мушкетер, росла.
Пролетит ли по светлым, высоким
кавыралим,
В зеленых тених ирландских лавок —
Принимается лесом, слезает усталость,
И станет на сердце теплей, веселей.

Дары родного края

Ушли из войны лучшие люди — сызмальца, сибиряки идут на запад, просят
смысла, стойкости, мужественности. Ушли. Каждая такая весть воздушная
бьет по сердцу нещадно. Ушли рыцари и рыцарей тыла на восток, турбулентно
бегущие, сиюминутно за войну, куда-то. И там, что для уральцев не
битки. Ушли друзья на работу, товарищи зонах с широкими и боевыми
на плечи, пытаясь на высоте и рыцарей, пытаясь, пытаясь.

S 891
C-341

СИБИРСКИЕ ОГНИ

5

S 82-8
O-381

Огневые
ДНИ

НОВОСИБИРСК

«Наша девушка» Картина О. Шеремитинской

В 1941 году успели увидеть свет только три номера «Сибирских огней» — Великая Отечественная война нарушила и не могла не нарушить стройный ход журнальной работы. Многие писатели ушли на фронт. Но уже в 1942 году редакция подготовила два литературных сборника, две небольшие книги под названием «Огневые дни». А с 1943 года возобновился выпуск старейшего литературно-публицистического периодического издания под прежним, привычным названием.

За военный период из-под печатного станка вышло всего шесть книжек журнала. Однако, помимо них, издавались в то время еще и специальные выпуски «Сибирских огней» для читателей-фронтовиков. Эти выпуски отправлялись на фронт с делегациями, отвозившими солдатам подарки, и, как можно судить по отзывам, по письмам, поступавшим в Новосибирское отделение Союза писателей, пользовались там огромной популярностью, зачитывались буквально до дыр. «Весть о получении выпуска «Сибирских огней» облетает всех, и на чтение его устанавливается очередь», — сообщает один из бойцов.

Несмотря на военные годы, в Новосибирске издавалось большое число книг. И это не только брошюры прикладного характера, посвященные решению каких-то вопросов в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и образования в трудное для страны время, немало было художественной и публицистической литературы. Стихи, рассказы, очерки местных писателей выходили отдельными книжечками, публиковались в сборниках. Быть может, произведения сибиряков не были отточены до совершенства, не обладали высокой эстетической ценностью, но они нужны были тогда людям. Тиражи этих книг, напечатанных порой наскоро, на плохой бумаге, были весьма и весьма значительными.

Одни только названия, вынесенные на обложку, говорят нам теперь о многом...

На развороте: Иллюстрации из фондов Городского Центра истории Новосибирской книги им. Н. П. Литвинова и из цифровой коллекции «Издано в Новосибирске (1941—1945)» Новосибирской государственной областной научной библиотеки

«Снежные призраки» — так во время войны немцы называли советских лыжников. Они появлялись внезапно и всегда там, где враг меньше всего ожидал.

Осенью 1942 года в Сибири сформировали три лыжные бригады: 28-ю Алтайскую, 29-ю Новосибирскую и 30-ю Омскую. Солдаты 29-й бригады — 2 986 человек — проходили подготовку в Барабинском районе Новосибирской области и уже в январе 1943 года были отправлены на фронт. Сражались с фашистами в Брянской, Курской, Орловской областях, а также на Украине. В живых остались единицы.

3 мая 2020 года на канале «Россия-24», на сайте снежныепризраки.рф и вестинск.рф состоялась премьера документально-художественного фильма «Снежные призраки» — ленты, повествующей о боевом пути 29-й Новосибирской отдельной лыжной бригады.

Фильм создавали на студии «НовосибирскТелефильм» совместно с ГТРК «Новосибирск». Автор сценария — журналист Татьяна Моноенко, режиссер — Андрей Аффрин. Проект был поддержан полномочным представителем Президента РФ в СФО Сергеем Меняйло, губернатором Новосибирской области Андреем Травниковым, министерством культуры НСО и Министерством обороны РФ. До этого о подвиге сибиряков было практически ничего не известно, авторы киноленты проделали огромную работу: нашли родственников бойцов, записали интервью с известными российскими историками, с очевидцами тех или иных давно минувших событий, побывали в местах ожесточенных боев... Съемки проходили в Новосибирске, Барабинске, Москве, Брянске, Севске, Юрге. А еще авторы фильма провели уникальный социальный эксперимент: 10 добровольцев на сутки поместили в те же условия, в каких находились солдаты 29-й Новосибирской бригады во время тренировок.

О результатах этого эксперимента и, конечно же, о создателях, консультантах фильма, актерском составе и многом-многом другом можно узнать на сайте снежныепризраки.рф. И там же, если вы пропустили премьеру, можно посмотреть сам фильм.

Фотографии со съемок фильма «Снежные призраки»

Они должны идти победным строем в любые времена...

На развороте:
«Бессмертный полк», Новосибирск.
Фотографии Е. Иванова

* * *

На холме, над широкой рекою,
Где связались дороги-пути,
После долгого-долгого боя
Удалось вам покой обрести:

Грозный беркут и непобедимый,
Сталь и пламя прошедший пилот,
Что парил над землею родимой,
Защищая страну и народ.

Будут весны светлее и краше!
Ради подвига прежних времен
Разнесутся победные марши
И пасхальный раскатится звон!

Год за годом живые букеты
Окружать будут Славы престол,
Где на площадь Великой Победы
Приземлился России орел.

Владимир БЕРЯЗЕВ

НЕБО ВОЙНЫ

*Повесть фронтовых лет**

После ужина все окружили Лукашевича. Он показывал простреленные полы реглана и, смеясь, рассказывал, как выпрыгнул из самолета («Миг» попал в штопор, а высоты не хватало вывести самолет из штопора) и как приземлился почти рядом с немецким летчиком со сбитого «Мессера». Наши пехотинцы, преследуя немецкого летчика, стреляли по нему и по Лукашевичу тоже. Пока не услышали русскую речь.

— Вот вам еще один живой пример полета тройкой! — не сдержал я своего возмущения. — Летишь, а тебя сопровождают, словно телохранители. В конце концов, я же не комдив, чтобы меня так охранять! Дайте мне и каждому такую свободу в строю, чтобы я своими разворотами не заставлял одного выбрасываться на парашюте, а другого уходить черт знает куда!

— Спокойно, Покрышкин! Расшумелся, как самовар. Сегодня тройкой летали последний раз, — Виктор Петрович произнес это решительно, как приговор, и направился к выходу.

В общезнании на своей подушке я увидел треугольничек. Первое за время войны письмо из Новосибирска. Маленький треугольничек проделал огромный путь и нашел меня у западной границы. Значит, там, в тылу, порядок. Об этом хотелось сказать вслух, всем. Письмецо воспринималось как что-то живое, заботливо переданное мне сотнями рук, прикасавшимися к нему.

«Во первых строках» Мария писала, что пришло извещение о нашем младшем брате Петре, пропавшем на северном фронте без вести. Я прочел эти строки и вспомнил Петьку, малыша, затем подростка, волевого, сильного паренька. Где и как принял его земля? В плен Петр не сдастся никогда! Я в этом был уверен. Вот уже война и забрала одного из нашей семьи. Нас было еще трое: двое на фронте, третий подрастает, идет по моим стопам. Дождется ли мать кого-нибудь из нас после войны?.. Далее Мария писала, что ее муж, Павел, тоже ушел на фронт, перечисляла двоюродных братьев, надевших солдатскую форму. «Деньги от тебя пришли, мама и я шлем спасибо». Хорошо, что получили от меня подмогу. Приятно было сознавать это.

Решил завтра же утром, как только привезут к самолету, там, под крылом, написать домой весточку.

На рассвете, под грохот артиллерии, надвигавшейся на Котовск со стороны Балты, наш полк поднялся с аэродрома и спешно перебазировался в юго-восточном направлении, на Березовку.

Так началось отступление.

* Орывок. Публикуется по: Сибирские огни, 1964, № 12. Полный текст повести напечатан в №№ 11, 12 за 1964 год, №№ 1, 2, 5 за 1965 год.

А. И. Покрышкин, декабрь 1941 г.

* * *

Летное поле под Березовкой находилось у самой дороги. Здесь я впервые увидел и почувствовал ужасы войны, увидел, как она всколыхнула народ, как глубоко нарушила нашу жизнь. Пока мы стояли недалеко от границы, мы почти не видели беженцев, отступающих солдат.

А у этой дороги...

Медленно ползут повозки, запряженные лошадьми, волами. На повозках домашняя утварь, старики, женщины, дети, измученные, опаленные солнцем, серые от пыли. Кто-то натянул над собой цыганский шатер, выглядывают из шатра детские лица.

Табуны лошадей, стада скота, перемешиваясь, разбегаются по дороге. Пыль движется тучей, окутывает все. Тракторы тащат комбайны. Гудят, требуют проезда автомашины.

Стоим, углубившись в лесополосу, чтобы не так обдавало пылью, смотрим на эту печальную реку.

Идут бойцы, раненые и здоровые, в ботинках и обмотках, в потных гимнастерках, без винтовок. Скатка шинели и котелок на ремне,

тощий за плечами вещевой мешок, в кармане или за обмоткой ложка.

Подступаем ближе, заговариваем:

- Почему вы без оружия?
- Нет оружия.
- Как так?
- Не выдали. Говорят — не хватает.
- Подберем у убитых — будет.

Горько слышать и видеть все это. Вспоминаются страницы «Войны и мира», фильмы о гражданской войне. И приходят мысли о большом терпении народа, о могучей силе нашей страны, которая еще не всколыхнулась вся, не вздыбилась яростью.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Напев этой песни словно слышится в гуле, который стоит над пыльной дорогой.

— Ракета!

От КП взлетела одна, другая ракеты. Мы бежим к самолетам. За деревьями дробится огненно-красный диск заходящего солнца. А может быть, там что-то горит? Несколько «Мигов» поднимаются в воздух и сразу же ввязываются в бой.

Вокруг «Юнкерсов» целая стая «Мессершмиттов».

Любой ценой надо пробиться к «Юнкерсам» — не дать бомбить дорогу: там же дети, женщины. Мы атакуем бомбардировщиков, заставляем их сбросить бомбы в поле.

Силеверстов бросается напролом к ведущему группы «Юнкерсов» — на него тотчас наваливаются два «Мессершмитта». Из наших никто не успел поддержать Силеверстова. Мы преследуем уходящую группу, оглядываясь на него. Самолет Силеверстова уже тащит за собой черный шлейф дыма. Вот выбросился летчик, «Миг» продолжает свой последний полет без человека.

Со злостью смотрим на запад, куда ушли «Мессеры». Завтра их снова надо ждать над нашим аэродромом. Они видели, откуда мы взлетели.

Силеверстова привезла в полк колхозная машина. Он оставил свой самолет вовремя. Мы судим об этом по его одежде: одна пола реглана подгорела и высоко подпернулась, сапоги и перчатки порыжели. Чуть задержался бы, везли бы его в госпиталь, а не в часть.

После ужина в центре круга — Силеверстов. Кое-кто, смеясь, пытается оттянуть полу реглана.

— Довольно развлекаться, — выдергивает полу Силеверстов. — Завтра получу новенький.

— Не быстро ли? Походишь за командиром БАО*, — замечает Фигичев.

— А что же я буду позориться в этой шкуре?

— Он тебе напомнит о сроках носки.

— Старая песня!..

Утром, сразу после завтрака, объявили приказ: готовиться к перелету. Наша новая база — Тузлы.

У КП столпились летчики: Никандрч выдает карты. На них один угол голубой. Море! Такого на наших картах пока не было.

Разложив карту, я склонился над ней в поисках Тузлов и замечтался. Море на карте напомнило мне об одном чудесном человеке — летчике, с которым я встретился в доме отдыха, в Хосте. Давно я ничего не слышал о нем. Если бы он сейчас узнал, что я стал истребителем и сражаюсь с врагами на фронте, он был бы рад. Встретимся ли мы когда-нибудь?

Виктор Петрович рассказывает о Тузлах. Он летал туда. С его слов можно понять, что там, под Николаевым, спокойно, как в глубоком тылу. Тузлы представляются нам сказочным приморским уголком, далекой обетованной землей. Они и в самом деле что-то совершенно отличное от того, что нам приходилось видеть до сих пор на войне. Море! Черное море...

* * *

Аэродром в Тузлах был основательно подготовлен к нашему перелету и, видимо, предназначался для продолжительного базирования полка. Склады, капониры для самолетов, почти незаметные снаружи землянки КП. А главной его прелестью была равнина на все четыре стороны, какой мы давно не видели. Она делала аэродром широко открытым для обозрения зенита, удобным для посадки.

Близился вечер. Летчики оставляли стоянки, собирались у штаба. Поговаривали о поездке к морю — оно было в нескольких километрах; ждали, что скажет командир полка о завтрашней боевой работе.

— Покрышкин! — вдруг услышал я.

Иван ВЕТЛУГИН

Стежки-дорожки

Стоит у землянки комбатowski «Виллис». Обеденный час. Остывает мотор. Бойцы подошли, у машины столпились: — Включай же приемник, шофер! — Включай же скорее!..

И, крылья раскинув, нарушив течение строгого дня, вдруг вырвалась песня из тесной кабины, качнула, легко подхватила меня.

Позарастили
стежки-дорожки,
где проходили
милого ножки...

Не знаю, откуда была передача,
чье сердце грустило, кто песенку пел,
я верил, что ты ее пела... Иначе
и думать не мог я. Не мог. Не хотел.

Ходил в штыковую, бывал под бомбежкой,
но сердце сберег я, и память жива.
Мы снова протопчем те стежки-дорожки,
где выросли мох и трава-мурава.

(Публикуется по: Уходил на войну сибиряк: стихи поэтов-сибиряков о Великой Отеч. войне. — Иркутск, 1985.)

* БАО — батальон аэродромного обслуживания. (Прим. ред.)

Юрий ГОРДИЕНКО**Снегурка***(Из фронтовых тетрадей)*

— Под этой метельною темью
В два счета собьешься с пути!
— Где здесь поворот на Хотемлю?
Как тут на Хотемлю пройти?

...Заснеженный гравий покатый
Колесами пушек измят.
Идут пехотинцы на Запад,
И танки на Запад гремят.

Мелькает полковничья бурка,
Пугливые кони храпят...
Стоит у распутья Снегурка
В солдатской шинели до пят.

Мороз опушил ей ресницы,
Лежит на погонах снежок.
Водителям всем и возницам
Знаком ее красный флажок.

Стоит она ночью тревожной
Почти на виду у врагов,
Снегурка из роты дорожной,
Курносовая фея снегов.

Палатка ей служит светлицей,
К лицу ей крещенский мороз.
Стоит с фонарем, не боится
Ни тьмы, ни огня, ни колес.

С пехотой шутит по-свойски,
Красивые не ломит бровей,
Но целое русское войско
В пути повинуется ей.

Хотемля, Западный фронт, 1944 г.

(Публикуется по: Сибирские огни, 1958, № 4.)

Кто-то звал меня вниз.

По крутым ступенькам спустился в землянку и в полутьме почти натолкнулся на девушку. Она стояла у самых дверей, возле телефонного аппарата. Я остановился. В нашем штабе девушек мы никогда не видели, да еще в военной форме. Я засмотрелся на нее, она отступила в сторону, чтобы дать мне пройти, и улыбнулась.

В землянку быстро входил еще кто-то. Фигичев. Он натолкнулся на меня.

— Знакомимся? — Фигичев остановился рядом со мной.

— Да нет, еще не успел, — ответил я, поглядывая то на девушку, то на командира полка.

— Все ясно! — Виктор Петрович подошел к нам. — Теперь вы, орлы, будете каждый раз задерживаться у дверей. В полк прислали группу девушек-связисток. Ну, знакомьтесь с нашей телефонисткой.

Фигичев первым протянул руку:

— Валентин.

— Валя, — ответила она.

Все засмеялись.

В землянке нас уже стояло человек пять, окружив девушку и Виктора Петровича. Фигичев теперь был командиром нашей эскадрильи. Он отличался кавалерским, бравым видом, и все, кто присутствовал в этот момент здесь, поняли, что такую девушку наш комэска не уступит никому.

Когда час спустя в светлых сумерках летчики один за другим садились в кузов машины, чтобы поехать к морю, Фигичев что-то сказал шоферу и шмыгнул в землянку. Машина, уже заполненная, кого-то ждала. Оказывается, Фигичева. Он вскочил в кабину, и мы двинулись к морю.

* * *

Песчаная отмель блестит при луне, как сама вода. Тихая, ласковая волна, вздыхая, стелется по отмели и заглаживает следы идущего впереди. Накупавшись, все разбрелись по берегу. Заплывы, тишина, свежесть вечера отделили нас от фронтовых невзгод, открыли какой-то почти неизвестный нам мир. Мы им уже давно не жили. Он лишь в этот вечер предстал перед нами.

Море. Тишина. Луна в небе.

Фигичев идет впереди, проделывая руками силовые упражнения. Ему тесно и среди этого простора. Запел:

Выходила, песню заводила
Про степного, сизого орла...

Голос его разливается по берегу, а мы с Лукашевичем смеемся. Потому, что понимаем Фигичева: он уже увлекся черноглазой смуглолицей Валей, и потому, что эта песня напоминает нам баяниста, нашу столовую в Маяках, ужин.

Я смотрю на след Фигичева. Он исчезает, тает на морском песке. Думаю про след человека, который оставляет он в жизни другого. Как далеко ни уходит от тебя, а остается с тобой. Чем? Своей устремленностью, захватывающей других. Своей страстью увлечения делом, вдохновляющей других. Чистотой своей души.

Этот след на песке, отмель, морская даль и глубина, начинающаяся у ног, напомнили мне об одном разговоре на морском берегу.

...В 1935 году я приехал на Кубань, в авиационный полк. Меня, техника, определили к самолету, который я должен был обслуживать. Три года тому назад я оставил родной Новосибирск, молодой завод — первенец пятилетки, чтобы стать летчиком, а судьба моя сложилась по-иному. Я буду готовить машины, чтобы взлетали другие, такие же, как я, парни. Они и я пошли из своих городов и сѐл навстречу мечте, и они достигли ее, а я не достиг. В школе, куда меня приняли, вдруг закрылось летное отделение и всех курсантов зачислили на техническое. Я подавал рапорт за рапортом, но они ничего изменить не смогли, разве только прибавляли к обычным нарядам внеочередные.

Пришлось мне сложить свои «крылья» и браться за ключи. Так с этими ключами в петлицах, а не с крылышками, я прибыл и в часть. Работа возле самолетов захватила меня. Что же, так тому и быть, оставь меня, моя мечта, на время, если ты вообще не изменила мне.

Целое лето наш полк стоял в лагерях, аэродром не утихал с утра до вечера: летчики тренировались. Друзья не раз одергивали меня: засмотрюсь в небо, забуду обо всем. Чтобы летать хотя бы пассажиром, упрямился в кружок парашютистов. Поднимаюсь в воздух на самолете, прыгаю с высоты — все же как-то ближе к летной жизни.

Когда возвратились на зимние квартиры, глубокой осенью я получил первую путевку в дом отдыха. Там, в Хосте, недалеко от Сочи, впервые увидел море. Оно было уже холодное, но я каждое утро делал физическую зарядку на берегу и купался. Часто брал лодку и уходил в море. Чем больше оно штормило, тем сильнее меня тянуло в море. Борьба с волнами увлекала и приносила удовлетворение. Она заменяла мне лыжные походы, которые я очень любил. Волны, ветер, соленые брызги, темная глубина и ты один со своими веслами-крыльями. Когда их крепко держишь в руках, когда чувствуешь, что есть сила, есть уверенность в себе, ничто тебя не утратит.

Однажды, когда я прибил к берегу и, выхватив у огромной жадной волны, поволок свою лодку по камням, ко мне подошел высокий стройный летчик. Он с завистью смотрел на меня, мокрого, исхлестанного волнами.

— Сам ходил? — спросил он, помогая мне установить и закрепить лодку у причала.

— Сам.

— Поплывем вдвоем?

Я внимательно посмотрел ему в лицо и узнал его. Это был Степан Супрун. Имя его было известно каждому авиатору, почти так же, как имена Чкалова, Громова, Коккинаки. Он испытывал новые самолеты, отличался храбростью и мастерством летчика. Степан Супрун тоже отдыхал здесь, я встречал его в нашем корпусе, в столовой, с орденом на груди: такое отличие очень возвышало тогда военного человека. Рассказывали, что Степан Супрун был награжден за испытательные полеты и за победу на всеармейских соревнованиях по воздушной стрельбе. Поплыть с таким напарником в море — разве это не интересно?!

— Вы имеете в виду не сейчас, а завтра? — спросил я.

— Можно и сейчас. Но если ты устал...

— Да, в другой раз, пожалуйста.

На второй день мы вдвоем столкнули с берега лодку, и волна тотчас отнесла ее в море на десяток метров. Супрун сразу сел за весла. Я наблюдал за ним. Греб он умело, сильно. На одной ноге у него был длинный глубокий шрам, и когда нога напрягалась, мне казалось, что он чувствует боль. Я предложил перемениться местами.

— Погоди! Дай поработать.

Мы уплыли далеко, берег скрылся за гребнями волн. Когда уставали, мы давали отдых рукам и разговаривали. Беседовали о спорте, об авиации.

- На каком летаешь? — вдруг спросил он.
- Ни на каком, — ответил я.
- Брось шутить.
- Серьезно. Я авиатехник.
- Не верю. Ты по характеру похож на летчика.

Прогуливаясь потом ежедневно по берегу, мы с ним столько раз возвращались к этой, моей теме. Я рассказал ему, как я стал техником, что действительно мечтал летать. Степан Супрун обрадовался:

— Ну вот, я же говорил, что ты летчик в душе. Так оно и есть. Мне тоже нелегко достались голубые петлицы. Пиши мне, может быть, я в Москве смогу тебе помочь переучиться. А главное — не потеряй свою мечту, тогда добьешься!

Я обещал писать ему. С того дня он всегда разговаривал со мной как с бывалым летчиком. Он уже считал меня летчиком, и это очень льстило мне.

— Нас будет в стране все больше и больше. И учти, летчик будущего — это не только беззаветный храбрец. Он должен многое знать. Твои знания техника тебе никак не помешают. Уже сейчас существуют десятки видов авиационных моторов и у нас, и за границей. На войне летчику придется сражаться на различных машинах. Тебе легче

будет переучиться на любой самолет...

Я не забыл его дружеского напутствия. Море, берег, следы на песке, прогулка напомнили мне о Хосте, о Супруне. Я рассказал о нем Лукашевичу. Он читал о Супруне и от кого-то слышал, кажется, от приехавших из Качинской школы, что он и Стефановский, возглавив два полка, сформированные из летчиков-истребителей, воюют где-то под Минском.

— Значит, он на фронте? — спросил я.

— На фронте. Пошли обратно?..

— Фигичев что-то шлепает дальше.

— Не говори: любовь с первого взгляда...

Мы вернулись обратно. В небе над Николаевым шарили встревоженные лучи прожекторов и красными крупными искрами вспыхивали и гасли взрывы зенитных снарядов. Зарницы выстрелов или взрывы бомб взметались над горизонтом. Мы остановились, вслушались. Звуков не было слышно.

— Хорошо работают зенитчики, — Фигичев незаметно остановился возле нас. — Если бы на границе их так встречали...

— Еще там, в Бельцах, — продолжил Лукашевич.

— Да. Может, и не знали бы мы, что есть такие Тузлы на свете.

— Поехали, поспим все-таки, — бодро произнес Фигичев.

На обратном пути наша машина зачем-то притормозила у аэродромной штабной землянки. Фигичев выпрыгнул из кабины, и летчики, стоявшие в кузове, грохнули дружным смехом.

— Давай, Валька, не теряйся! — крикнул ему вслед командир второй эскадрильи.

А. И. Покрышкин, Хоста, 22 декабря 1935 г. На обороте снимка рукой Покрышкина написано: «В здоровом теле здоровый дух. Даешь воздух!»

Мне стало грустно. Не знаю, отчего. Наверно, оттого, что на горизонте вспыхивали такие же зарницы, какие мы видели и в Котовске. Война приближалась к Черному морю.

* * *

В один из напряженных штурмовых дней на нашем аэродроме приземлились три новеньких, совершенно незнакомых нам самолета. По внешнему очертанию они были похожи на истребители, а по размерам напоминали бомбардировщиков. Широкий размах крыльев, высокое хвостовое оперение, сильный, мощно ревущий мотор.

Трое незнакомцев остановились возле КП, и туда повалили все летчики.

— Да это же «ИЛ-2»!

— Конечно, он.

— Штурмовичок что надо!

— Летящий танк.

— Такому ничто не страшно. Броня снизу, броня с боков, и фонарь из бронестекла.

— На нем воевать — сплошное удовольствие, — иронизирует кто-то.

— Надо сначала самому испытать, потом и расхваливать, — включился в разговор Фигичев.

Виктор Петрович услышал его:

— Вот и берись, попробуй. Прислали для нас.

— Пожалуйста, хоть сейчас полечу.

— Готовься. Полетишь.

Командир полка и мне предложил перейти на штурмовик.

— Слетаю, тогда скажу, перейду или нет.

— Пока, значит, не пощупаешь руками, решения не примешь?

— Руками и ногами, товарищ командир.

— Идите в зону, в воздухе все видней, — согласился Виктор Петрович.

Летчики, пригнавшие «Илы», превратились в инструкторов. Я залез в кабину штурмовика и сразу почувствовал себя так свободно, как на повозке. Вот это кабина! Ознакомился с размещением приборов, особенностями управления и запустил мотор.

Штурмовик Ил-2

Истребитель МиГ-3. На такой машине Покрышкин сбил первый вражеский самолет

Я всегда считал себя призванным быть истребителем, на других машинах, казалось, не летал бы ни за что. Но «ИЛ-2» на земле производил впечатлительное скоростного, мощного самолета. Вот попробую, как он наберет высоту, какой в маневре, и, может быть, пересяду на него. Привлекало в этой машине могучее вооружение: пушки, пулеметы, реактивные снаряды. С таким огнем можно и подраться, если придется.

Взлетел я полуистребителем, полштурмовиком, а вылез из кабины «ИЛ-2» только истребителем.

- Ну, как машина? — встретил меня вопросом командир полка.
 - Очень хорошая! Но я, пока смогу летать, с истребителя на другой не пересеяду.
 - А Фигичев согласился.
 - Его дело. Там, конечно, бронестекло, броня снизу...
- Виктор Петрович понял мой намек, не согласился со мной.

— Полетите завтра вместе с «Илами», увидишь, что они будут делать. Пахоту! Гроза, а не самолет.

— Конструкторы, верно, соображают что-то и насчет истребителей. Будут и у нас машины получше «Мигов».

Командир усмехнулся:

— Убежденный истребитель! Это хорошо. Одной прямой дорогой пойдешь — дальше будешь.

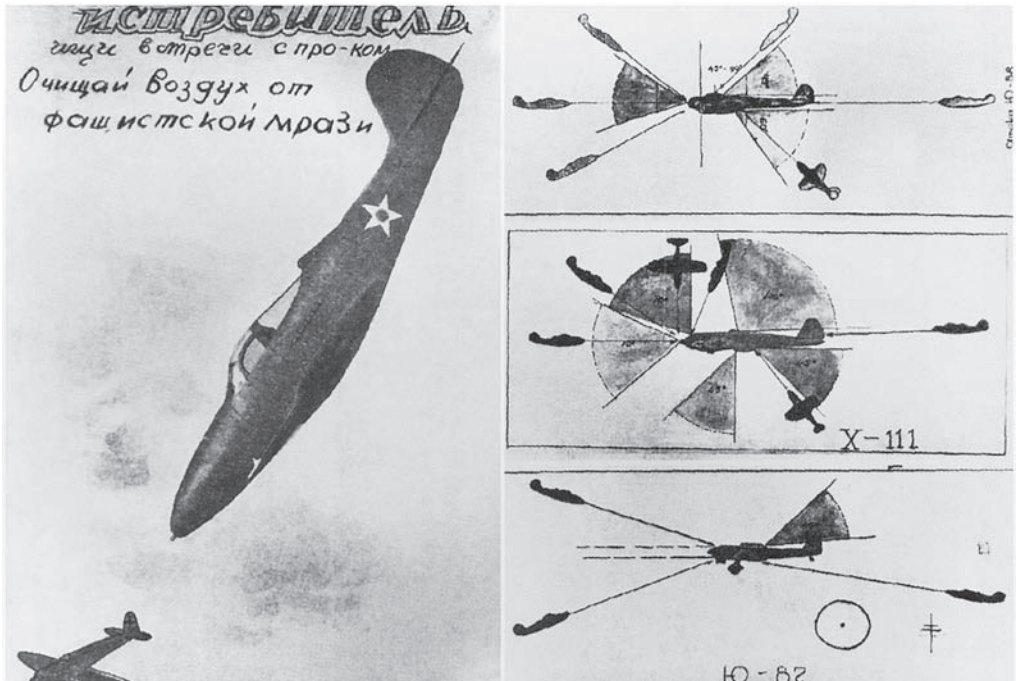
Только я остался один на своей стоянке, вижу: далеко по морю медленно, еле заметно продвигается огромный плавучий док. Во время одного из полетов я видел его. Он, нагруженный паровозами, почему-то стоял на якоре. Наверно, шел из Одессы, которой уже угрожало окружение.

Выше него, в небе, я заметил самолеты. Сомнений не было — «Юнкерсы» держали курс к такой большой цели. Не ожидая приказа, я сам, один, поднялся в воздух. Не смотрел, идет за мной кто-нибудь или нет.

С берега, от Очакова, по «Юнкерсам» ударили зенитки. Я тоже атаковал их. Трассы моего оружия и взрывы зенитных снарядов смешались. Один «Юнкерс» загорелся. Летчики выпрыгнули с парашютами. Группа бросила бомбы в воду, обратилась в бегство.

Летим над самой водой. Я бросаюсь в атаку на последнего. Мне нужен угол для атаки: чуть подскочу, спикирую, стрельну, а вот уже и вода. Снова подлечу выше, но все повторяется. Атаковать по-настоящему, оказывается, у самой воды трудно. «Юнкерс» дымит и отстает от группы. Еще немного — и будет добит. Но стрелять уже нечем.

Оглянулся — берега не видно. Пора возвращаться. Досадно, что не сбил второго «Юнкерса». Но домой лечу довольный тем, что не отказался от тебя, мой трудяга

Из фронтового блокнота А. И. Покрышкина

«Миг»; я снова чувствую настоящий полет, я на машине, которая соответствует моему характеру.

На аэродроме стало известно, что сегодня утром немцы захватили Березовку.

Кто-то из шоферов вырвался из-под огня мотоциклистов-автоматчиков. Он видел, как девушки-официантки, услышав треск автоматов, выскочили из столовой на крыльцо и гитлеровцы сразили их очередями.

Силеверстов с поникшей головой стоит рядом со мной:

— Жаль, очень жаль девушек, — говорит он. — И склады тоже. Сверкать мне теперь короткой полкой до конца войны.

— Если ты в этом поджаренном реглане довоюешь до победного дня, его в музей возьмут за большие деньги.

— И то неплохо, — соглашается Силеверстов.

От Березовки до Тузлов не так уж далеко. На другой день полк перебазировался за Буг, на аэродром Копани.

* * *

Наш аэродром расположен восточнее Николаева. Летаем в направлении Одессы. Мы знаем, что немцы стремятся отрезать и окружить Одессу. В разведках мы каждый раз тщательно просматриваем дороги у моря: идет ли еще поток эвакуирующихся из Одессы? Удерживают ли наши части коридоры для отхода на восток? По нашим донесениям ставятся задачи на штурмовики, и истребители бьют по скоплениям гитлеровских войск в этом районе.

«Мессершмитты» и «Юнкерсы» уже, очевидно, базируются на бывших наших аэродромах. Редко в каком вылете не встретишься с ними. В первые недели войны мы не позволяли им так разгуливать над нашей территорией. Все наши истребители брошены на штурмовки наземных войск: там главная опасность, а за «Мессерами» гоняться нет ни времени, ни самолетов. У нас в полку самолетов стало очень мало: в два раза меньше по сравнению с тем, что было к началу войны. Пополнения нет. Успокаиваешь себя тем, что где-то готовятся линии непреодолимой обороны, возможно, на Днестре, что в тылу накапливаются резервы, боевая техника. Без этой веры, без дымящихся труб Николаева просто не хотелось бы жить.

Вызывают на КП, снова приказывают лететь на разведку. Мы с Лукашевичем выслушиваем задание.

— Уточнить продвижение немецких войск в направлении Одессы.

— Есть! Все ясно.

Идем прямо на север от Николаева, чтобы потом повернуть на запад и лететь над занятой уже немцами территорией. Нам навстречу летит «Хеншель». Давно мы не виделись с тобой, старый знакомый! Он парит здесь уже без прикрытия. Зачем «Мессерам» зря утюжить воздух — советские истребители действуют там, у Одессы. Длинной очередью с малой дистанции бьют по «Хеншелю». Он переворачивается и падает. Не успели мы покончить с «Хеншелем», как увидели трассы немецких зенитных пушек — «Эрликонов». В чем дело? Мы ведь отлетели не более двадцати километров от Николаева — города, который живет в эти минуты обычной трудовой жизнью.

Иосиф УТКИН

Затишье

Он душу младую в объятиях нес...
М. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

1943

(Публикуется по: Уткин И. Стихотворения и поэмы.
— М.; Л.: Сов. писатель, 1966.)

Немецкие танки наступают вдоль Ингула прямо на город. Собственно, даже не наступают, а надвигаются целой лавиной по нескольким дорогам, по полям.

Направление Одессы мне кажется таким далеким, отвлеченным по сравнению с этими танками, идущими на незащитный город. Нужно немедленно возвращаться на аэродром.

В штабе удивились моему появлению.

— Почему так быстро? Случилось что-нибудь? — заместитель начальника штаба готовит чистую страницу журнала для записи донесения.

— В двадцати километрах отсюда немецкие танки...

Карандаш застыл в его руке.

— Не напутал?

— Подтверждение не заставит себя долго ждать.

Вызывает штаб дивизии, докладывает. Лицо его заметно бледнеет, он бросает на меня сердитые взгляды. Растерянно опускает трубку.

— Зачем сорвали разведку? — резко обращается ко мне.

— Как сорвали? Я считал своим долгом...

— Штаб дивизии требует объяснений, почему не пошли на Одессу. Ваши данные о немецких танках называют выдумками.

— Мы не слепые, товарищ капитан! Такое отношение к нашим данным — это просто...

— Не шумите, старший лейтенант! Вы свободны!

Да, я свободен, но у меня нет сил уйти с КП. Я видел танки. Я и Лукашевич. Может быть, только мы двое открыли эту группировку, которая оказалась так глубоко у нас в тылу.

Мы с Лукашевичем продолжаем дежурить у самолетов, поглядываем на север. На горизонте никаких признаков приближения вражеских войск, но мы знаем, что они уже недалеко отсюда, где-то там, за посадками. Небо, даль тревожно притаились. И вдруг за посадками — клубы черного дыма, взрывы.

— Покрышкин — к командиру полка!

Бегу на КП.

Навстречу Виктор Петрович:

— Летите, посмотрите, что там.

Я тороплюсь к самолету. Только поднялись с Лукашевичем — вижу немецкие танки. Они идут по двум дорогам и сходятся в одну колонну. У самого города! Думаю

о людях, что сейчас трудятся в цехах, на верфях, о детях, играющих в городском сквере. Вот-вот на них обрушатся снаряды. Но я решаю пролететь над самыми танками, чтобы еще убедить себя, что это немецкие.

Дорого обошлось Лукашевичу мое сомнение: вражеские зенитные пулеметы пробиты бензобак самолета. Бензин, проливаясь струйкой, испаряется и превращается в белую длинную ленту. Я лечу рядом с Лукашевичем. Дотянуть бы нам до аэродрома.

Наступление немцев на Николаев, кадры кинохроники

Приземлившись, я подруливаю прямо к КП.

— Ну что? — встречает меня командир полка.

У КП много людей.

— Отойдите в сторону, — тихо говорю ему.

— Что там?

— Километрах в пяти от нас немецкие танки.

Виктор Петрович быстро направляется к телефону, докладывает штабу дивизии обо всем, что мы успели увидеть. Я гляжу на него: неужели в штабе и теперь не поверят моему донесению?

— Всем подготовиться к взлету! — приказывает Виктор Петрович.

Идем к самолетам. У машины Лукашевича работают техники, заделывают деревянной пробкой пробойну. Говорим о городе, которому мы, летчики, не сможем оказать сколько-нибудь существенной поддержки в обороне. Если бы нам поверили после первого полета, вероятно, можно было бы встретить внезапно появившиеся вражеские войска вооруженным заслоном. А теперь бои в самом городе будут очень тяжелыми.

Взлетая с аэродрома, самолеты через несколько минут пикируют на колонну противника севернее Николаева. Стреляем по машинам и разворачиваемся на восток.

Где-то недалеко от Херсона есть село Чернобаевка. Ориентир единственный: там много других самолетов.

Большое поле под Чернобаевкой было все заставлено самолетами и напоминало скорее какую-нибудь авиационную выставку, чем фронтовой аэродром. Мы с Лукашевичем приземлились на узенькой свободной полосе и, свернув в сторону, очутились по соседству с «Чайками» и «ишаками». Пока рулили к этому местечку, заметили машины почти всех существовавших в то время типов. Здесь стояли высокие, длинноносые «ИЛ-2», «СУ-2», «И-16», новенькие «Лаги», «Миги»... Их было много. Казалось, несколько птичьих стай опустилось здесь от усталости, чтобы отдохнуть. Прилетали и прилетали новые группы. Авиация отступала. Она скопилась здесь потому, что с юга было море, а с севера надвигались танки вражеской армии.

Куда перелетать — пока никто не знал.

Через несколько часов возле аэродрома Чернобаевки начали рваться бомбы, сброшенные «юнкерсами». Немцы бомбили дорогу, по которой отходили к Днепру наши войска. К этому времени всем полкам, которые сидели здесь, уже было определено место базирования за Днепром. Взрывы бомб подняли эту огромную стаю самолетов за несколько минут. Я никогда не видел такого зрелища: взлетели почти одновременно «Чайки», «СУ-2», «И-16», «Лаги», «Миги». Но никто не столкнулся. Только опасность могла так мобилизовать внимание людей, заставить действовать так четко и молниеносно.

Мы с Лукашевичем задержались и взлетели по свободному аэродрому. Скоро под крыльями засверкал широкий, спокойный Днепр.

А. И. Покрышкин

62 ДНЯ

Н. А. Мейсак, 1938 г.

Увидел судьбу на Можайском шоссе...

Л. Мартынов

1.

Ночью на западной границе Капани оборудовали командный пункт. Возле высокого плетня связистам указали место для блиндажа телефонной станции.

Почва была вязкая, глинистая, и мы не успели вырыть в срок достаточно глубокий окоп: к исходу ночи его глубина едва достигла метра.

На развалинах, от которых еще шел приторный запах гари, собрали уцелевшие обгорелые бревна, сделали из них легкий накат.

Кто-то принес большую кучу соломы. Ею замаскировали блиндаж и выстлали дно, где уже начала выступать вода.

Надсмотрщиков отправили на линии. Я вполз в узкое входное отверстие блиндажа, который получился очень неудобным: сидеть там было нельзя и пришлось просто лечь на бок, подперев тело рукой.

Длина блиндажа тоже была недостаточной: когда я вытягивал ноги, они оказывались у самого входа — поэтому пришлось работать, поджав их под себя.

Я установил коммутатор, проверил слышимость. В четыре тридцать началась арт-подготовка. Где-то за лесом тяжело ухнула дивизионная. Слева, из редкого березняка, ударили 76-миллиметровые орудия, чуть позже, недалеко от блиндажа, захопали звонкие залпы пушек ПТО.

Снаряды, шураша и присвистывая в воздухе, шли над головой с нарастающим воем, каждый раз заставляя невольно пригнуться.

Вой то на мгновение ослабевал и там, где в тумане ноябрьского рассвета поднимался рыжевато-синий всплеск огня, обрывался глухим коротким ударом, то возникал снова, и так без конца. Потом вдруг наступила тишина. Минуту спустя где-то дал очередь пулемет, на шоссе яростно заревела «Катюша».

— Телефонист! Сигнал! — услышал я в телефоне властный, немного хриплый голос.

Полковник приказал поднять батальоны в атаку.

— Есть! — почти хором ответили со всех станций.

Там, где недавно рвались снаряды, сухо застучали пулеметы, послышалось отдаленное, прерывающееся «Ура-а-а!»

Наша мотострелковая часть, которой командовал полковник Соловьев, пошла в бой за Дорохово — крупный населенный пункт на скрещении Можайского и Минского шоссе.

...Немецкая пехота, поддержанная многими танками, пошла в контратаку, и наш полк, ведя ожесточенный бой, начал отступать на исходные рубежи.

Я не имел приказа об отходе, оставался в блиндаже и до последней секунды, пока работала линия, держал связь с соседями. Когда связь прервалась и на ее восстановление не осталось никаких надежд — немцы периодически били из тяжелых минометов, — я решил покинуть блиндаж, но... уже было поздно: из-за поворота, по истерзанному снарядами шоссе, вынеслись, стреляя на ходу, танки с крестами на серой броне. Из березовой рощи, наполовину скошенной огнем нашей артиллерии, показались черные группы немцев.

Теперь у меня осталось два выхода — смерть или плен. Мысль о том, что вот, может, сейчас я, подняв руки, пойду впереди немца, а потом он будет меня мучить, заставила содрогнуться. Я взялся за автомат... но умирать было страшно. Еще теплилась надежда на то, что немцы не заметят блиндажа и ночью я сумею пробраться к своим.

И, действительно, несколько групп немцев прошли мимо, не заметив кучи соломы, под которую был замаскирован блиндаж.

Но вот пятеро немцев, наткнувшись на кабель, шли по линии прямо ко мне. Раздумывать было некогда.

— Пропадать, так с треском, — сказал я себе.

И, когда солдаты подошли ближе, длинной очередью из автомата повалил всех пятерых на мокрую землю. Трое лежали неподвижно, два изредка ворочались и вскрикивали.

Спустя несколько минут к ним подошли еще трое. Их тоже постигла участь первых пяти.

Диск автомата был пуст.

— Зачем ты мне теперь? — выругавшись, сказал я и с досадой швырнул автомат в угол.

И сразу резче почувствовалась тяжесть торчащих из карманов телогрейки зеленых гранат. Выхватив гранаты, я начал торопливо их заряжать. Едва успев вставить запал во вторую гранату, я услышал громкие голоса: около убитых мною солдат стояла большая толпа немцев. Они все шли и шли к огороду, где был блиндаж. Немцы постояли немного, а потом с дикими криками бросились ко мне.

...Сорвана солома, я слышу разъяренные чужие голоса, потом мягкий, вкрадчивый:

— Русь, свиазь, сдавайся! Ми сберегайт твой жизнь, давайт филе гельд, много деньги...

Они могли легко убить меня: забросать гранатами, сжечь, но им был нужен «язык». Связиста они хотели взять живым.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

Декабрь под Москвой

Мы шли по разбомбленной автостраде
От Дорохова
На восток,
К Москве —
Остатки нашей танковой засады:
Два танка уцелевших — в голове
И два десятка пехотинцев — сзади.

И колыхалось в черноте ночной
Ночных пожарищ зарево над нами.
И груз вины качался за плечами,
И грозный враг катился за спиной.

А от Москвы
На запад
Шли и шли
Солдаты в полушубках, в рукавицах,
Спокойны и чуть-чуть широколицы.
И лыжный след их пропадал в дали.

Лишь скрип ремней да лыж в морозном мире
Катился...
И я не подозревал,
Что это час победы вызревал,
Пришедший из глубин седой Сибири.

Декабрь 1941 г.
Дорохово на Можайском шоссе

(Публикуется по: Сибирские огни, 2005, № 5.)

Долго уговаривал меня немец сдаться, долго обещал мне всякие «блага», но я молчал.

Что же я ему отвечу? Ничего.

Рядом со мной лежали поставленные на предохранительный взвод гранаты. Телефонный аппарат я сломал, свой комсомольский билет зарыл в землю. Теперь, перед тем как умереть, мне хотелось заманить в блиндаж еще хотя бы одного немца, а потом вместе с ним взлететь на воздух.

«Катюши», подбитые в районе Можайска, 1941 г.

2.

Им, наверное, надоело меня уговаривать: я услышал громкий злобный окрик: — Выходить! Свольчь!

Тогда я одну за другой бросил все три гранаты.

Взрыв. Второй. Ноги обожгло сотнями раскаленных кусочков металла, они стали влажными и горячими. Потом взметнулось пламя, по голове ударило чем-то тяжелым, в глазах завертелись круги красные, желтые, зеленые... и наступила черная беспросветная ночь...

3.

Я пришел в себя, когда солнце пряталось за верхушки берез.

Я не верил сам себе: я щупал себя за нос, за щеки, двигал руками — я был жив! Да, жив! У входа в блиндаж вниз лицом лежали два немца с развороченными головами.

На соломе — темно-красная лужа крови. В луже — мои ноги, вернее, остатки ног. Правая разбита на три части: раздроблен коленный сустав, раздроблены берцовые кости, отбита ступня, рядом — кусок икроножной мышцы. Он висел на сухожилии.левой ступни нет; а нога вся усеяна осколками. Нестерпимо болит правый бок: его чем-то жжет.

Вот так, в полуразрушенном блиндаже, на сырой соломе, с разбитыми, неперевязанными ногами я лежал двенадцать суток.

Кругом были немцы. Шум боя, удаляясь, постепенно затихал, вместе с ним исчезала и надежда на спасение. Я не имел возможности двигаться и лежал в грязи и испражнениях. По ночам меня мучили кошмары, очень хотелось пить, но воды не было. Первые шесть дней удавалось достать из-под соломы грязной, мутной дождевой воды. Я наливал ее ложкой в брезентовый чехол телефонного аппарата и пил. Когда ударили заморозки — вода замерзла. Пришлось пить собственную мочу. Я пробовал жевать солому, сосать камешки. Один раз я хотел убить крысу, что копошилась в ногах, но руки, ослабев, не поднимались.

Жизнь постепенно уходила из моего тела. На двенадцатые сутки я очистил от грязи звезду на шапке, свой медальон положил на видном месте, заложил руки в рукава телогрейки и стал ждать смерти.

Но в этот день меня нашли две колхозницы. Они мне принесли снегу, и я утолил жажду. А когда стало темно, за мной приехал старик с мальчиком.

В избе мне оттерли обмороженные руки. Когда оттаяли ноги, девочка перевязала их. Меня напоили горячей водой, накормили, переодели в гражданское платье.

Три дня я лежал у этих людей. Немцев в селе было мало, и только раз в избу зашел солдат — шофер. Старик назвал меня своим сыном.

Раны болели все сильнее. На третий день ноги почернели, стали разлагаться.

Старик рассказал мне, что в Можайске, в соборе, лежат раненные красноармейцы. Там есть наши русские врачи, может быть, они что-нибудь могут сделать...

4.

...Два молодых парня с измученными, испытанными лицами, в рваных грязных шинелях, внесли меня в церковь. В большом темном здании дым, холод. Стены покрыты густым слоем пыли и копоти. Сквозь уцелевшие стекла едва пробивается свет. На грязном скользком полу, на сырой соломе, почти друг на друге лежат люди, вернее, существа, похожие на людей. Все они с тяжелыми ранениями, исхудавшие до последней степени, обросшие, с глубоко запавшими глазами. На их окровавленных телогрейках, на шинелях густо ползали вши.

...Я лежал в углу, недалеко от дверей, едва укрытый своей телогрейкой и тоненьким старым покрывалом, в котором старик привез меня. Тело тряслось от холода. В ноги, казалось, кто-то вгонял раскаленные железные когти и рвал, рвал без конца мышцы...

...Ко мне подошел высокий худой боец. Рука его была на перевязи. Он посмотрел на меня, потом ушел куда-то...

Через несколько минут он вернулся с большим рваным одеялом. Оно было со вшами, дурно пахло. Но пусть, лишь бы было хоть немного теплее. Гриша — так звали красноармейца — лег со мной, укрыл меня одеялом... На утро я услышал крики раненых.

Можайское шоссе, октябрь 1941 г.

— Врачи пришли, — сказал мне Гриша.

Он пошел к дверям церкви и вскоре привел ко мне в угол страшно исхудавшего бледного человека.

— Вот, доктор, — указал Гриша на меня, — вчера привезли... Сибиряк...

— Сибиряк! — воскликнул человек и сразу же присел на корточки рядом со мной.

— Откуда, братец?

Я сказал.

— А я из Томска... врач Волков... — взволнованно сказал он.

После окончания средней школы я учился в Томском индустриальном институте. Сейчас мы вместе с врачом повторяли названия знакомых улиц, вспоминали городской сад, университетскую рошу. Потом он сказал, что мне немедленно нужно делать операцию.

Операция была сделана.

Начались долгие, мучительные дни и ночи. Дни голода, ночи кошмаров, заполненные стонами и криками раненых, умирающих людей.

Гриша рассказал мне о своем страшном пути из Вязьмы в Можайск. Он шел вместе с большой группой пленных раненых красноармейцев. Уже были холода, шли беспрестанные дожди, а бойцов гнали по грязи босиком, в одних гимнастерках и брюках. Некоторые были в нижнем белье. Раненые перевязывали свои раны чем попало, у многих раны гноились.

На остановках промокших, замерзших людей немцы-конвоиры не пускали даже в сарай. Однажды пленных загнали в большой загон для скота. Там, в ледяной навозной жиже, простояли они всю ночь на морозном ветру. На пути пленные питались сосновой корой, падалью. Только раз удалось поесть сырого картофеля: немцы разрешили накопать на поле. Люди, обдирая ногти, голыми руками выкапывали из мерзлой земли клубни.

Навстречу колонне все время двигались немецкие грузовики. Они мчались, не сворачивая, многих сбивали и давили. Было очень много раненых с переломами. Тех из них, кто не умер, немцы тут же на месте, на глазах у всех расстреляли. По приходе в Можайск пленных с ранениями загнали в пустой холодной собор. Среди пленных были наши врачи. Одни из них попали в плен при бомбежке санитарных поездов, другие при перевозке раненых на машинах в тыл...

Собор был без дверей, без стекол в окнах. Люди лежали на каменном полу. Потом сами кое-как починили двери, окна, из старых кирпичей сложили маленькую печь. Немцы приказали нашим пленным врачам лечить раненых, чтобы отправлять их на работы в лагеря. Медикаментов и перевязочных материалов не было. Врачам, фельдшерам и сестрам удалось достать немного йода и глицерину. Женщины города и окрестных деревень принесли выстиранных тряпок, марли. Но этого хватило ненадолго.

5.

Дальнейшее я видел сам.

Первый раз в жизни я увидел, как умирают люди от голода. А умирало много. Измученным, потерявшим много крови людям давали в сутки пол-литра мутного отвара из какой-то черной капусты, который назывался супом. «Суп» этот был без соли.

Как-то раз маленький немецкий солдат принес ведро костей и высыпал их прямо на пол.

Что тут было! Голодные люди с жадностью набросились на эту «роскошь». Со всех сторон, наступая друг на друга, бежали, ползли раненые. Жутко было смотреть на эту свалку.

Немцу было весело.

— Рус, капут! Собак! Собак! Капут, — выкрикивал он, заливаясь смехом, и пинал тяжелым сапогом голодных людей.

Пока у собора не было охраны, те, что могли хоть немного ходить, утром уходили собирать пищу. Возвращаясь, они приносили мелкую мерзлую картошку, кочки

грязной гнилой капусты. Счастливицам удавалось найти среди отбросов на бойне кишки, легкие, желудки животных. Как-то раз Гриша принес связку неочищенных кишок и кожу от мошонок. Он выдавил из кишок содержимое, и мы жевали их. Если Грише удавалось захватить место на печке, он в ржавой консервной банке варил грязную картофельную шелуху.

Я чувствовал себя все хуже и хуже. Никогда я не забуду врачей Острикова и Волкова. Им я обязан тем, что в ужасных условиях они спасли мне жизнь. Ноги мои были перевязаны, но обмороженные руки опухли, на них образовались огромные гнойные волдыри. Я не мог пошевелить ни одним суставом. Волдыри лопались, желтая жидкость стекала по рукам, от них шел дурной запах... Фельдшер Володя (фамилии его я не помню) смазал мне руки глицерином и обмотал бумагой. Больше перевязывать было нечем.

Гриша ухаживал за мной. Он поил меня «супом», вкладывал в рот пищу.

В собор часто приходили крестьянки. Они приносили с собой или картошку, или кислую капусту, изредка лепешки из отрубей. Но разве могли они накормить несколько сотен больных, изголодавшихся людей? Со всех сторон к ним тянулись грязные худые руки.

— Тетя! Тетенька, милая, дай покушать! Тетя, кусочек! — неслось отовсюду.

Женщины, рыдая, давали по кусочку лепешки, по картофелине, по горсти капусты и убегали. Тяжело им было смотреть на страдания русских людей...

Помню, как надо мной склонилась маленькая седая женщина. Как она была похожа на мою мать! Как мне легко стало тогда! Старушка, сидя около меня, заливалась слезами.

— Сыночек, сынок мой! — повторяла она и без конца гладила меня по сбившимся в грязный клубок волосам... Увидев мои руки, обернутые бумагой, она осторожно развернула их и, оторвав от платья большой лоскут, обвязала мне руки. В этот день я съел несколько вареных картофелин, которые она мне дала.

Она рассказала о том, что делают немцы в ее деревне. Ночью пьяные солдаты вламываются в избы, бьют и ломают все, издеваются над молодыми женщинами...

Я ей рассказал, что происходит в стране, как советские люди борются с немцами на фронте, как они самоотверженно работают в тылу.

Мой рассказ обрадовал старушку: немцы говорили крестьянам, что Москва и Ленинград взяты, что германская армия уже стоит у Волги, а немецкие самолеты бомбят Урал...

Вскоре немцы огородили собор колючей проволокой и поставили охрану. Финны, стоявшие на охране собора, никого не подпускали близко. Все то, что приносили нам женщины, отбирали и съедали сами. Не стали пускать на улицу. Если раньше раненым удавалось добыть хоть немного пищи, то теперь мы жили только на горячей воде, именуемой «супом».

Георгий СУВОРОВ

* * *

Еще на зорях черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки, как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди,
И для людей.

(Публикуется по: Ради жизни на земле: стихи поэтов-сибиряков, павших на фронтах Великой Отеч. войны. — Новосибирск, 1985.)

Люди начали умирать, сразу по несколько человек. Умирали тихо, незаметно. Вечером лежит себе человек, разговаривает, а утром — мертвый, холодный.

Был в соборе один уголок. Его все называли «проклятый угол» и «угол смерти». Как-то получалось так, что каждый, кто туда ложился, больше не вставал.

...Раненых в соборе становилось все больше и больше. Они прибывали измученные, с синяками на лице, с ссадинами. Они рассказывали, как немцы били их на пути в Можайск. Били палками, кулаками, шофера встречных машин — ключами.

Люди лежали теперь еще теснее, сплошной серой, едва шевелящейся массой — на полу не было даже прохода.

Когда приходили врач, фельдшер и сестры, поднимался шум.

— Доктор! Товарищ врач! Меня перевяжите! Меня!

Но что могли сделать врачи, такие же пленные, если у них было всего несколько бинтов на сотни людей. Каждый бинт разрезали на четыре части, но этого, ясно, не хватало. Раны гноились, оставались неперевязанными, у некоторых завелись черви.

Бывало так: пригонят несколько человек раненых, люди лежат по несколько суток без помощи, в грязи, пыли и... умирают. Особенно тяжело приходилось тем, у кого были переломы. Раненые помогали друг другу, накладывая на переломы палки вместо шин.

Смертность все увеличивалась. Каждое утро находили по 6—8 трупов. Их раздевали и выносили. Одежду, снятую с мертвых, брали себе живые, чтобы как-нибудь согреться.

6.

Третьего декабря загорелась крыша собора. Началась паника. Люди выбегали, ползли на улицу, босиком, с голыми руками... Из тех, кто не мог ходить, некоторых вынесли на улицу, а остальных забыли на месте. Целую ночь пролежали раненые на морозе, лишь некоторым удалось добраться до другого здания. Многие отморозили себе носы, руки, ноги, уши...

Утром пришел немец и сказал, что «русские свиньи сами устроили пожар». Но как можно было поджечь высокую крышу собора, если труба от единственной печки выходила на улицу через окно?..

Через два дня свод собора обвалился. Сначала упал один кирпич, потом на пол полетели громадные глыбы... Мне и на этот раз «повезло». Я лежал в углу, и товарищи успели вынести меня, прежде чем рухнул весь потолок...

Сколько десятков беспомощных людей погибло тогда под развалинами — никто не знает.

Рассказывали, что из-под груды камней долго слышались крики о помощи. Раненые пробовали раскапывать, но разве могли сделать что-либо голодные, обессиленные люди?

7.

После того как собор обвалился, мы лежали в полуразрушенных складах на базарной площади. Здесь было светлее, чем в соборе, но невыносимо холодно. Окна были разбиты и заколочены фанерой, в щели потолка было видно небо.

Я попал в «комнату», под которой был подвал... В подвале двери были сорваны, и через щели в полу сильно дуло.

Вот в этих складах пришлось увидеть и услышать то, о чем трудно забыть, что на всю жизнь останется тяжелой черной полосой.

Появился там маленький толстый немец, «унтер арц», как называли его солдаты. Ему, очевидно, был поручен надзор за «госпиталем». Чтобы не дуло, ходячие раненые заткнули окна соломой. Однажды утром «арц» пришел, походил по складу, потом бесно закричал:

— Что-о-о? Что-о-о? Вас ист дас?! — вопил он, указывая палкой на солому. — Русские свињи опять хотят огонь! Убрать! — приказал он нашему бойцу Малыгину, который был «санитаром».

Тот начал вынимать солому. Сразу стало холодно. Когда солома была убрана, немец, одетый в наш русский полушубок, с ехидной улыбкой сказал:

— Русские свињи не знают культуры. В госпитале должно быть светло... О-о-о! — закончил он, подняв палец кверху.

Этот «свет» стоил нескольким десяткам людей обмороженных конечностей, а некоторым жизни.

«Арц» появлялся каждое утро.

Сэнитэгы! — горланил он, картавя и помахивая толстой палкой, с которой ходил всегда.

По этой команде санитар, насколько ему позволяло ранение, подбегал к немцу. Тот стоял и считал:

— Айн, цвай, дгай, фиг...

Если санитар подбегал после «десяти», он получал несколько ударов палкой.

Для «арца» битье беззащитных людей представляло, видимо, большое удовольствие. Он бил всех, без разбора — раненых, санитаров, фельдшеров, врачей. Я видел, как он избил седого старика, пленного врача Солодовникова.

Особенно доставалось от него евреям и тем, кто лицом был похож на еврея.

— Юде! — взвизгивал немец и опускал палку на головы и спины несчастных. Удары приходились и по ранам. Особенно немец привязался к высокому, мрачному еврею-сержанту. Он бил его каждое утро, заставляя становиться на четвереньки. Сержант молча переносил побои. Немца это бесило.

— Пошему швайген? Пошему молшать? — орал он.

В одном совхозе было много жмыха. Немцы хороший жмых взяли себе, а негодный разрешили отдать русским. На каждого из нас приходилось по 100—150 граммов в сутки. Прелый, заплесневший жмых вызывал у многих желудочные заболевания. Средств для лечения не было, и такие больные через 6—10 дней умирали. Единственным лекарством был кипяток, который кипятили в банках в печи. Но «арц» увидел это. Он выбросил все банки из печи, избил санитаров и первых попавшихся раненых. Лишь только глубокой ночью удавалось вскипятить воду, сварить «каши» из жмыха или просто обжечь его на огне...

Часто «арц» устраивал проверки раненых. Он ходил по соломе и, тыкая каждого палкой, спрашивал по-немецки:

— Что есть?

Наш врач, наполовину по-немецки объяснял характер ранения.

Вскоре после прихода «арца» появлялись солдаты. Они уводили тех, кого «арц» наметил к отправке в лагерь. Среди них были и те, которые не могли идти. Солдаты их били прикладами, пинали...

— Русь! Ком! Ком! — орали они, а потом посвистывали, как будто гнали стадо животных.

Часто в этот «госпиталь» попадали люди из лагерей. Все они были с обмороженными

Немцы в Можайске

Владимир ЧУГУНОВ

После боя

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой.

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

(Публикуется по: Ради жизни на земле: стихи поэтов-сибиряков, павших на фронтах Великой Отеч. войны. — Новосибирск, 1985.)

конечностями. Жуткие вещи рассказывали они. В лагерях пленных красноармейцев подвергали диким издевательствам. Тех, кто опаздывал в строй, немецкие конвоиры заставляли ходить на четвереньках по снегу, бегать по улице. Когда человек пробегал мимо немца, тот ударом в живот сбивал его с ног...

За второе опоздание встать в строй пленных расстреливали.

Люди работали с утра до ночи, а получали в день одну консервную банку «супа», сваренного из гречневой шелухи...

Морозы все крепчали. В складах стало еще холоднее. Вода, которую так редко удавалось получать, замерзала в банках. Настало страшное время. По ночам со всех концов неслись крики умирающих, бредящих людей, которые не могли бороться с холодом.

Кричит человек, вспоминает семью, картины боев, друзей, потом слабеет и замирает совсем...

Теперь выносили каждый день по 10—13 трупов. Был день, когда умерло и замерзло 25 человек.

Мои соседи спрашивали друг друга:

— А когда мы?

По ночам я часто просыпался от холода, от укусов вшей. Ощупывал себя, двигал руками.

— Жив! — шептал я себе.

Мне не хотелось умирать. Я старался не думать о смерти, и я жил.

Я — молодой парень, комсомолец, многим был обязан своей родине, многое должен был для нее сделать, я был ей нужен.

— Умереть в бою, а не здесь, — говорил я себе. — Не умер от гранат, не должен умирать от холода, голода, вшей, ран. Жди, скоро придут наши...

Ночные часы были самыми тяжелыми. Днем мы видели небо, солнце, и на сердце становилось легче. Ночью — темнота, крики, стоны и плач.

Сколько мы тогда говорили между собой о родине, о своих семьях, строили всякие предположения об освобождении нас.

Один из вновь прибывших бойцов дал нам большой окровавленный лист. Это была листовка Политуправления Красной армии. В ней были напечатаны доклад и речь товарища Сталина. Эта листовка была ярким теплым лучом.

В середине декабря мы услышали далекие раскаты артиллерийской стрельбы. У всех повислось настроение: стрельба приближалась. По шоссе потянулись длинные обозы немцев. День и ночь ползли они, скрипя колесами.

Немцы увозили с собой все. Мы видели повозки, доверху нагруженные кроватями, шкафами, столами, стульями, матрацами и даже детскими колясками. Сзади повозок брели лошади, коровы и немцы. Вид немецких солдат даже у нас, людей, в которых еле теплилась жизнь, вызывал смех.

8.

Наступил новый год. Мы его встречали семью умершими, кусочком жмыха и льдом вместо воды.

В ту ночь мы желали друг другу только одного — «быть живым и свободным». И хотя мы все пережили немало, все же нам, советским людям, казались странными такие пожелания в новогоднюю ночь.

Второго января от местных жителей мы узнали о налете наших лыжников на село Климентьево, расположенное в двух километрах от Можайска.

Немцы сняли охрану. «Арц» куда-то исчез. Стало немного легче.

Через несколько дней после Нового года фельдшер Гриша рассказал о листовке, которую сбросили над городом наши самолеты. Как мы все были рады тогда!

— Только бы не расстреляли немцы... только бы жить, дожждаться наших...

Уже стали близко слышны разрывы снарядов, далекий гром «Катюши».

— Наши близко! — радовались все.

Через город сплошным потоком шли, ехали, бежали отступающие немцы.

Отступая, они еще больше бесчинствовали.

Врач Остриков рассказал об эвакуации Можайского лагеря для военнопленных.

Пленных красноармейцев загнали в холодные товарные вагоны, закрыли люки и двери, а потом отправили эшелон в тыл. Недалеко от Можайска наша авиация разрушила путь. Эшелон вернулся обратно.

Целых трое суток он стоял на станции. Люди сидели в темных вагонах, на морозе, без пищи и воды.

Когда вагоны открыли, они были полны замерзших трупов.

Шестнадцатого и семнадцатого января на улицах города раздавались сильные взрывы: немцы рвали каменные здания.

Мы съели последние крошки жмыха. На улице выходить было нельзя. Мы были без воды, но пусть, пусть, только бы дожждаться своих!..

Днем в наше помещение быстро вбежал санитар, одорукий Ваня Ремезюк.

— Товарищи, — взволнованно заговорил он, — немцы ворвались в склады, они выгоняют всех ходячих на улицу, строят их...

Ваня рассказал, что офицер палкой бьет тех, кто не может подняться, наставляет на всех пистолет...

— Ну, ребята, конец, — сказал кто-то...

Мы молчали.

— Неужели... Неужели сейчас смерть?..

Дверь открылась, и в помещение ворвался высокий немец, по-видимому, офицер. Он был в пилотке, в белом крестьянском тулупе. На ногах у него были валенки: один черный, подшитый, другой серый, новый. За офицером ввалилась группа солдат с красными металлическими орлами на груди.

— Аллес капут! — закричали они и стали осматривать всех нас.

Все время, пока солдаты были в помещении, дверь на улицу была открыта и закрывать ее не разрешали. Всех, кто мог ходить или ползать, немцы выгнали на улицу. Нас, лежащих, оставили на месте. Дверь закрыли наглухо и поставили часового.

Всю ночь мы ждали, что или нас расстреляют, или просто взорвут здание, где мы находились.

Как тяжело было переживать каждую минуту! Ведь всего в двух километрах были наши войска, а с ними жизнь, родина, свобода... И, пережив такие мучения, прожив столько дней на морозе, голодом, досадно было умирать, когда так близко спасение...

Ночью никто не пришел. Мы напряженно ждали. Прощались друг с другом.

С утра 19 января в городе рвались наши мины и снаряды. Немцы засуетились. Они бегали по улицам, снимали линии связи, увозили свои минометы... К нам все никто не приходил, но двери были заперты. Вновь затеплилась надежда на спасение.

В середине ночи наши части начали артподготовку. Мины рвались на шоссе, на площади, у собора... Несколько мин разорвалось под нашими окнами. Открылись двери, вылетели рамы. Мои товарищи кое-как вставили их, дыры заткнули шинелями...

На рассвете мы услышали выстрелы батальонных минометов, немного позже — стрекотанье автоматов, отдельные винтовочные выстрелы, а потом нарастающее, протяжное «Ура-а-а!» Наше родное, грозное русское «ура»!

— Наши! Наши! Товарищи идут! — кричали мы во весь голос, забыв о том, что на улицах еще есть немцы.

Мы мечтали вслух о том, что мы скажем нашим бойцам, что у них попросим:

— Хлебца!

— Сахару!

— Табачку!

А молодой артиллерист Борис Зборовский кричал:

— Я попрошу звездочку! Звездочку на пилотку!

Бешено колотились сердца, нервная дрожь трясла тела: еще, еще немного — и мы будем у своих...

9.

У дверей слышались шаги. Кто-то остановился. Мы услышали голос:

— Здесь лежат русские раненые...

«Неужели какой-нибудь предатель привел немцев?» — мелькнула мысль.

Дверь открылась, и вошли два здоровых парня. Они были в белых маскировочных халатах, с автоматами в руках, на их шапках блестели милые звездочки...

— Здорово, ребята!

Мы молчали, никто из нас не мог ничего сказать...

Потом кто-то, зарывав, крикнул:

— Братцы!.. Братцы! Милые!..

И со всех сторон:

— Наши! Наши пришли! Наши.

— Ребятки! Товарищи! Брагишечки!

Люди рыдали, смеялись сквозь слезы, целовались... Плакали и бойцы.

Где уж тут было вспоминать о хлебе и табачке! Один из бойцов, вытерев глаза, сказал:

— Ну, ребята, скоро придет целый взвод, а мы пойдем... разведчики мы...

Они ушли.

Когда рассвело, к нам стали заходить бойцы и командиры. Они, покачивая головами, рассматривали наше жилище, грязную солому, на которой мы лежали...

Как радостно было смотреть на них — здоровых, краснощеких, сильных русских!

Мы вновь стали людьми! Людьми! Воинами Красной армии!

И когда стали выносить трупы наших товарищей, умерших в ночь на 20 января, все сняли шапки. Бойцы молча провожали своих товарищей по оружию... А ведь всего несколько дней назад их бы вынесли, как дрова...

Освобождение Можайска, 20 января 1942 г.

Позже пришли две сестры — Оля и Серафима Петровна. Они спаслись, спрятавшись в городе. Многих наших врачей и сестер немцы угнали неизвестно куда...

Серафима Петровна, плача, рассказала, что тех раненых, которых увели немцы, они на дороге за городом расстреляли.

...Я услышал номер своей части и вздрогнул:

— Неужели здесь ребята?!
Неужели я их увижу?..

Да, да! Они были здесь!

В помещение вошел стройный командир в маскировочном халате. Это был политрук Морозов. У него я был в полковой школе.

— Товарищ политрук!

Он, увидав меня, худого, грязного, бледного, — заплакал...

Потом я увидел лейтенанта Мирошникова — моего командира, который воспитывал меня с первых дней службы в армии. Горло сдавили спазмы рыданий, я старался их сдержать, но не мог...

Я вцепился в руку лейтенанта, хотел ему рассказать, что со мной было, но только повторял без конца:

— Товарищ лейтенант... товарищ лейтенант...

Мой командир стоял около меня с немецким автоматом на плече, и по его лицу, покрытому черным налетом дыма, текли слезы...

...В коридоре послышались голоса:

— Где Николай?

— Где Мейсак? Где он?

Я не верил своим глазам: ко мне с распростертыми объятиями бежал мой друг Коля Дурцов.

— Коля! Жив!

Мы целовались, и слезы наши, сливаясь, текли на солому.

Потом прибежали Чижик, мой друг по оркестру, старшина роты Ваня Баранов, наш политрук Серов...

Надо мной склонился начальник санслужбы полка военврач Веприков.

— Ну, хватит, Николай... Довольно, не плачь, — успокаивал он меня. — На-ка водочки, выпей... Сейчас поедем отсюда... выпей, Коля, — повторил он...

Я выпил. Принесли две большие дохи, закутали меня. Сильные руки бережно и осторожно подняли меня и тихо понесли на улицу.

Советская артиллерия ведет бой за Можайск, январь 1942 г. На заднем плане — Никольский собор. Тот самый собор, в котором был устроен лагерь русских военнопленных

Девушки прибывают агитплакаты на улице освобожденного Можайска, январь 1942 г.

Василий ФЕДОРОВ

* * *

Учитель через много лет
Вопрос увидит в детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?»

Чем наша родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была —
Все там же, за хребтом Урала?»

И давней битвы рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет: «В дни народных бед
Сибирь стояла за Москву».

(Публикуется по: Родина: стихи молодых поэтов. — Новосибирск, 1944.)

— До свидания, товарищи! Бейте гадов, бейте их, давите... — кричал я своим друзьям.

— Отомстим, Коля!

Через час меня внесли в палатку полевого медпункта. Вокруг меня были санитары, фельдшера.

— Узнаешь, Коля? Не забыл?

Как их было не узнать, милых, родных товарищей, с которыми шел в армию, с которыми прослужил целых два года!

Впервые за два месяца я покушал настоящей человеческой пищи. Взяв в руки настоящий хлеб, я не сразу стал есть, а долго смотрел на него и... плакал. Потом фельдшер Миша Тафинцев увез меня в медсанбат.

В чистой, белой, залитой светом палатке надо мной склонилась сестра:

— Миленький... исхудал как!

Миленький... это слово мне было дороже всех, лучше всех слов на свете. Вчера я был «свиньей», а сегодня мой слух ласкает это нежное, хорошее слово — миленький...

Через несколько дней я приехал в Москву.

10.

Остались позади мрачные, черные, ужасные дни. Я лежал в сверкающей чистотой просторной палате, на мягкой белоснежной койке в одном из лучших госпиталей столицы.

Я был в Москве. В Москве, за которую дрался с врагами, за которую отдал кровь, за которую столько перенес и выстрадал.

Я еще лежу в госпитале. Выздоровливаю. Молодость берет свое: силы прибывают с каждым днем. Я вновь научился смеяться, привык видеть вокруг себя друзей.

О том, что пришлось перенести, я стараюсь забыть, и это иногда удается мне.

Но порой я мысленно спрашиваю себя: «Уж не сон ли я видел? Неужели все, что было со мной, было действительностью?»

Я буду жить. Я снова буду работать для своей любимой родины, но никогда, никогда, до тех пор, пока я буду дышать, в моем сердце не угаснет ненависть к немцам, к фашистам, к этим одичавшим существам, которые осмеливаются называть себя людьми.

Новосибирск, госпиталь.

Николай Мейсак выживет, научится ходить на протезах, окончит Новосибирский педагогический институт, будет работать корреспондентом Агентства печати «Новости», напишет несколько книг, самой известной из которых станет сборник очерков «Сколько у нас Маресьевых?». Скончается в 1984 году в возрасте 63 лет.

В Дзержинском районе Новосибирска есть небольшая улочка, носящая имя Николая Мейсака.

**ПОБЕДА
ЗА НАМИ**

БЕЗ СПРАВКИ О РАНЕНИИ

О победе я услышал в военном госпитале, но как я там оказался — совсем не помню. Когда пытаюсь шаг за шагом воспроизвести свой путь в просторную высокую палату, в памяти возникают яркие цветные кадры, они мелькают вперемешку с черными, беспросветность которых не нарушается даже мимолетной вспышкой света. Цветные кадры — это впечатления от солнечного дня второго мая 1945 года. Моя батарея стоит в каком-то немецком селении северо-западнее Кенигсберга.

Среди самых ярких впечатлений дня — дорога. Обычная немецкая асфальтированная дорога, хотя и повыщербленная разрывами, вся в мелких воронках. Она аккуратно обсажена деревьями с еще не запылившейся листвой. Огромное безоблачное небо надо всем, и кажется, что все прекрасно в этом мире, хотя еще идет война.

Затем в памяти сразу — темная полоса.

За темной полосой — яркая вспышка света. Как будто издалека до меня доносятся встревоженные голоса товарищей, я разбираю отдельные возгласы.

Вдруг врывается чей-то испуганный выкрик — почему-то кажется, что он относится ко мне, и я снова погружаюсь в темноту.

Следующая светлая полоса — и надо мною уже не небо, а лепной потолок. С трудом ворочаю глазами, чтобы окинуть взглядом стены, и вдруг вижу милое девичье лицо в белой косынке.

Ю. М. Мостков,
гвардии капитан

— Ну вот вы и открыли глаза... — доносится до меня тихий голос, и я снова плавно опускаюсь во тьму.

Еще несколько светлых полос, и я узнаю много нового для себя. Я нахожусь в военном госпитале. Раненые тут отовсюду — и стрелки, и артиллеристы, и танкисты, и летчики. Госпиталь расположен в Кенигсберге.

Как-то сестра во время перевязки сказала мне, что врачей больше беспокоит мое ранение в голову, а с ногой, мол, ничего страшного. Я же был уверен в обратном — голова у меня почти не болела (чуть что — я легко и безболезненно проваливался в беспмятство), а нога меня тревожила, каждый шаг давался с мучительной болью.

В один из дней — а дни стояли ясные, теплые, — послышалась за окнами отчаянная стрельба. Она росла, ширилась, перекатывалась с улицы на улицу. Казалось, многочисленная армия движется со всех сторон, подавляя своей силой и численным превосходством.

Вначале раненые прислушивались, затем всех охватила тревога. В чем дело? Кто стреляет?

Тревога нарастала. Кто-то сполз с коек и направился к выходу, кто-то добрался до окна, чтобы видеть, что делается за стенами госпиталя.

Вдруг в палату вбежал военврач.

— Товарищи, тихо! Внимание! — он поднял руку. — Только что по радио передали: гитлеровская Германия капитулировала! Победа за нами!

Илларион ТОЛКОНЮК

Капля крови

Через болота и долины,
Через овраги, реки, рвы
Нам было дальше до Берлина,
Чем немцам было до Москвы.

Пусть древко флага на рейхстаге
Держал в руках тогда не я,
Но с той поры на этом флаге
Есть капля крови и моя.

(Публикуется по: Помнит мир спасенный: стихи поэтов-сибиряков о Великой Отеч. войне и Совет. Армии. — Новосибирск, 1970.)

Штурм Кенигсберга, апрель 1945 г.

Петр КОВАЛЕНКО

* * *

Мы ничего не вправе забывать,
 Как сыновей не забывает мать,
 Что в отчий не вернулись в сорок пятом,
 Погибшие за Родину солдаты!
 Их никому не в силах сосчитать.
 Мы столько братских вырыли могил
 И столько без могил похоронили,
 Что если бы мы яблони садили,
 Сплошным бы садом стал сегодня мир...

(Публикуется по: Коваленко П. Мы верили,
 мы знали: победим: стихи. — Ужур, 2010.)

Крики радости и тревоги смешались.
 Кто-то недоверчиво спросил у военврача:
 — А что за стрельба идет вокруг го-
 спиталья?

— А, это? — врач усмехнулся. — Это
 братья-славяне салютуют Победе!

Ночью я долго не мог заснуть. Каза-
 лось странным, что все осталось таким же,
 как прежде. Это было удивительным и не-
 понятным — ведь если мы дошли до По-
 беды, то все должно выглядеть по-другому!

В ту ночь мне так и не суждено было
 заснуть. Вдруг от двери донесся осторож-
 ный голос:

— Гвардии капитан Мостков в этой
 палате?

— Тут я!

Чья-то фигура в темноте пробиралась между койками.

— Товарищ гвардии капитан!

Я узнал по голосу старшину батареи.

— Гвардии полковник Линьков послал меня узнать, как вы тут?

— Да вроде ничего, поправляюсь. Так и доложи командиру полка, — я радостно
 пожал старшине руку.

— Дело в том, что наша бригада получила приказ — завтра утром начать пере-
 дислокацию. Будем двигаться на Минск, а потом еще восточнее. Куда — точно пока
 неизвестно. Двигаются все — и штаб, и тылы, и все три полка нашей бригады. Гвардии
 полковник Линьков просил сказать: если вы останетесь в госпитале, то в нашу бригаду
 можете и не вернуться — вас отсюда направят в другое соединение.

Я и сам больше всего боялся, что потеряю свой полк, свою бригаду. Ведь в полку
 я без малого почти четыре года, все здесь близко и дорого. Хуже всего, что сейчас ночь
 и, кроме дежурного врача, никого не найдешь...

— Старшина, выручай! Тут вся надежда на тебя. Я еще толком ходить не могу,
 если в таком виде окажусь перед врачом, он меня наверняка не выпишет. Найди дежур-
 ного врача, объясни, в чем дело. Скажи — бригада получила приказ на марш. Попроси
 у него документы...

Вскоре старшина вернулся.

— Ничего не выходит. Дежурный врач не имеет права выписать, это может сде-
 лать только начальник госпиталя. А его сейчас нет — будет только утром.

— Ладно, тогда поеду без документов. Только я же в одном белье... Обмундиро-
 вание в каптерке... Как быть?

— У меня с собой есть одеяло. Полуторка у проходной. Через час-два будем в
 полку. А там вас голым не оставят! — усмехнулся старшина.

Так в первую ночь после Победы я возвращался в свой 6-й гвардейский ордена
 Кутузова полк, в мою бригаду — 1-ю отдельную гвардейскую истребительно-противо-
 танковую Смоленскую Краснознаменную ордена Кутузова бригаду...

В одном белье, завернутый в старое солдатское одеяло, я ехал в полк, счастливый
 от сознания, что меня не забыли, не оставили в госпитале. Я представил себе неизбеж-
 ную при внезапном переезде сумятицу. Значит, командир нашего полка Иван Евгень-
 вич Линьков хочет, чтобы я и впредь командовал своей третьей батареей...

Так у меня до сих пор нет справки, что я был ранен в самые последние дни
 войны.

СВЕТЛЕЛИ ЛИЦА

Л. А. Баландин,
техник-лейтенант

Если сказать коротко — сдержанно мы встретили 9 мая, ликования не было. А на вопрос «почему?» — ответ должен быть более обстоятельным.

Шел победный апрель 45-го. Наши авиаполки, расположенные в Ржеве и Клину на воздушных подступах к Москве, уже предвкушали радость окончания Великой Отечественной. Много выпало на нашу долю тяжелых испытаний: потери друзей, гибель самолетов, разбомбленные аэродромы, штурмовые налеты «мессеров», фейерверки зажигалок, отступление под Загорск, зимнее наступление, круговая оборона, жизнь в замороженных землянках... Словом, обыкновенные фронтовые будни. И вот, когда казалось, что всё уже позади, срочный приказ — грузиться в эшелон. Отборные, обстрелянные части отправлялись на Дальний Восток.

Наш авиаполк с самолетами, наша громоздкая аэродромная техника и мы, летчики и технари, отправились в долгий путь. Ехали не спеша, пропуская вперед порожняки, госпитальные составы. Цельный месяц в теплушках или в боевом охранении. За сохранность техники ответственность несли головой.

Вот и конечный пункт — никому неведомый Ворошилов-Уссурийский. Майскими погожими деньками мы разгрузились, разместились на жилье, потеснив местный гарнизон. Немало подивились, что здесь понятия не имели о жизни в землянках, что все — бойцы и офицеры — располагались в добротных домах, чуть ли не со всеми удобствами, что на аэродроме нет капониров и самолеты стоят ничем не защищенные. Уж мы-то знали, что значит один налет штурмовиков противника. Словом, наше знакомство с боевым опытом, вернее, с отсутствием такового у наших предшественников вызывало не только ироническое к ним отношение, но даже легкое презрение. Кто-то в шутку назвал «великих сидельцев» «геморройщиками». Название привилось и — пошло-поехало, вызывая у дальневосточников-старожилов не веселость, нет, а настоящую неприязнь к нам, «фанфаронам», «зазнайкам», «старперам».

Позднее я понял, что наше презрение было ничем не обосновано, что ребята, всю войну просидевшие без дела на Дальнем Востоке, может быть, куда больше переживали свое вынужденное бездействие, что им куда как трудно было при сложившейся ситуации поддерживать боевой дух, дисциплину, готовность к сражениям. Но тогда, не буду скрывать, антагонизм ощущался.

Марк СЕРГЕЕВ**Возвращение с войны**

Эшелоны гремят обратные,
 посреди зимы,
 и китайские аккуратные
 отстают дымы.
 По теплушкам снует метелица.
 Караулим груз.
 И еще в наши жизни целится
 по ночам хунхуз.
 И еще куржаком оправленный,
 от тревог устав,
 через пули и спирт отравленный
 наш гремит состав.

...Глинобитная улица узкая,
 чей-то грустный взгляд.
 Но все ближе граница русская,
 и сердца горят.
 И уже нам ночами снится:
 над волной ракист,
 распластавши крыла, как птица,
 эшелон летит.

Смотрят матери удивленно,
 детвора бежит:
 журавлиная стая вагонов
 в небесах кружит.
 И садятся напропалую,
 развернув крыло,
 кто на улицу городскую,
 кто в свое село.

Мы выпрыгиваем на травы,
 ордена звенят,
 ах какие, о боже правый,
 очи у девчат!
 Как целуют они нас сладко
 у речных ракист...

Голова на шинельной скатке,
 эшелон гремит.
 Зори — мимо,
 пространства — мимо,
 в ледяной красе,
 и колеса неутомимо
 все отстукивают с нажимом:
 «Живы, мальчишки... живы, живы...
 Да не все...
 не все...»

(Публикуется по: Сергеев М.
 Вечерние птицы: стихи. — М.: Современник,
 1987.)

И вот в этой атмосфере майским утром до-
 неслась до нас весть о победе. Старожилы немного
 конфузились: без них свершилось великое дело.
 А мы всей душой были там, на западе, с наши-
 ми боевыми друзьями, с которыми нас разлучила
 судьба. Мы знали, что для нас победа в полном
 смысле этого слова еще впереди, знали, что еще
 предстоят жестокие бои с самураями, новые по-
 тери и новые испытания. Вот почему беззаветного
 ликования у нас не было.

Выстроили нас, авиаполк и батальон аэро-
 дромного обслуживания, недалеко от стоянок са-
 молетов. Начались речи, поздравления. Замполит
 почему-то называет мою фамилию. Выхожу перед
 строем, снимаю фуражку и вглядываюсь в лица ре-
 бят.

— Дорогие друзья! Однополчане!

Строй выглядит совсем не парадно. Кто-то
 только что сменился с боевого дежурства — за-
 саленные комбинезоны мотористов, шлемы летчи-
 ков. Лишь некоторые успели надеть кителя и при-
 цепили награды. Никакой строевой выправки. А
 ребята — золото. В нашем полку был первый ноч-
 ной таран под Москвой. Его автор — капитан Ка-
 трич, а вовсе не Виктор Талалихин. Просто посты
 ВНОС не сразу зафиксировали этот его подвиг. А
 наши мотористы, прибористы, оружейники — это
 же великие мастера своего дела! Что они только не
 делали, чтобы техника работала безотказно. Смо-
 трю на них, и сердце начинает биться учащенно,
 возвышенные слова сами просятся:

— Весеннее майское солнце озаряет нашу ра-
 дость, наше счастье. Победа! Это слово золотыми
 буквами будет вписано в великую книгу россий-
 ской истории!

Кажется, слова мои доходят. Вижу — лица
 светлеют, плечи распрямляются. Никогда я не дер-
 жал подобных речей. Поэтому и удивился, когда
 ко мне подошел наш комиссар и без лишних слов
 предложил сменить профессию, стать политруком.
 Не задумываясь, наотрез отказываюсь. Разве
 можно изменить своей профессии, которой отда-
 но шесть военных лет, разве можно забыть бес-
 сонные ночи на командном пункте, когда от твоего
 слова зависит — будут полеты или срочно сядет
 на землю последний самолет, прежде чем налетит
 шквал или аэродром затянется внезапно набегающий
 туман?

Наше празднование Дня Победы на новом
 месте проходило без каких-либо застолий, полу-
 чили свои фронтовые сто граммов да сходили на
 берег холодной речки Суйфун.

Зато день победы над Японией был шумным,
 со стрельбой из всех видов оружия. Мир, казалось,
 установлен прочно, навсегда.

«ЗА ТЕХ, КТО НЕ ДОШАГАЛ!»

Отвоевавшись к сентябрю 42-го, отлежав бока на госпитальной койке к сентябрю 43-го, вернулся в Новосибирск, откуда в сентябре 41-го уходил в составе лыжной бригады на фронт. В заплечном вещмешке привез бутылку спирта и три картонные коробки. В одну из картонок госпитальная сестра-хозяйка упаковала запас стерильных тампонов и бинтов (раны еще продолжали требовать к себе внимания), вторая была наполнена желтым мелкокристаллическим порошком, именовавшимся риванолом и обладавшим противомикробным действием, а в самой маленькой хранилась горсть «сувенирных» обломков собственной кости, перемешанных с осколками немецкой мины, которая достала меня на поле боя вслед за снайперской пулей.

С этим вещмешком и начал обустройство в колючей обыденности глубокого тыла, где картофельные драники, поджаренные при микроскопическом участии растительного масла, и затируха из отсевок ржаной муки воспринимались как деликатес. Жене доводилось время от времени навещать донорский пункт — там в качестве платы за сданную кровь выдавали дополнительную хлебную карточку, которую разрешалось тут же и реализовать; получив буханку хлеба, она не в силах была удержаться на пути домой от искушения отщипнуть кусочек-другой, пока от буханки не оставалась половина, предназначавшаяся для меня.

Батареи отопления в квартирах пребывали в зимнюю пору в полуобморочном состоянии, а коммунальные службы видели свою главную задачу в том, чтобы не позволить батареям перемерзнуть. По радио периодически транслировали рассказ о том, как трудился Ленин (не припомню имени автора), — Ленину якобы продуктивнее всего работалось при комнатной температуре, не превышавшей 13 градусов.

Электроэнергии хватало только на освещение, пользование электроплитками запрещалось категорически, нарушителям грозил неподъемный штраф. От соблазна розетки заклеивались бумажными квадратиками, заверенными гербовой печатью. Пищу готовили на плите, неумно пожирившей каменный уголь; драгоценные камушки антра-

Г. Н. Падерин,
старший сержант

Леонид МАРТЫНОВ

* * *

Пластинок хриплый крик
И радиовещанье,
И непрочтенных книг
Надменное молчанье,
И лунный свет в окне,
Что спать мешал, тревожа, —
Мы оценить вполне
Сумели только позже,
Когда возникли вновь
Среди оторопенья
Моторов мощный рев,
И музыка, и пенье,
И шелест этих книг,
Мы не дочли которых,
И круглый лунный лик,
Запутавшийся в шторах,
И в самый поздний час
Чуть зримый луч рассвета...

Подумайте! У нас
Украсть хотели это!..

1945

(Публикуется по: Мартынов Л.
Избранные произведения. Т. 1. —
М.: Худ. лит., 1990.)

цита собирали на обочинах железнодорожного полотна по пути следования кузбасских угольных составов...

Нескончаем щемящий перечень невзгод военной поры, обильно политый слезами женщин, стариков, детей, но мы к тому времени не сомневались: победа будет за нами! И еще: мы безоглядно верили, что после победы жизнь быстро пойдет в гору. Это знание и эта вера держали на плаву.

Ожидание последней точки в изнурительной войне было долгим и терпеливым, но чем короче становилось расстояние до Берлина, тем поспешнее колотилось сердце, торопя заветный день. В конце марта победного года перестали выключать на ночь радио, мирясь с тем, что черная бумажная тарелка громкоговорителя будила в шесть утра всю нашу коммуналку.

Сорок пятый апрель спустился с неба, распродав, подобно цыгану, всю зимнюю одежду. Солнце радовалось вместе с нами победной весне, снег полностью растаял в первые дни месяца. Не имея в своем гардеробе демисезонного пальто или какой-либо куртки, сразу из солдатского полубубка перебазировался в кургузый пиджачишко и чувствовал себя вполне комфортно.

Пришел май. Главной темой всех разговоров — на работе, дома, на улицах, в кинотеатрах — были сообщения Совинформбюро. Ко сну отходили в сопровождении баритона Юрия Левитана, день ото дня набравшего торжествующую высоту, с его аккордами и просыпались.

И вот он — пик: «Говорит Москва...»

Все же по-странному устроена человеческая психика: столько дней готовились к этой минуте, давно свыклись, казалось бы, с мыслью, что вот-вот последует сообщение о завершающей точке, а когда оно прозвучало (у нас в Новосибирске только-только зачинался день) — сердце сбилось с ритма от неожиданности.

Скорее — на улице, к людям, поделиться радостью с теми, кто пропустил трансляцию! Но нет, таких не существовало. Центральная площадь города, а вслед за нею и весь Красный проспект заполнились толпами по-летнему одетых ребятишек, женщин, стариков, солдат, парней, скакавших на костылях в госпитальных фланелевых халатах, из-под которых белели гачи подштанников. Молодежь смеялась и пела, старики плакали, появились гармошки и гитары, трофейные аккордеоны, начались танцы.

Почему-то многих, как и нас с женой, охватило необоримое желание двигаться, переходя от группы к группе и обмениваясь поздравлениями с такими же ошалевшими от избытка чувств людьми. На ликующее столпотворение удивленно пялились неумытыми окнами автобусы, которые остались без пассажиров и без водителей там, где их застал голос Левитана.

...Дома ждала госпитальная бутылка спирта, предназначавшаяся для обработки ран, — они обошлись без роскошества, довольствуясь риванолом. Подъехал одиннадцатилетний братишка жены, позвали соседей, сдвинули граненые стаканы и алюминиевые кружки, и 76-летний Петр Петрович Поливин, которому в этот день разрешили не являться на службу в управление железной дороги, предложил цепляющимся за остатки зубов голосом:

— За тех, кто не дошагал!

РОССИЯ ПОД МИРНЫМ НЕБОМ

«Россия под мирным небом» — под таким жизнеутверждающим и светлым названием прошел областной литературный конкурс, приуроченный к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Организаторами его были Новосибирская государственная областная научная библиотека, Новосибирская областная юношеская библиотека, Областная детская библиотека им. А. М. Горького, Новосибирская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих, редакция журнала «Сибирские огни». Конкурс проводился при поддержке Министерства культуры Новосибирской области, Новосибирского библиотечного сообщества, Гильдии молодых библиотекарей, Новосибирского отделения Союза писателей России.

В общей сложности на все четыре номинации («Проза», «Поэзия», «Эссе», «Буктрейлер») было подано 73 заявки.

Жюри конкурса высоко оценило видеоролики и слайд-шоу (номинация «Буктрейлер») Сергея Тушина (Кыштовский район, д. Малая Скирла), Анастасии Скопич (г. Карасук), Кирилла Балобина (г. Бердск), Кристины Брагиной (г. Карасук), Вячеслава Коскина (Кыштовский район, д. Старая Скирла), а также Татьяны Кожановой (г. Карасук) и Натальи Суховеевой (Карасукский район, с. Чернокурья).

В номинации «Эссе» было отмечено много работ от совсем молодых — в возрасте от 14 до 18 лет — авторов. Вот имена победителей: Алексей Рябов (г. Карасук), Илья Лакин (Мошковский район, с. Ташара), Дарья Козловская (Ордынский р-н, р. п. Ордынское), Виктория Рахметова (г. Карасук), Юлия Головченко (г. Карасук), Марина Соснова (г. Карасук), Аким Чебыкин (г. Искитим).

Публицистические размышления, рассказы о родственниках-фронтовиках и мемуары от авторов более солидного возраста, впрочем, тоже не остались без внимания. Жюри выделило произведения Анастасии Елисовой (г. Карасук), Кульжазире Абайдулиной (Краснозерский район, с. Майское), Раисы Артамоновой (р. п. Коченево), Рианны Чапаевой (р. п. Ордынское), Валентина Новикова (г. Новосибирск).

В номинации «Поэзия» решено было отметить стихи Елены Ткач (г. Карасук), Зои Кошелевой (г. Карасук), Евгения Бевза (г. Карасук), Зинаиды Соломатовой (Тогучинский район, с. Юрты), Дениса Белозёрова (г. Барабинск), Руслана Соломатова (Тогучинский район, с. Юрты), Дмитрия Михайлова (р. п. Коченево), Олеси Шикито (г. Чулым).

Представляем некоторые из работ, прошедших жесткий отбор и попавших в финал конкурса.

Валентин НОВИКОВ

АЛЕШИН ОРДЕН

Алеша — мой старший брат. Я не писатель, но мне захотелось записать свои воспоминания о нем и его жизни в военные годы, его участия в войне с Японией. Такая мысль появилась у меня в связи с юбилеем Победы в Великой Отечественной войне, участниками которой были отец и брат. И еще в связи с тем, что, уже будучи инвалидом II группы по зрению, я получил возможность записывать свои мысли на компьютере вслепую, пройдя курс компьютерной грамотности в Левобережной местной организации ВОС, за что я сотрудникам организации очень благодарен.

Брат достиг призывного возраста (18 лет) в марте 1945 года и поэтому попал только на Восточный фронт. Отец ушел на войну почти сразу после ее начала. Я родился уже после его ухода, но весточку о моем рождении он получить успел и успел откликнуться на нее. А потом пропал без вести. Он воевал на сталинградском направлении еще в период отступления, еще до генерального сражения на Волге. Был санитаром при полевом госпитале, выносил на себе раненых бойцов. И возможно, он был захвачен в плен при исполнении своих обязанностей. Мой сын нашел в списках заключенных Каунасского концлагеря имя Матвея Новикова, но неизвестно, наш ли тот Матвей, и неизвестна его дальнейшая судьба.

Проводы брата я не помню. Впервые я увидел брата в девять лет, когда он приехал в отпуск — в военной форме с двумя звездочками на погонах и с орденом на груди. Его приезд был для нашей семьи как приезд волшебника. Он выгрузил из подводы, кроме большого чемодана, гармошку, патефон, коробку с пластинками и еще что-то, что меня — после гармошки — уже не заинтересовало. К вечеру сбежалась почти вся деревня: как же, почти герой, с орденом приехал!

Погостив, Алеша снова отбыл на службу. Следующий раз он появился дома в 1957 году с женой Лидой и сыном Юрой. Тогда он был уже капитаном и служил в Венгрии. Ничего о службе не рассказывал, единственное, что я услышал, что он особист, служит в органах госбезопасности. Понятно стало, почему в Венгрии — ведь там мятеж. Потом служил в Польше, тоже, по-видимому, из-за неспокойной обстановки. Там он заочно окончил Ленинградский университет по специальности «юриспруденция». Собирал материал по рабочему движению — для диссертации, но работу не завершил из-за болезни глаз. Дослуживал в Выборге, ушел в отставку подполковником. На пенсии занимался патриотическим воспитанием молодежи.

Я был у него в Выборге дважды. Вот что он рассказывал мне при встречах.

...Представь, Валя, что может чувствовать восемнадцатилетний парень, которому перед строем вручают боевой орден, орден Славы. Я после этого ходил как во сне, обдумывая свое поведение в бою, не понимая, чем же я сильно выделился. Ночью не спал, вспоминал свою недолгую жизнь. На меня ведь в 14 лет легла ответственность за семью после ухода отца на войну. Это и дров напилить, и сено заготовить, а потом зимой все это домой надо возить. Брату поменьше, Ефиму, — 12, в лес или за сеном не пошлешь. Так, по хозяйству только да по дому помогал маме. А у мамы мал мала меньше, да еще ты вот родился. Кстати, это я предложил назвать тебя Валентином.

А когда меня в 16 лет назначили счетоводом в колхозе, я почувствовал на себе, как не только физический труд, но и душевные муки могут изматывать. Взять хотя бы случай при подписке на заем. Из района приехали двое, сели за стол в конторе и меня посадили с краю как писаря. Вызывали людей по списку, предлагали подписаться на некую сумму займа государству. Подписывались, куда деваться. Одна женщина, Анна Федиха (по мужу называли женщин в деревне), говорит:

— Не могу, денег нет, четверо детей, мужика на войне убили.

— Нельзя отказываться, надо подписаться.

— Не могу, давайте я мешок картошки притащу.

— Зачем нам картошка? Нам твоя подпись на заем денег государству на войну нужна!

Слышу всхлипы, шмыганье носом. Глянул на Анну — ее трясет всю, и слезы текут. Высморкалась, утерла слезы платком с плеч.

— Успокойся, поступят деньги за убитого мужа, вычтем из них твой взнос. А картошку ешьте сами.

Подписалась.

Другой случай. Пришлось мне быть плугарем (помимо службы счетоводом) на вспашке земли под весенний сев пшеницы, а в плуг были впряжены четыре женщины. За выполнение установленной нормы им засчитывались трудодни да еще — по решению председателя — получали они по стакану семенной пшеницы, выданной из района на посев. Почему пахали на женщинах? Да потому, что в колхозе остались только старые больные лошади, на которых пахари-пацаны не справлялись с планами. Молодых и сильных лошадей забрали на фронт, а тракторы практически отсутствовали. Мы со старичком председателем очень боялись, что нас посадят за перерасход семян. Но обошлось.

Призыв в армию — при таком-то положении дел в колхозе — не пугал. Да, на войне тяжело, могут убить, но дома моральные терзания тяжелее.

И голод не отступает, усиливается. Еда — похлебка из лебеды да крапивы да лепешки из картошки, чуть сдобренные мукой. Среди новобранцев-одногодков я чувствовал себя стариком и действительно выглядел намного старше своих лет.

При форсировании хребта Большой Хинган нужно было занять позицию на одной из сопок. Склон местами крутой, крупные камни, отдельные корявые деревца. Деревья срубали, камни откатывали в сторону. Пушки развернули, начали затаскивать их не так, как тягач их тащит, а сошниками назад. Объединились расчеты всей батареи, но дело продвигалось туго. Я сообразил, что нужен рычаг, срубил подходящие дубки, и катить удалось силами одного расчета. Двое здоровых парней подсовывали концы дубков под ось, враз приподнимая пушку и продвигая ее вперед, другие подсовывали камень под колесо. И так снова и снова, снова и снова, пока не достигли вершины. Другие расчеты делали то же, и батарея быстро подготовилась к бою, замаскировала орудия.

За перевалом в долине расстиралось поле гаоляна. За ним проходила железная дорога. Приближался паровоз с крытыми вагонами — явно с солдатами, прибывающими с намерением закрыть перевал.

— Осколочно-фугасными заряжай! По вагонам пли!

Есть попадание! Двери вагонов открылись, и оттуда посыпались японцы.

— Шрапнелью заряжай, по пехоте беглым огнем пли!

Японцы побежали в гаолян, стреляя куда попало на бегу. Я был при командире батареи, он приказал мне связаться со второй батареей: что там, почему не стреляют? Кручу ручку радиации — связаться не могу. Командир кричит: «Не можешь по радиации, ногами связь обеспечить!» Вручил мне записку, и я побежал.

Между нашими сопками был распадок, в который языком входило поле гаоляна. Я заприметил положение солнца относительно моего маршрута и нырнул в гаолян. Он оказался высоким, с толстыми крепкими стеблями и с жесткими листьями. Он уже созрел, подсыхал, и с него осыпалась колючая пыльца. Она попадала за шиворот, липла к потной шее, лицу, лезла в нос и глаза. Листья царапали лицо и руки. Над головой иногда цвиркали пули, одна перебила стебель под метелкой, и соцветие — а оно тяжелое, крупное, как добрый кулак, — упало мне на загривок. Я с испугу аж присел, но опомнился и побежал дальше. Поглядывая на солнце, я успешно вышел на нужную сопку, нашел командира и отдал записку. Они только еще разворачивали батарею. Комбат дал мне ответную записку, и я побежал обратно. Добрался до своих я быстро, доложил лейтенанту, отдал записку.

— Ну, что там у них?

Советские войска форсируют Большой Хинган, август 1945 г.

— Да запурхались, только-только вылезли. Меня там не было...

— Точно. Представлю к награде.

Больше в этом бою и в дальнейших боях со мной ничего особенного не происходило. Свой орден я получил в Порт-Артуре перед строем всего нашего дивизиона.

Там же вскорости решился вопрос о моей дальнейшей службе и, можно сказать, судьбе. Я еще со школы очень красиво писал и, хотя окончил всего шесть классов, меня, как гово-

рил, поставили счетоводом в колхозе, где я привык составлять всякие ведомости, таблицы. В первый же день в армии старшина спросил, кто умеет хорошо писать, я отозвался. И с того времени был писарем во всех подразделениях, куда попадал по службе. И вот обо мне узнали в главном штабе, вызвали туда.

Начальник штаба начал разговор по-отечески мягко:

— Ну что, герой, рад награде?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Ну а как, на сверхсрочную не думаешь остаться?

— Пока не знаю. Домой надо, маме помогать надо. У нее еще семеро, а отец пропал без вести.

— Знаю, сынок, все знаю и поэтому предлагаю тебе армейскую службу. Получишь звание офицера, будешь помогать матери деньгами из неплохого офицерского аттестата.

— Офицерского? Да у меня шесть классов всего...

— Знаю, знаю, что в колхозе был счетоводом — считай, главбухом. Это же второе лицо в деревне, кого попало не поставят. Поучишься, здесь мы школу открываем, сдашь экстерном за среднюю школу, направим тебя на краткосрочные офицерские курсы. Нам умные инициативные кадры нужны.

— Спасибо, согласен.

— Ну и добре. Заберем тебя от пушкарей, назначим писарем.

Так все и происходило. После присвоения мне звания младшего лейтенанта мне поручили работу с секретными документами в Особом отделе «Смерш». Наводя порядок в шкафах, я наткнулся на черновик приказа о моем награждении. Выглядел он примерно так: «За проявленные находчивость и инициативу при выходе на позиции стрельбы, мужество при выполнении приказа командира в боевой обстановке, приказываю: наградить рядового Новикова Алексея Матвеевича орденом Славы третьей степени». Подпись и дата.

Последний раз я был у брата, когда ему исполнилось 80 лет. В куче разных юбилейных и памятных медалей я нашел тот самый орден Славы, с которого началась — близкая к боевой — его служба Родине. Служба длиною в жизнь. А через неполные два года он, будучи в звании полковника, скончался.

Честь ему и слава!

Евгений БЕВЗ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отцвели за дымкою закаты,
 На поля ложится тишина.
 Но не спится старому солдату —
 Все ему мерещится война.

В серенькой поношенной шинели
 Возвратился в свой родной колхоз,
 Из окошек женщины глядели,
 Не скрывая набежавших слез.

А он шел, худой и виноватый,
 Что остался жив, что тощ, как жердь,
 Что с войны вернулся в сорок пятом,
 Уходивши не один на смерть.

Вся деревня плакала, смеялась,
 А колхозный сторож дед Иван

С прибауткой (что-то залежалась)
 Развернул обшарпанный баян.

Ухватившись за рукав шинели,
 Мать ходила целый день за мной,
 Чтобы точно знать — не проглядела,
 Не минуло счастье стороной.

Вот оно, небрито и помято,
 Порохом пропахло, — но ее!
 И под вечер повела солдата
 Посмотреть колхозное жнивье.

Точно как сейчас, вот так же тихо,
 Над деревней плыл закат во мгле...
 Сердце застучало и притихло,
 Приросло сосудами к земле.

Рианна ЧАПАЕВА

**БЕЗРАДОСТНЫЕ КАРТИНЫ
ГОЛОДНОГО ДЕТСТВА**

*Они не носят ордена,
 Им не положены медали.
 Их не запомнила страна,
 Так как они не воевали.
 Они лишь дети той войны,
 Великой, страшной и кровавой...*

Елена Копылова

Все дальше и дальше уходят от нас события той страшной войны, но память не стирает картины безрадостного голодного детства, потому что каждый день мы боролась за жизнь, пытались выжить любой ценой.

Есть хотелось всегда, поэтому, тщательно обследовав весь растительный мир, ели все, что было не очень горьким на вкус: хвою лиственницы, саранки, лебеду, крапиву, корни камыша, всю ягоду без разбора.

Мама одна работала на нас четверых в колхозе «Сибирское Красное знамя». С восходом солнца она уходила на работу, а возвращалась с закатом. Мы с Ильей ее

встречали. Половинку своей пайки хлеба она всегда несла нам, поэтому ее котомку, как что-то дорогое, тащили по очереди. Мама разделит хлеб на пятерых — кусочек со спичечный коробок каждому получится. Бабушка два раза откусит и говорит: «Мне мало». Мама отдаст ей свой кусочек. И были у нее одни кости, обтянутые кожей.

А иногда мама придет с поля, а мы спим. Она суп из травы сварит, нас разбудит:

— Съешьте хоть по ложке, чтоб я видела, что вы поели.

Брат подсказывал как ужаленный:

— А что есть? — не теряя надежды на что-нибудь повкуснее, спрашивал он.

Ложки были деревянными, с неровными обломанными краями, потому что мы их съели.

Однажды мы с Ильей пробегали весь день и не нарвали травы. Обессиленная от многочасовой работы в поле, мама дала нам по подзатыльнику. Мы схватили ведро и побежали вдоль дороги. Собираем лебеду и плачем. Брат потихоньку, а я навзрыд, потому что мне можно — ведь мне всего пять лет.

Плакали в ту пору часто.

Картошки — и той не хватало. Вырастет с голубинное яйцо — начинаем подкапывать. Помидоры ели только свежими, в зиму не солили, потому что не было соли. Турнепс ели, репу. Морковку начинали таскать, когда она выростала с мизинца. Я проснусь, бывало, раньше брата, наведу ревизию в огороде, а он потом орет на всю деревню:

— Я точно вчера видел: была здесь большая морковка, была! Это ты ее съела!

А я, неподдельно насупившись, говорю:

— И не ела я ничего. Может, кто украл?

Подобные перепалки иногда заканчивались дракой. Но перемирие происходило быстро, потому что общих дел было невпроворот. Мы, как и все деревенские ребяташки, часто ходили по ягоду. А мама сушила ее на капустных листьях. Варенье не варили, потому что сахара тоже не было.

Иногда мы с Ильей тайком сдавали в магазин по два куриных яйца и покупали конфеты. Это было нечасто, но было. Ну не могли мы устоять перед соблазномлизать сладкое чудо. Конфеты не разжевывали и не рассасывали, а именно лизали, чтоб продлить удовольствие.

А кроме конфет хотелось, конечно, мяса. Но все мясо, так же, как и яйца, сдавали на фронт, а мы ели дохлятину. Сдохнет теленок или корова от незаразной болезни, женщины просят ветсанитарку, чтобы не обливала креолином. Разрубят на куски и тащат домой. Мама в рот положит кусок такого мяса, а жевать не может. А нам было все равно, ели все подряд. Я лично не понимала, какая разница. Мясо — и все тут! Главное, не трава.

В колхозе на зиму давали 15 кг муки на одного работающего. Мама пыталась экономно тратить эту муку, но иногда пекла шаньги.

Мы жили недалеко от дороги, поэтому к нам время от времени заходили мужики, которые возвращались с фронта. Однажды, когда мама напекла шаньги, к нам зашел мужчина и сказал: «Дайте что-нибудь поесть». Мы дружно выпалили: «Нам самим нечего есть!» Он посмотрел на шаньги и вышел.

Через некоторое время мимо дома проехала телега, в которой лежал этот мужчина. Наверное, умер от голода. Эти воспоминания не дают мне покоя всю жизнь. Так и стоит передо мной этот мужчина с голодными глазами...

Елена ТКАЧ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Истлел былых знамен карминный шелк,
Но снова в дни волнующие эти
Алеет тут и там Бессмертный полк,
Проходит по разбуженной планете!

Глубин России хлынувший поток
Весомей, чем бесстрастные архивы, —
Глаза на снимках значимее строк
И сквозь десятилетия всё живы!

По улицам все новых, новых стран
Шагает память, множатся портреты,
И времени бездушные ветра
Не обращают вспять движенье это...

Свидетельством чудовищных утрат,
Всеобщей сопричастности к Победе
И данью ей — невиданный парад:
Бессмертный полк — в разливах майской меди...

Советские танкисты радуются победе, Берлин, 9 мая 1945 г.

Над номером работали:
М. Акимова, М. Щукин, В. Титов, О. Вялкова

В оформлении первой страницы обложки использованы фрагменты плаката А. Туркина:
А. А. Туркин. Не покладая рук работать для фронта.
Плакат. 1941. Новосибирский государственный художественный музей.

На второй странице обложки:
Монумент Славы. Новосибирск. Фотографии Ольги Вялковой.

На третьей странице обложки:
«Бессмертный полк». Новосибирск. Фотографии Евгения Иванова.

Адрес редакции и издателя:
630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел.: (383) 223-10-15
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.pf>

Подписано в печать 04.06.2020 г.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.